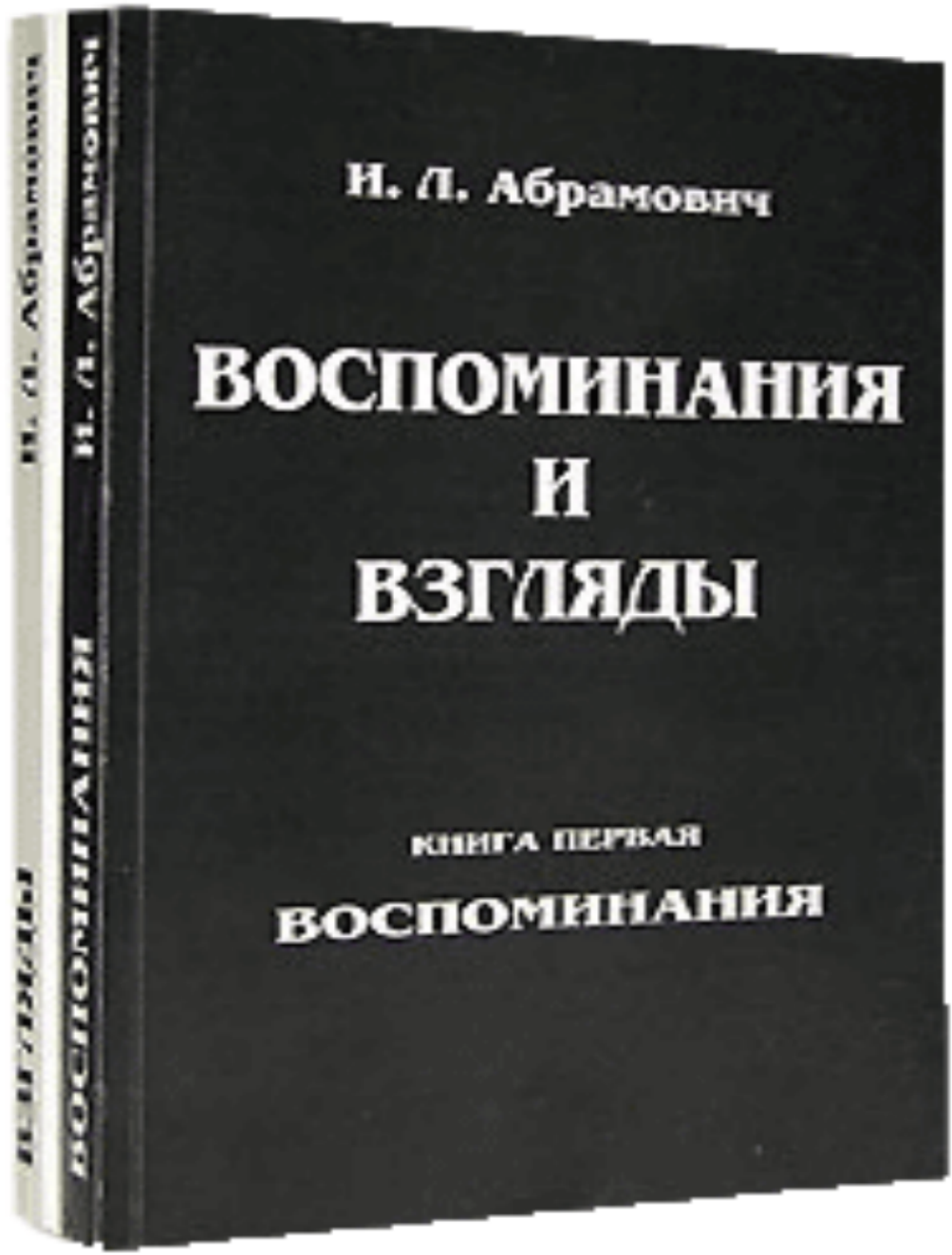
И. Л. Абрамович
ВОСПОМИНАНИЯ
И
ВЗГЛЯДЫ
КНИГА ПЕРВАЯ
ВОСПОМИНАНИЯ
И. Л. Абрамович
ВОСПОМИНАНИЯ И ВЗГЛЯДЫ
И. Л. Абрамович
ВОСПОМИНАНИЯ И ВЗГЛЯДЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Исай Львович Абрамович был участником гражданской войны, Троцкистской оппозиции, Великой Отечественной Войны, 2 раза сидел при Сталине, много работал и вообще был интересным человеком. После выхода из лагеря в 1955 году он был диссидентом, но при этом всегда с более или менее коммунистических позиций. Умер в 1985 году, оставив книгу воспоминаний.

- Исай Львович Абрамович
  - 1. Детские годы
  - 2. Февральская и Октябрьская революции
  - 3. Переворот на Дальнем Востоке
  - 4. На Хабаровском фронте
  - 5. На подпольную работу во Владивосток
  - 6. На учебу — в Москву
  - 7. Внутрипартийные разногласия
  - 8. Завещание Ленина
  - 9. Последствия дискуссии 1923 года
  - 10. Продолжение учебы
  - 11. На практике в ВСНХ
  - 12. Зиновьевская оппозиция
  - 13. Д. Б. Рязанов
  - 14. Воронский и Бухарин
  - 15. И. Т. Смилга
  - 16. Оппозиционный блок
  - 17. Арест, тюрьма и ссылка
  - 18. Бухаринская оппозиция

Исай Львович Абрамович
Книга воспоминаний

1. Детские годы

Мой отец, Лейб Абрамович, родился в 1845 году, в Херсонской губернии, Николаевском уезде, в местечке Павливка.

Его отец, мой дед, имел фамилию Иммельфарб. Но отец и его младший брат Нафталия не захотели служить в царской армии и, когда приблизился срок их призыва, подделали свои паспорта: изменили в них фамилию и год рождения. Так за моим отцом утвердилась фамилия Абрамович, а за дядей — Герц. Суд приговорил их за это на вечное поселение в Иркутскую губернию, в село Пашенное Верхоленского уезда. По прошествии какого-то времени он как портной-ремесленник получил, однако, право на жительство в Иркутске, куда и переехал с семьей.

Другой мой дед, отец матери — Ханы Абрамовны — был гомельским купцом. Как старший сын и наследник отца, не пожелавшего делить капитал, он должен был унаследовать все состояние. Братья, недовольные этим решением, обвинили его в каких-то нарушениях закона — и суд приговорил его к ссылке на вечное поселение в то же сибирское село, куда был сослан мой отец. Маме тогда было восемь лет. А когда ей исполнилось пятнадцать, ее выдали замуж за моего, тогда уже сорокалетнего отца. По ее рассказам, она была тогда еще совсем ребенком, в куклы играла. А отец выдал ее замуж за пожилого ревнивого человека крутого нрава, который часто бил ее. Прожила она с ним двадцать лет. Умер он от скоротечной чахотки, нажитой от 12-15-часовой ежедневной работы.

Мать осталась вдовой с четырьмя сыновьями. Старшему, Давиду, было тогда пятнадцать лет, Григорию — десять, Натану — семь и мне — пять. Собственно, детей за двадцать лет своего брака мать родила четырнадцать — тринадцать сыновей и одну дочь, но многие из них либо родились мертвыми, либо умирали от болезней. Скарлатиной, например, одновременно болело нас шесть братьев. Четверо умерли.

Я родился в 1900 году, 1 апреля по старому стилю. Мать полезла в подпол за продуктами, споткнулась, упала, и у нее начались преждевременные роды. Она послала старшего сына Давида сообщить об этом отцу, который работал в портняжной мастерской Шнайдера. Мальчик пробежал, запыхавшись, километра полтора от нашего дома до мастерской и попросил одного из подмастерьев передать отцу, что у матери начались роды. Зная, что по расчетам рожать ей еще рано, отец сначала не поверил, считая, что это — первоапрельская шутка.

Но это была не шутка, сын у него действительно родился и

доставил много хлопот своей матери. Недоношенного, болезненного, меня держали в вате, главным образом на русской печи. Ухаживали за мной мать и единственная моя сестра Сара, старшая из детей, которой в ту пору было пятнадцать лет. Спала она около печи на полу, но молодой сон крепок, и как-то отец проснулся от моего крика раньше, чем Сара, и разбудил ее ударом ноги в живот. Удар был настолько силен, что сестра вскоре умерла. Так я стал невольным виновником гибели своей единственной сестры. Мать любила ее больше всех, и она единственная из детей помогала матери.

Отец был необузданно вспыльчив, и даже гибель сестры не могла укротить его. Я сам не помню, но мне рассказывали, какой погром учинил он однажды на нашей улице.

На этой улице Подгорной были расположены все публичные дома города Иркутска. Это очень беспокоило моего отца, у которого росли сыновья. А проститутки любили зазывать к себе маленьких детей, играть с ними, угощать их сластями: видно, им хотелось излить на них нерастраченную материнскую нежность. И вот однажды отец нашел пятилетнего Гришу мирно заснувшим в публичном доме. Взбесившись, отец, вытащив сына, стал бросать в окна публичного дома кирпичи и громогласно, на всю улицу, ругаться на еврейском и русском языках.

Мне было пять лет, когда умер отец. 1905 год запомнился мне двумя событиями, причем оба были связаны с похоронами. Должен признаться, что не столько смерть отца врезалась в детскую память, сколько тот факт, что мой дядя Нафтул, не желая брать на кладбище двух малышей, подарил мне и моему брату Натану по серебряному рублю, чтобы мы не рвались на кладбище.

Мы, маленькие, мало понимали в семейных взаимоотношениях. Но и старший мой брат Давид, которому уже исполнилось пятнадцать лет, проявил полное равнодушие к смерти отца. Слишком часто он не только испытывал на себе тяжелую руку отца, но и был свидетелем того, как тот избивал мать. Однажды, когда отец, придя с работы усталый, в присутствии Давида ударил мать, сын вступился за нее. Тогда отец выгнал Давида в нижнем белье в сени (дело было сибирской зимой) и запер дверь. Мать плакала, несколько раз делала попытки открыть дверь и впустить Давида, но отец был неумолим. Только когда он заснул, матери удалось тайком впустить сына в квартиру. После этого Давид заболел воспалением легких.

Второе яркое воспоминание о 1905 годе — впечатление о демонстрации по поводу похорон братьев Винер.

Братья Винер, члены партии социалистов-революционеров,

стали во главе дружины еврейской самообороны от готовившегося погрома. В дружину входили не только евреи, но и русская революционная молодежь. О подготовке погрома узнали от нескольких еврейских богачей-золотопромышленников, имевших личные связи с власть имущими, предупредившими своих друзей. Золотопромышленники выделили некоторые средства на приобретение оружия, а Винеры сформировали организацию самообороны и обучили членов дружины стрелять из пистолетов.

Когда толпа погромщиков, вооруженных пистолетами, топорами и ломами, двинулась к домам, где жили евреи, их встретил вооруженный отряд дружинников. Завязался бой — и на каждого убитого дружинника пришлось несколько убитых погромщиков. Увидев такой поворот дела, городские власти прислали полицию, которая прекратила столкновение.

Во время этого боя и погибли оба брата Винеры, похороны которых вылились в многолюдную демонстрацию. Мы, мальчишки, конечно, бежали за демонстрацией, и мне на всю жизнь запомнилось: множество людей, идущих мерным шагом по мостовой, красные знамена над ними и пение незнакомых песен. Это были революционные песни: в демонстрации приняли участие все революционные партии.

…Матери было тяжело справляться с четырьмя сыновьями. К тому же старший, Давид, и следующий за ним одиннадцатилетний Гриша явно не ладили между собой. Строптивый Гриша не хотел учиться, часто убегал в публичные дома, куда проститутки приманивали его подарками и сладостями. Мать страшно боялась, что он свихнется. Давид часто колотил его, но это только озлобляло мальчика. Однажды, забравшись на крышу, он дождался, пока Давид вернулся домой, стал бросать в него кирпичами и ранил его в плечо.

Мать не знала что делать. По совету дяди Нафтула она написала младшим братьям отца, жившим в местечке Павливка, и попросила их взять на воспитание Гришу. Вскоре пришел ответ с согласием. Грише купили железнодорожный билет, нашли попутчика, и мама поехала с ним на вокзал. И тут ей стало жаль сына, и она предложила ему вернуться домой.

Черт с ним, с билетом и с деньгами, — сказала она, махнув рукой.

Но Гриша, гордый тем, что едет так далеко один, в новую, неизвестную жизнь, отказался выйти из вагона.

Из событий моего детства мне хорошо запомнилось мое с Натаном участие в подпольной работе, а также обыск и арест Давида на нашей квартире. Мне было тогда 8, а Натану — 10 лет.

Мы жили на Арсенальской улице, рядом с каланчой. Я учился в начальной школе. Давид, которому тогда было уже 18 лет, состоял в социал-демократической партии и участвовал в подпольной работе. Для расклейки листовок он использовал меня с Натаном. Вечерами он, тайком от матери, брал меня и Натана и уводил нас в темные улицы города, где жила иркутская беднота. Мы брали с собой банку клея, кисть и 50–60 листовок. Один из нас нес банку, кисть и клей, другой — листовки. Первый быстро обмакивал кисть в клей намазывал его на забор или стену, второй пришлепывал на клей листовку и проводил по ней тряпкой. Сзади шел Давид и всматривался, не идет ли кто навстречу или обгоняет нас: тогда он давал условленный сигнал, и мы прятали все наше оборудование.

Так повторялось много раз, пока не арестовали Давида.

Мы жили в однокомнатной квартире с кухней. Мама и Давид спали на железных койках, а мы с Натаном — на полу, под одним одеялом.

Однажды поздно вечером к нам в квартиру постучали. Мать открыла двери. На пороге стояли жандармы. Ротмистр предъявил ордер на обыск и арест Давида. Жандармы начали перебирать вещи, особенно бумаги и книги. Обыск длился недолго — вещей у нас было мало, — и жандармы ничего не нашли. Но Давида они с собой забрали и оставили нас с мамой в смятении.

Мы с Натаном к тому времени уже кой что понимали. Конечно, о своей «подпольной работе» мы ничего не говорили маме, но у брата спросили, что это за бумаги мы наклеиваем тайком. Давид объяснил нам, кто такие царь, жандармы, полиция, помещики, почему враждуют между собой капиталисты и рабочие. После этих объяснений мы с еще большим рвением расклеивали листовки. Разумеется, и таинственность, и опасность дела тешили наши детские сердца. Расклеивали листовки мы много раз, но ни разу не попались. Иногда утром мы с Натаном тайком не только от мамы, но и от Давида, ходили смотреть, висят ли наши листовки, читали их — и очень гордились своими делами.

Давида продержали недолго, месяц с небольшим — и выпустили за недоказанностью обвинения.

Давид был единственной опорой матери и, по существу, содержал всю семью. Окончив высшее начальное училище, он давал уроки. Ходил он для этого из одного конца города в другой — и одновременно готовился сдавать экстерном за гимназию. Зарабатывал Давид рублей 20–25 в месяц. Это и был бюджет нашей семьи, к которому добавлялись небольшие заработки мамы: она покупала старое платье, ремонтировала или

перешивала его, а затем продавала на барахолке.

В 1909 году Давид стал репетитором Иосифа Уткина, будущего советского поэта. Его родители за уроки предоставили брату отдельную комнату с полным пансионом.

Несмотря на то, что брат стал жить отдельно, он продолжал помогать маме и заботиться о семье. Часто он давал нам с Натаном деньги и посылал за покупками для дома — покупать муку, рыбу, сахар, растительное масло, крупы и прочее. Помню, как мы Натаном покупали рыбу: она в те годы была в Иркутске самым доступным для бедняков продуктом. Мы брали большой мешок, шли на рыбный рынок и ходили меж рядов, приценяясь. Конечно, омуль, муксун, таймень, хариус, сиг были нам не по карману, но окунь, щука, сазан, карась, линь, налим стоили дешево. На рубль можно было купить целый мешок — до двух пудов, если сумеешь как следует наложить. Мама учила нас брать рыбу не слишком крупную и не слишком мелкую — средняя рыба, говорила она, лучше укладывается, и ее входит в мешок больше. Мы строго следовали маминым советам, накладывали в мешок не меньше двух пудов и с трудом тащили его домой, я — взявшись за один, а Натан — за другой конец.

Муку покупали крупчатку, расфасованную в полотняные мешки по 40 фунтов (до сих пор запомнился штамп на белом полотне: «Мука Велицкого»). В квартирах везде были русские печи, и хлеб мама пекла сама. Такого хлеба, как мамин, пышного, пахучего и вкусного, я уже не ел никогда. Была она большой мастерицей и печь пироги с рыбой и рисом (в будни — со щукой, в праздники с тайменем), и особенно — пирожки с мясом, оставшиеся нашим любимым блюдом. Когда у мамы собирались ее уже взрослые сыновья, она прежде всего угощала нас нашими любимыми пирожками.

Но в детстве это бывало редко. Мяса мы тогда ели мало: оно стоило относительно дорого.

Летом мы с Натаном собирали грибы и ягоды, которых под Иркутском было очень много. Обильно росли там смородина, земляника, лесная клубника, брусника, черника, голубика, облепиха и черемуха. Мама солила, сушила и жарила грибы, мочила бруснику, варила кисели и варенье, но большую часть ягод мы съедали свежими. Собирали мы и кедровые орешки, но для этого приходилось ходить километров 20–25 от Иркутска. Кедровые орешки были большое лакомство. Мы калили их на железной печурке, постоянно топившейся в нашей квартире (русскую печь, требовавшую много дров, топили только тогда, когда мама пекла хлеб).

Часто я оставался в квартире один. Мама уходила на

барахолку, Давид был занят допоздна на уроках, Натан убегал с соседскими мальчишками на улицу. Я сидел у печурки, подкладывал в нее дрова и ждал маму, чтобы она, быстро согревшись, приготовила какую-нибудь еду.

Тяжела была вдовья жизнь мамы с малыми детьми. Но и радости у нее были: все сыновья росли трудолюбивыми, честными и любящими. Бывали, конечно, и у нас проступки и шалости, но все мы уважали и любили маму и всячески старались облегчить ей жизнь.

Особенно тяжело стало маме после того, как Давида отправили в ссылку на три года. Тогда-то мама решила выйти замуж. Предложил ей брак овдовевший Промысловский, жена которого умерла родами. У него была обувная лавка на барахолке и собственная обувная мастерская, где работало четверо подмастерьев. Мама колебалась, боясь дать нам отчима, но после ареста единственного кормильца Давида решилась. Она брала на себя тяжелую ношу: у отчима тоже было трое детей — дочь 16-ти лет и два сына — двухлетний Абраша и трехмесячный Матвей. Отчим со старшей дочерью были целый день в лавке, а мать оставалась дома, присматривала за мастерской, готовила на всех пищу, мыла полы, обшивала и обстирывала всех детей.

Мы переехали в четырехкомнатную квартиру. В самой большой комнате, вход в которую был с улицы, расположилась мастерская, в другой — мама с отчимом, в третьей — дети отчима и в четвертой, совсем маленькой, — мы с Натаном. К тому времени Натану было 12, а мне 10 лет. Теперь мы тоже спали на железных койках с матрацами.

Отношения в семье были ровными, хорошими: и отчим к нам, и мама к его детям относились хорошо. Я учился тогда в первом классе высшего начального училища. Натан учиться не захотел, пошел учеником в мастерскую отчима, быстро овладел специальностью и стал работать самостоятельно.

Наша квартира находилась вблизи Первого общественного собрания (ныне филармония), в котором всю зиму 1910/1911 года размещалась опера. Мастерская отчима шила театральную обувь по заказам, и к нам часто заходили артисты и администраторы оперы. Они разрешили нам с Натаном бесплатно посещать спектакли, пускали нас и на репетиции. Там мы услышали многих известных тогда певцов (например, тенора Секар-Рожанского и других). Постепенно мы стали нештатными статистами: когда по ходу спектакля требовалось участие мальчиков, нас выпускали на сцену. Мы по нескольку раз пересмотрели и переслушали все оперы — и это навсегда определило наше отношение к оперному искусству.

За эти предвоенные годы наибольшее впечатление на всю нашу семью произвел суд над Бейлисом в 1913 году. Меня больше всего поразил сам факт обвинения евреев в употреблении крови христианских мальчиков для приготовления мацы.

Отчим и мать были неграмотны. Газеты с отчетами о ходе судебного процесса в Киеве читал им я. Ежедневно я покупал газету «Русское слово» и, усевшись на сапожный стульчик, принимался за чтение.

Процесс Бейлиса взволновал не только евреев, но и всю передовую русскую и мировую общественность. Это относилось и к Иркутску, в котором было много ссыльных революционеров и передовой молодежи.

Известно, что попытка царского правительства путем фальсифицированного дела Бейлиса направить гнев русского народа против евреев была сорвана дружным отпором русского и мирового общественного мнения. На защиту Бейлиса выступил Владимир Короленко, лучшие представители русской адвокатуры, все революционные партии и вся прогрессивная интеллигенция России. Бейлиса пришлось оправдать, хотя от прямого ответа на вопрос о ритуальном употреблении евреями крови присяжные все же уклонились.

Нечто подобное, на слегка модернизированной основе, задумал в 1952 году осуществить Сталин, затеявший процесс над врачами-евреями. К позору страны, называвшей себя социалистической, никакого отпора ни от партии, ни от русской интеллигенции этот черный замысел не получил. Спасло врачей от расстрела, а всех евреев — от лагерных бараков не вмешательство общественного мнения, спасла их счастливая случайность — смерть Сталина.

…Возвращаюсь к своей биографии. В 1912 году вернулся домой мой старший брат Гриша.

Мать сидела у окна за швейной машинкой и, как обычно, что-то шила. Взглянув в окно, она увидела на противоположной стороне улицы упорно наблюдавшего за ней молодого парня. Она присмотрелась к нему, вскрикнула «Гриша!» и бросилась на улицу. Мы все выбежали за ней. Гриша обнял плачущую маму, поцеловал нас с Натаном, и мы пошли домой.

Григорию было всего 17 лет, но выглядел он взрослым мужчиной: высокий, широкий в плечах, уверенный в себе. Жилось ему все эти годы тяжело. С дядей и двоюродными братьями в Павливке он не ужился, сбежал от них в Одессу к другому дяде, тоже портному. Там его, по его рассказам, тоже били и плохо кормили. Он сбежал и оттуда и устроился сам учеником к одному из лучших портных в Одессе. Конечно, сначала он, как и все

ученики, был на побегушках, но постепенно овладел профессией, стал квалифицированным портным и хорошо зарабатывал. Маме он о своих злоключениях не писал.

В Иркутске Гриша жил с нами и работал в портняжной мастерской Любовича. В 1915 году его мобилизовали и направили в 12-й сибирский запасный стрелковый полк. Полк стоял в Иркутске, я часто бывал у брата в казармах и видел, как тяжело переносил он солдатскую службу. Она осложнялась еще тем, что командир полка, полковник Михайловский, зверски обращался с солдатами. Человек огромной физической силы и крутого нрава, он за малейшую провинность вытаскивал провинившегося из строя и собственноручно избивал его.

Через три месяца после призыва Гришу за какую-то вину отправили на фронт. Он попал на Барановичское направление, трижды был ранен и награжден двумя Георгиевскими крестами. В 1917 году после тяжелого ранения его демобилизовали. Он приехал домой и снова стал работать портным.

Давид, отбыв срок ссылки, выдержал экзамен на аттестат зрелости. От службы в армии он был освобожден по зрению, но права на жительство в Иркутске был лишен и должен был вернуться в Верхоленский уезд. Чтобы избегнуть этого, Давид заплатил 25 рублей священнику и получил от него справку, что он принял крещение и наречен именем Виктор. На этом основании ему выдали паспорт на имя Виктора Львовича, православного вероисповедания, и он поселился в Чите, где занимался уроками — преимущественно летом. Как преподаватель он пользовался большой популярностью у читинской буржуазии, ему платили за уроки от 30 до 40 рублей в месяц, а один из читинских миллионеров за подготовку сына предоставил ему, кроме того, комнату в своем особняке и полный пансион. Летом Давид-Виктор зарабатывал до 200–300 рублей в месяц и откладывал деньги на зиму, когда уезжал в Харьков, где учился в университете, на юридическом факультете, который он окончил в 1916 году.

Мне было пятнадцать лет в 1915 году, когда я окончил Иркутское пятиклассное высшее начальное училище. Хозяин дома, в котором мы тогда жили, занимавшийся крупным извозным промыслом, порекомендовал меня одному из своих клиентов, купцу-бакалейщику Баумцвейгеру, искавшему кладовщика. Мы с мамой пошли на переговоры, и хозяин предложил по тем временам прекрасные условия: 75 рублей в месяц (в 1915 году это были большие деньги), полное питание, да еще, кроме того, обещался перед каждым выходным днем посылать со мной домой разные продовольственные товары. Свое

обещание он выполнил: каждую неделю посылал нам пуд муки, 5 фунтов сахару, цибик чаю и, кроме того, конфеты, крупы, печенье и прочее. Кормили меня тоже хорошо. В течение шести дней я жил у хозяина на квартире и питался на хозяйской кухне, утром и вечером вместе с кухаркой, а обед она мне в судках приносила на склад. Еда была обильная и вкусная.

Но все эти блага я и отрабатывал тяжелым трудом. Рабочий день мой длился от 12 до 14 часов, и вечером, после ужина, у меня хватало сил только добраться до постели.

Денег на руки я не получал: за ними приходила мама, которой хозяин кроме того, в праздники посылал иногда денежные премии, или, как он их называл, подарки. На заработанные мной деньги мама одевала и обувала меня, а раз в неделю, по субботам, выдавала мне рубль — на мороженое, на билет в цирк, в театр или кино (тогда это называлось «иллюзион»). Остальные деньги тратились на общесемейные нужды.

Меня это вполне устраивало — и так длилось до революции, когда все склады и все имущество хозяина были конфискованы, а сам он уехал в полосу отчуждения КВЖД.

2. Февральская и Октябрьская революции

О Февральской революции в Иркутске узнали с опозданием. И сообщение об отречении от престола Николая II, и сообщение об отказе от царствования его брата Михаила были на несколько дней задержаны иркутским генерал-губернатором Пильцем. А командующий войсками Иркутского военного округа генерал от инфантерии Кшесинский в свою очередь утаил эти сообщения от воинских частей. Войска были выведены на Тихвинскую площадь, чтобы поклясться в верности царю, но церемонию сорвал один из младших офицеров поручик Краковецкий. Он обратился к войскам с сообщением об отречении царя и призвал их присягнуть Временному правительству. Призыв Краковецкого был встречен криками «ура!», и правый эсер Краковецкий возглавил первый Временный революционный комитет Иркутской губернии.

Постепенно в Иркутск стали прибывать освобождавшиеся из тюрем политические заключенные. Из Александровского централа явились в Иркутск эсеры Гоц, Тимофеев и другие, меньшевик А. Церетели (ставший затем первым председателем Иркутского Совета), большевики Боград, Яковлев, Шумяцкий, Постышев и ряд других.

Все театральные и концертные залы Иркутска были использованы для собраний и митингов. Один за другим выступали представители всех партий — от кадетов до анархистов. Целыми днями и вечерами шли дискуссии, в которых самое активное участие принимала молодежь — гимназисты, студенты, рабочие. Процесс революционизирования молодежи шел гигантскими шагами. Все политические партии стали легальными, и каждая из них стремилась привлечь население на свою сторону, доказывая, что именно ее программа открывает путь к благоденствию и счастью народа.

Мне исполнилось семнадцать лет, и я со всей страстью окунулся в политический водоворот. Вместе с моим другом Ю. Гутманом я все вечера проводил на митингах, как губка впитывая в себя идеи и программы. Меня больше всего привлекала программа большевиков, хотя мой старший брат Виктор, в ту пору самый большой для меня авторитет, был меньшевиком-интернационалистом.

Во главе большевистской молодежи Иркутска стояли семинаристы: из них хорошо помню только Стукова и Беляева — прекрасных ораторов и, по моим тогдашним представлениям,

весьма образованных людей. Молодых кадетов, меньшевиков и эсеров возглавляли преимущественно студенты. На молодежных собраниях шли жаркие дискуссии между большевиками, меньшевиками, эсерами, кадетами и анархистами. Учащиеся в большинстве поддерживали эсеров и меньшевиков, рабочая молодежь — большевиков.

Октябрьская революция в Иркутске не совершилась по телеграфу. В Иркутском совете было большинство эсеров и меньшевиков. Реальная власть находилась в руках Иркутского ревкома, председателем которого был эсер, поручик Краковецкий. Опираясь на казаков, юнкеров и кадетов (в Иркутске был кадетский корпус и четыре юнкерских училища), местные власти объявили о своей верности Временному правительству.

На стороне большевиков были пехотные части и отряды Красной гвардии, особенно Черемховский отряд, созданный шахтерами и прибывший в Иркутск на помощь большевикам. Бои длились восемь дней. В декабре 1917 года солдаты и красногвардейцы разгромили юнкеров, выбили их из бывшего генерал-губернаторского дома — и в Иркутске установилась Советская власть. Во главе первого большевистского Совета стал Борис Шумяцкий.

Мать, отчим и братья были против моего увлечения большевистскими идеями. Мама пригласила из Читы Виктора, и на тайном — без меня — семейном совете было решено, что Виктор увезет меня в Читу и таким образом оторвет от моих друзей-большевиков. Уговорить меня уехать было нетрудно: я очень хотел учиться, а Виктор обещал подготовить меня к поступлению в Вуз.

Весной 1918 года мы приехали в Читу, и я поселился вместе с Виктором в небольшой комнате, которую он снимал. Работал он тогда председателем Совета кооперативных съездов Читинской губернии. Обедал и ужинал я в столовой, которую мне рекомендовал Виктор: она находилась в подвале того дома, где мы жили. В первый же день, когда я явился туда, постоянные посетители этой столовой узнали во мне «Викторенка», а две его знакомые девушки, осведомленные о наших семейных вкусах, даже заказали для меня пирожки с мясом. В этой столовой я, благодаря Виктору, познакомился со многими молодыми читинцами и продолжал встречаться с ними, усиленно готовясь в то же время к экзаменам, которые должен был держать осенью.

Среди посещавших столовую было много молодых сионистов, главным образом из интеллигентных еврейских семей. Это были преимущественно левые сионисты из так называемой «Поалей-цион». Особенно подружился я с возглавлявшим эту группу

Моисеем Бронштейном — отличным оратором и одаренным журналистом (свои статьи он подписывал «Нетроцкий»). Когда мы познакомились, ему было всего девятнадцать лет. Через год, в 1919 году, он вступил в Коммунистическую партию и вскоре стал работать в Коминтерне, заместителем председателя секции стран Востока. Он погиб в возрасте 22-х лет в бою, когда в числе 300 делегатов X съезда партии ушел на подавление Кронштадтского мятежа. О его гибели сообщила на первой странице «Правда».

Из других левых сионистов помню М. Бонер, Л. Левитана, М. Литвина, Б. Радовского, братьев Владимира и Виктора Шепшелевичей.

Я был решительным противником сионизма, но куда мне было тягаться с такими образованными людьми, как мои новые знакомцы. И наряду с подготовкой к экзаменам я стал под руководством Виктора изучать марксистскую литературу по национальному вопросу.

Не могу сказать, чтобы первые мои выступления против сионизма на собраниях молодежи были удачны. Но постепенно, по мере изучения вопроса, я стал чувствовать себя все увереннее. Да и время работало на меня, на отстаиваемый мной тезис, что еврейский вопрос должен решаться не путем эмиграции, а путем строительства социализма в стране обитания, путем ассимиляции с народами, среди которых евреи живут.

Время работало на меня, на марксизм, потому что после Февральской и Октябрьской революций евреи получили все гражданские права и стали равноправными. Перспектива эмиграции в Палестину все более блекла в глазах молодых евреев, теряла свою заманчивость… Левая сионистская молодежь (во всяком случае, у нас в Чите) все пристальнее присматривалась к событиям в России, все больше склонялась к слиянию с Коммунистической партией.

Процесс этот был прерван возрождением монархического движении в Сибири и на Дальнем Востоке.

3. Переворот на Дальнем Востоке

Осенью 1918 года я выдержал экзамен и поступил в последний, восьмой класс Читинского коммерческого училища. Но учился я уже не в советской Чите. Чехословацкое восстание в Сибири и на Урале и наступление из Манчжурии поддержанных японской армией войск атамана Семенова привели в августе 1918 года к захвату Читы белыми. Вступив в Читу, семеновцы сразу начали проводить жесточайшие репрессии против революционных элементов.

Виктор остался в Чите, вновь занялся репетиторством и включился в подпольную работу против власти атамана Семенова. Меня же сразу по окончании коммерческого училища, в апреле 1919 года, мобилизовали в белую армию.

Я попал в отдельную еврейскую роту, а затем, вместе с ней, в отдельный егерский батальон.

Откуда взялась в белой армии еврейская рота? Решение создать ее было принято атаманом Семеновым, по-видимому, из двух соображений: чтобы предохранить русских солдат от «растленного» влияния евреев и чтобы, смешав в еврейской роте детей трудящихся с детьми буржуазии, затруднить трудящимся евреям переход на сторону Красной армии. Командиром роты был назначен поручик (фамилию его я забыл), зоологический антисемит. Впрочем, не только антисемит: нас, евреев, он называл китайцами, что было, по всей вероятности, для него высшей степенью унижения.

Прошло месяца два со дня моего прибытия в роту. К тому времени все мы более или менее узнали друг друга. Это позволило найти единомышленников. Я и Яков Гриф договорились о создании в роте подпольной группы с целью подготовки восстания и перехода роты на сторону красных партизан. Вовлекали мы солдат в нелегальную группу крайне осторожно, медленно, заранее определив тех, кого вербовать ни в коем случае не следовало (их было немного, человек десять, в основном — дети очень богатых родителей). Всего в роте было около 150 солдат. Создали тройки, каждый из членов которых, в свою очередь, создавал тройку, с которой только он имел дело. Чтобы утвердить нового члена организации, требовалось получить по цепи согласие комитета. Вербовка шла успешно, предателей не было. Единственное, что волновало солдат: как отразится наш переход на сторону красных на семьях и на положении евреев на территории белых вообще?

В начале 1920 года, когда организация подполья была в

полном разгаре, нашу роту, в составе всего егерского батальона, перевели со станции Борзя вглубь Восточного Забайкалья. Батальон стал нести гарнизонную службу в г. Нерчинск-Заводском, рядом с бывшим Горно-Зерентуйским централом. Кроме нашего батальона в Нерчинск-Заводском стояли три сотни казаков, две батареи легких и одна батарея трехдюймовых орудий — всего 1200–1300 человек. Гарнизон располагал большим количеством пулеметов, снарядов, патронов, продовольствия и амуниции.

В марте 1920 года комитет решил, что подготовка к восстанию, в общем, закончена. Мы имели и необходимые данные о гарнизоне в целом, о его дислокации и т. п. Еще в начале нашей работы, присмотревшись к помощнику командира взвода прапорщику Якобсону, мы завербовали его в нашу организацию. От вербовки мы его освободили (слишком подозрительно было бы чересчур тесное общение офицера с солдатами), зато на него было возложено выяснение планов командования. Пора было приступать к активным действиям.

Нерчинск-Заводской лежит в котловине, окруженной со всех сторон высокими сопками. Восточная часть города охранялась казаками, караульную службу в западной части нес егерский батальон, по очереди каждая из его трех рот. Следовательно, раз в три дня западную часть города охраняла наша рота.

План комитета был таков. Заранее договориться с партизанами, которые в назначенный день и час окружат Нерчинск-Заводской и разоружат части, охраняющие восточную сторону. В это время наша рота арестует офицеров и пропускает партизан в город. Часть партизан сменяет наших солдат на сопках, а основные партизанские силы, вместе с нашей ротой, тихо, не открывая огня, спускаются в город и захватывают гарнизон врасплох. В назначенный для операции час на западных сопках должны были загореться сигнальные огни.

Чтобы осуществить этот план, нужно было прежде всего установить связь с партизанами. Решили послать к ним одного из солдат — членов нашей подпольной организации. Желательно не жителя Забайкалья: ведь побег его мог тяжело отозваться и на его семье, и вообще на положении евреев, находившихся под властью атамана Семенова. По моей рекомендации выбор остановился на иркутянине Любовиче, сыне портного, в мастерской которого работал мой брат Гриша. В нашу организацию завербовал его я, и мне же поручили его проинструктировать. Установлен был недельный срок, в течение которого Любович должен был сообщить партизанам наш проект и вернуться к нам, чтобы сообщить решение партизанского командования.

Ночью Любович тайно ушел к партизанам. Утром побег был, конечно, обнаружен. Началось расследование, но никаких результатов оно не дало, так как, кроме членов комитета, никто действительно ничего не знал о причинах исчезновения Любовича.

Все произошло по намеченному плану. В назначенный день и час Любович появился на сопке (мы предупредили караульных, чтобы его тихо пропустили к нам) и сообщил, что Нерчинск-Заводской окружен партизанами, которые ждут нашего сигнала. Они, сказал Любович, остерегаются провокации и поэтому просят, чтобы к ним явился один из членов комитета.

К партизанам немедленно направили Я. Грифа. Одновременно комитет приступил к аресту офицеров и дал сигнал зажечь костры.

Через 15–20 минут партизаны поднялись на сопки, сменили наших солдат на постах, а большинство их вместе с нашей ротой спустились в город и, как и было предусмотрено, захватили гарнизон врасплох.

Победа была полная. Вместе с партизанами мы разоружили около 1000 солдат, захватили 10 орудий, 30 пулеметов, около 3000 снарядов, 13 миллионов патронов и множество продовольствия и амуниции.

Операция была завершена. Комитет направил меня для доклада к командованию партизанских войск Забайкалья. Командир действовавшего вместе с нами партизанского соединения дал мне сопровождающего и оседланную лошадь и мы выехали в село Александровский завод, где располагался партизанский штаб.

Встретили меня дружески. Командующий партизанскими войсками Коротаев и начальник штаба Киргизов усадили меня пить чай и за ужином выслушали мой доклад о событиях в Нерчинск-Заводском и о переходе его гарнизона на сторону партизан. От имени комитета я просил штаб сохранить еврейскую роту как боевую единицу и создать на ее базе пехотный полк, командиром которого назначить бывшего прапорщика Якобсона. Коротаев и Киргизов согласились со мной и распорядились подготовить соответствующий приказ. Потом мы беседовали о настроениях наших людей, о моей жизни, о биографиях Якобсона и Грифа и т. д. В свою очередь они рассказали мне о политическом и военном положении на Дальнем Востоке и, наконец, предложили мне перейти на агитационно-информационную работу в штаб второй партизанской дивизии Ведерникова. Я согласился — только после того, как отчитаюсь перед своими товарищами о поездке в партизанский штаб.

Большинство партизан кавалерийского корпуса Коротаева составляли казаки Восточного Забайкалья, восставшие против власти атамана Семенова и его карательной политики. Большинство штабных должностей в корпусе красных партизан занимали бывшие народные учителя, вышедшие из казаков. Начальник штаба С. Киргизов, начальник политотдела дивизии А. Комогорцев, адъютант комкора А. Лесков, политработники Аксенов, Белокопытов — все они принадлежали к этой народной казачьей интеллигенции. Честные и смелые люди, они не побоялись вступить в борьбу с семеновской бандой, поддержанной японцами, и повести за собой значительную часть забайкальского казачества, в том числе и зажиточного.

Особенно известно было имя командира первой партизанской бригады Якимова. Простой казак, неграмотный бедняк, Якимов проявил огромную смелость, находчивость и настоящий талант полководца. Со своим отрядом он совершенно неожиданно для белых внезапно появлялся в самых неожиданных местах, сопровождаемый своей женой-партизанкой, бывшей учительницей. О Якимове в кавалерийских партизанских частях ходили рассказы, напоминающие легенды. В основе их чаще всего были действительные подвиги Якимова.

Рассказывали, например, как ответил Якимов на письмо бывшего своего командира в империалистическую войну есаула Резухина. Командир кавалерийского полка в семеновской армии Резухин прислал Якимову письмо, в котором предлагал ему и его соратникам перейти к белым, обещая Якимову должность командира полка, а его помощникам — командиров сотен. Якимов ответил налетом на гарнизон Резухина и полным разгромом гарнизона, причем сам Резухин убежал в нижнем белье.

Другой рассказ относится к 1919 году. Тогда семеновцы чувствовали себя хозяевами положения, а у партизан было еще мало сил. Якимов решил разгромить гарнизон белых, расположившийся в селе Газимурский завод. Семеновцев было около 1000 человек, партизан — почти вдвое меньше. Неподалеку от Газимурского завода располагалась деревня Тайна. Жили в ней в ту пору главным образом старики, женщины, дети и подростки: большинство мужчин ушли в партизаны. Среди якимовцев тоже были жители деревни Тайна. Он послал их к своим землякам, предложив им посадить молодых парней и женщин верхом на лошадей и двинуть галопом на Газимурский завод, поднимая перед собой метлами сильную пыль. Сам Якимов со своими партизанами занял в это время все выходы из Газимурского завода. Когда несущаяся из тайги кавалькада, скрытая густым

облаком пыли, приближалась к Газимурскому заводу, там началась паника. Разнесся слух, что мчится конница Якимова. Солдаты бросились бежать в противоположную сторону, но на дорогах их перехватывали, разоружали и брали в плен партизаны Якимова.

Летом 1920 года партизанские части Восточного Забайкалья стали сосредоточиваться вблизи железной дороги, занятой армией Семенова, около Сретенска, Нерчинска, станций Борзя и Карымская.

К этому времени на Дальнем Востоке образовалась Дальневосточная демократическая республика (ДВР), и шли переговоры правительства ДВР с японским командованием. Десятого июля 1920 года было достигнуто соглашение об уходе японских войск из района Забайкалья. Предстоявший уход японцев, конечно, ослаблял силы Семенова. В предвидении грядущих сражений с народно-революционной армией семеновское командование решило, пока еще японцы здесь, нанести серьезный удар по партизанским частям, чтобы ослабить их.

Однако одновременное наступление армии Семенова на Нерчинск, Сретенск и станцию Борзя не принесло белым решающей победы. Правда, партизаны, стремясь сохранить силы для решающих схваток, отступили, и отступление было тяжелым, но основные силы и вооружение удалось сохранить без потерь.

Отступали мы вдоль реки Аргуни, до места слияния ее с рекой Шилкой и образования Амура. Здесь, на стрелке, в месте слияния Шилки и Аргуни партизанские части распоряжением командования Народно-революционной армии были переформированы из корпуса в Забайкальскую кавалерийскую дивизию. Командный состав в основном остался тот же — начдив Коротаев, начштаба Степан Киргизов, начполитотдела — А. Комогорцев. Комиссаром был назначен прибывший из политуправления НРА Максимов.

Здесь, на стрелке, в селе Покровка, я вступил в РКП(б). Политотдел дивизии принял меня в партию без кандидатского стажа и утвердил стаж с апреля 1920 года, т. е. со дня переворота в Нерчинск-Заводском (хотя оформили мой прием только в июле 1920 года). Тогда же меня назначили начальником политпросветчасти политотдела дивизии.

В октябре 1920 года началось общее наступление войск НРА на банды Семенова из Верхнеудинска, со стороны Сретенска и со стороны станции Борзя, Даурии и др. Войска Семенова были порезаны в шести пунктах железнодорожной линии и в конечном счете разгромлены. Войска НРА заняли город Читу.

Забайкальская, Амурская и частично приморская области вошли в состав Дальневосточной Республики.

Началась подготовка к выборам в Учредительное собрание ДВР. В нашей дивизии избрали комиссию по выборам в Учредительное собрание. Председателем комиссии стал комиссар Максимов, секретарем — я. Мне пришлось объехать в ходе выборной кампании части дивизии, расположенные в разных местах Восточного Забайкалья. Когда я уже возвращался в Читу для сдачи материалов Центральной избирательной комиссии, часть пути из станицы Цаган-Олуево до Борзи мне пришлось проделать в санях. Стояли сильные морозы, в степи разразился буран, и я, ехавший в одной легкой японской шинели, приехал в Читу с температурой выше 40, а когда брат вызвал врача, я был уже в бреду.

Выздоровев после тяжелого воспаления легких, я около двух месяцев работал по назначению Военпура завполитпросветом Военно-политической школы, а когда окреп, меня назначили инструктором Военпура.

4. На Хабаровском фронте

В конце 1921 года главком ДВР Блюхер специальным поездом направился на фронт, для руководства наступлением войск НРА на Волочаевском направлении. С ним ехал и его полевой штаб и выделенная по приказу Блюхера Военпуром группа политработников. Составляли ее руководивший группой заместитель начальника Военпура А. Т. Якимов и два инструктора — П. Подеревянский и я.

В январе 1922 года поезд Блюхера прибыл на станцию Ин. Здесь произошла встреча главкома с командующим фронтом Серышевым и членами Военного совета Постышевым и Мельниковым. Пока они совещались в салоне, наша инспекторская группа обследовала политуправление фронта. Когда же началась операция, мы трое по приказу Блюхера переселились в деревянный дом полевого штаба главкома и заняли места у телефонов, связывавших штаб с соединениями наступающих войск.

Перед началом операции Блюхер послал к генералу Молчанову, командовавшему белой армией, парламентера, передавшего обращение Блюхера к войскам противника с предложением прекратить сопротивление и сдаться Народно-Революционной армии. Парламентером пошел наш Паша Подеревянский, молодой, красивый, смелый человек, которого мы очень любили. Естественно, мы очень беспокоились за него, однако белые, хотя и отклонили предложение о капитуляции, но Пашу не тронули, и он благополучно возвратился в штаб.

Сидели мы у телефонов в той самой большой комнате, где работал Блюхер. За столом, на котором лежала карта Волочаевского района, располагались главком и другие командиры. На стенах висели три телефона, и каждый из нас во время боевых действий был связан с одним из командиров соединений. Через нас Блюхер в любую минуту мог связаться с командирами, а они — с главкомом. Мы слово в слово передавали распоряжения главкома и сообщавшиеся главкому сведения, которые он тщательно отмечал на карте.

Наступление наших войск началось 10 февраля 1922 года. Перед началом операции в частях была проведена большая политическая работа, в которую включилась и наша группа. Велась работа и в войсках противника. Накануне наступления наш самолет разбросал в окопах и по тылам белых множество листовок, привезенных в поезде Блюхера. А в листовках, раздававшихся нашим бойцам, мне запомнились лозунги: «Даешь

Волочаевку!», «Привал на Имане, отдых — во Владивостоке».

Но отдых оставался пока впереди. Волочаевку еще нужно было взять. Бои велись тяжелые. Волочаевка располагалась на будто выглаженной равнине, без какой-либо возвышенности, без единого деревца. Белые заранее оборудовали по всему фронту восемь рядов проволочных заграждений, а за ними — окопы со встроенными артиллерийскими орудиями и гнездами для станковых пулеметов.

Начался бой. В лобовой атаке наши несли большие по тем масштабам потери. Противник кинжальным огнем из пулеметов простреливал наши наступающие части. Помню, как по моему телефону позвонил командир соединения и просил, ввиду больших потерь, разрешения прекратить наступление. Блюхер внимательно выслушал сообщение и сказал:

— Передайте, что командующий приказывает безоговорочно продолжать наступление.

Сражение продолжалось два дня. Белые упорно сопротивлялись. Но когда нашим войскам удалось обойти фронт со стороны Казакевичей, генерал Молчанов отдал приказ отступить.

Волочаевка была взята войсками Народно-Революционной армии. Не забудется картина этого поля сражения. Снежная равнина, усеянная тысячами трупов, замерзших в том положении, в каком их застала смерть. Наши и белые, в самых причудливых позах. А неподалеку, рядом со штабом, горят костры, народоармейцы греются чаем. Блюхер вышел из штабного домика с эмалированной кружкой в руках…

Блюхер был одет так же, как рядовой народоармеец, и очень прост в обращении. Рассказывали, что как раз в эти дни он подошел к одному из костров и попросил налить ему кружку кипятку. Боец послал его довольно далеко. Блюхер ничего не ответил и направился к другому костру.

— Ты что, с ума сошел, ведь это командующий, — сказал один из сидевших у костра. Виновник бросился к Блюхеру извиняться, но тот даже не обратил внимания на его провинность. Весть об этом эпизоде быстро разнеслась среди народоармейцев и вызвала большую симпатию к главкому.

Наступление продолжалось. 14 февраля наши части заняли Хабаровск.

Вскоре после боев под Волочаевкой меня назначили начальником агитационного поезда Хабаровского фронта. Поезд должен был выпускать свою газету, проводить митинги и доклады, распространять литературу. В состав поезда входили вагон-типография, вагон-библиотека-читальня, вагон-клуб с

оркестром и спальный вагон. Редактором фронтовой газеты, выпускавшейся поездом, назначили Подеревянского, а руководителем агитационной группы Елену Терновскую, известную дальневосточную комсомолку, очень яркого и талантливого человека.

Поезд двигался по железной дороге и останавливался в местах сосредоточения воинских частей. На стоянках начинал играть оркестр, созывавший бойцов на митинг. На митинге выступал обычно кто-нибудь из нас троих — Подеревянский, Терновская или я — с докладами о международном и внутреннем положении. Потом кто хотел из бойцов заходил в читальню, а политработники частей получали от нас газеты для распространения.

Очень важно было, как указало командование, разъяснить бойцам сложную обстановку, создавшуюся на Хабаровском фронте. Правительство ДВР заключило соглашение с японским военным командованием, согласно которому войска НРА могли продвигаться к Владивостоку только по мере отхода японских войск. Между нашими и японскими войсками при этом всегда должен был строго соблюдаться разрыв (если я правильно запомнил — не менее 10 километров). Японское же командование медлило с отходом, стараясь продлить пребывание своих войск на Дальнем Востоке. Поэтому они время от времени устраивали провокации, стараясь вызвать военные действия с нашей стороны.

Одну из таких провокаций устроили они с нашим бронепоездом № 8. Зная, что частям НРА категорически запрещено вступать в бой с японскими солдатами и открывать по ним огонь, что в случае нападения японцев им приказано отходить, группа японцев стала окружать бронепоезд и сделала попытку захватить его. Командир бронепоезда (фамилию не помню) готов был отдать приказ о сдаче. Тогда комиссар поезда Кручина приказал арестовать командира, принял командование и распорядился занять позиции у орудий и пулеметов. Когда японцы попытались подняться на платформы бронепоезда, Кручина приказал открыть огонь. Часть японцев были убиты и ранены, а вся группа японских войск, пытавшаяся захватить бронепоезд, вынуждена была отступить. Явившись в расположение штаба главкома, Кручина доложил Блюхеру о случившемся. Блюхер освободил от ареста командира бронепоезда и вынужден был для формы арестовать Кручину и принести извинения японскому командованию.

Но японское командование вскоре начало общее наступление на наши позиции. Части НРА получили приказ отходить без боя. Отходили до станции Иман. В войсках поднялся ропот:

— Зачем же мы несли такие потери? Так воевали, с таким трудом завоевывали территорию, а теперь без боя отдаем?

Как и другие политработники фронта, я получил указание разъяснять бойцам смысл заключенного с японцами соглашения и суть временных затруднений, испытываемых нашими частями до тех пор, пока правительство ДВР не подпишет с японским командованием новое соглашение.

Вскоре на место Блюхера был назначен Уборевич.

5. На подпольную работу во Владивосток

В начале мая 1922 года я получил приказ сдать агитпоезд и выехать в распоряжение Приморского губбюро РКП(б) для подпольной работы во Владивостоке. Приморское губбюро располагалось в селе Анучино. Там я встретился и познакомился с секретарем Губбюро Константином Пшеницыным, которого все называли Костей, председателем Приморского губисполкома Ильей Слинкиным, с одним из руководителей партизанского движения в Приморье Николаем Илюховым, с Бахваловым, Врублевским и другими опытными руководителями подполья.

Через несколько дней я пешком, в сопровождении проводника, отправился во Владивосток. Проводник был необходим, потому что через уссурийскую тайгу, особенно весной, можно было пройти только по партизанским тропам. Шли мы несколько дней. Тайга вся цвела, пышная полутропическая растительность заплетала дорогу, воздух был насыщен густыми влажными ароматами, под ногами хлюпали болота, а в тело впивались клещи и другие насекомые, которыми так богата тайга.

Наконец пришли. Проводник привел меня к рабочему-судостроителю, где я переночевал, а утром явился на явку.

Бюро Владивостокского подпольного комитета (секретарем его был Н. Горихин, а членами бюро А. Слинкин и С. Третьяков) решило поручить мне руководство военной организацией комитета. Она состояла из трех райкомов. Райком, руководивший подпольной работой на военном флоте, возглавлялся Дмитриевым, в гражданском флоте — Хмелевым, в сухопутных частях — Сусловым. Моим связным была Маруся Фетисова, дочь рабочего, девушка, горячо преданная делу социалистической революции.

Маруся нашла мне квартиру неподалеку от своей, в Голубиной пяди. Организация обеспечила меня паспортом на имя Петра Михайловича Железнова.

К моменту моего приезда во Владивостоке существовало так называемое правительство братьев Меркуловых, вскоре сменившееся правителем края бароном фон-Дитерихсом, одним из придворных Николая II. Свою армию барон назвал «Земской ратью».

Но остерегаться нам следовало не столько барона и его «земской рати», сколько военных разведок.

Во Владивостоке работали три контрразведки: одна —

морская — при штабе военно-морских сил, две другие — при пехотных частях. Все они имели широко разветвленную сеть секретных сотрудников — и при подборе функционеров подпольной организации требовалась особая внимательность.

Дмитриев был опытный человек, старый «морской волк», хорошо разбиравшийся в людях и наладивший связи с военными кораблями. Кораблей таких в Дальневосточном флоте к тому времени осталось немного: 8-10 миноносцев устаревших конструкций. Но терять их нам не хотелось. Власть белых подходила к концу — и мы задумали не допустить увода из Владивостока военных и гражданских кораблей.

Подпольная организация решила в подходящее время вывести из строя машинные отделения военных судов. Что касается гражданского флота, Хмелеву было поручено попытаться договориться с капитанами о передаче кораблей в первом же рейсе генеральному консульству в Шанхае.

Чтобы вывести корабли из строя, специалисты рекомендовали взрывать пироксилиновыми шашками золотники, так как в условиях Владивостока на ремонт золотников потребовалось бы не меньше 2–3 месяцев. Для взрыва требовалось в оставшееся время подобрать на каждом миноносце одного-двух надежных людей. Это и было поручено Дмитриеву.

Хмелеву поручалось выяснить настроения капитанов транспортных и пассажирских судов, их помощников и команд. Для начала я попросил Хмелева в ближайшее время организовать мою встречу с таким капитаном, который, по его мнению, настроен просоветски. Но Хмелев поручиться ни за кого не мог. Однако, когда при встрече он сообщил, что один из грузовых пароходов уходит в рейс, я решил рискнуть и встретиться с его капитаном. Подпольный комитет одобрил это, а Хмелев взялся обеспечить меня пропуском и проводить на корабль. Вход на корабль контролировался морской разведкой, и мы на всякий случай вооружились.

Но все сошло благополучно: охрана беспрепятственно пропустила нас. В капитанскую каюту вошел я один — Хмелев остался ждать меня на палубе. Я попросил разрешения поговорить с капитаном наедине, и когда мы остались с глазу на глаз, прямо сказал ему, что пришел по поручению советских органов.

— Чего же вы от меня хотите? — спросил капитан.

— Мы предлагаем вам перейти на службу в советское пароходство, — сказал я.

— И как вы себе это практически представляете? — улыбаясь, спросил мой собеседник.

— Мы предлагаем вам, когда вы придете в Шанхай, передать судно с грузом советскому консульству и поступить в его подчинение.

Капитан молчал, но уже не улыбался. Я ждал: вот-вот он вызовет матросов и сдаст меня на руки морской разведке. Однако после некоторого раздумья он сказал:

— Хорошо. Это мне подходит. Я и сам не хочу уезжать из России. На том мы и порешили, и я тут же попросил его посоветовать, с кем еще из капитанов можно вступить в такие же переговоры. Он назвал мне фамилию капитана, который может взять на себя организацию передачи гражданских судов генеральному консульству в Шанхае. Позже Хмелев встретился с ним, и тот действительно выполнил наше поручение.

Несколько иной была задача подпольной организации в отношении сухопутных частей белой армии. Распропагандировать их, добиться их перехода на сторону красных мы не надеялись: это были отборные белогвардейские зубры, прошедшие с белой армией от Волги и Урала до Тихого океана. Задача состояла в том, чтобы не дать японцам и белым увезти из России огромное военное имущество, накопившееся во Владивостоке.

Во время войны поставки царскому правительству Соединенными Штатами осуществлялись через Владивосток, так как морские пути в Европейскую часть России были блокированы немецкими подводными лодками. К концу империалистической войны на складах Владивостока скопилось огромное военное имущество: около 1,5 млн. пудов пороха, 800–850 тысяч винтовок, громадное количество артиллерийских снарядов, мин, патронов, моторы к самолетам, кожа для военной обуви и многое другое.

Склады Владивостокской таможни тоже были забиты конфискованными товарами.

Все это нужно было сохранить для нашей страны. Американские представители во Владивостоке, конечно, зорко следили за тем, чтобы имущество, поставленное их правительством, не попало в руки японцам, но нам они его, разумеется, передавать не собирались.

Подпольный комитет принял такое решение:

во-первых, предложить работникам военных складов соглашение: они сохраняют военное имущество для России в обмен на сохранение им жизни и прощение грехов, совершенных ими в белой армии;

во-вторых: организовать собственную охрану складов из вооруженных рабочих Владивостока.

Вот чем, в основном, занималась наша подпольная военная

организация.

В конце июля 1922 года комитет получил от командования белых частей предложение встретиться с их представителями, чтобы обсудить вопрос об условиях, на которых белые войска могли бы перейти на сторону Народно-Революционной армии.

Мы, в общем, не очень-то верили этому предложению. На заседании комитета, в котором участвовал и я, высказывались предположения, что это, может быть, провокация. Все же решили на встречу пойти, так как положение белых частей было, действительно, критическим, и тенденции к сдаче у них могли быть. Комитет решил послать на встречу А. Слинкина, а мне предложили сопровождать его до места и наблюдать за обстановкой вокруг дома, где встреча была назначена. Если бы Слинкина арестовали, я должен был доложить все комитету.

В первый день встреча произошла без всяких инцидентов. Я занял совершенно неуязвимую, хорошо скрытую позицию для наблюдения. Слинкин благополучно вышел из дома. Представители белых выясняли условия, спрашивали, чем гарантируется выполнение наших обещаний. Договорились встретиться на другой день.

Я занял прежнюю позицию. Но на этот раз Слинкина арестовали. Я видел, как двое офицеров вывели его под руки, усадили в пролетку и повезли в сторону Морского штаба. Я выждал несколько минут, вышел из укрытия, взял извозчика и поехал вслед за пролеткой. У меня мелькнула мысль отбить Слинкина. Но это была бы безнадежная попытка: вокруг было полным-полно офицеров.

(Позднее, когда Слинкин вышел из тюрьмы, он рассказал мне, что у него упорно добивались, кто приходил с ним на встречу. Он отвечал, что был один.)

Время шло. Дмитриеву удалось вывести из строя несколько миноносцев, организовав взрыв золотников. Но тут я чуть было не попался. Один из матросов, которому был поручен взрыв, прежде чем дать согласие пожелал встретиться с руководителем военной организации. Не согласовав вопроса с комитетом, я согласился встретиться с ним в садике на Голубиной пяди. Все же некоторую осторожность я проявил: поручил одному из товарищей прийти на место встречи заранее и проследить, не привел ли матрос агента. Оказалось, привел: мне дал это понять находившийся в садике товарищ. Вскоре пришли Дмитриев с матросом. Я быстро закончил с ними беседу и ушел. Но шпик пошел за мной. Зная все лазейки в этом районе, я ускользнул от него. Но это был сигнал. Надо было менять квартиру, тем более, что Маруся Фетисова установила: за моей квартирой следят.

После освобождения Владивостока матроса-предателя, конечно, арестовали.

В районе Первой речки были расположены артиллерийские склады, в которых, по агентурным данным, находилось весьма ценное военное имущество, в частности, новые моторы для самолетов. Во главе этих складов стоял полковник, который, по достоверным данным, не хотел эвакуироваться с белыми. Я решил с ним договориться: пошел к нему рано утром, когда он бывал один, и прямо предложил ему перейти на службу в Красную армию. Полковник усомнился, не провокатор ли я, но, когда я показал ему мандат, согласился выполнять поручения подпольщиков. В его распоряжении была небольшая группа солдат, охранявших склады. Полковник обязался не допустить изъятия или уничтожения имущества, находившегося на складах, и в сохранности передать его Красной армии. Я обещал, что он и его охрана будут приняты на службу в нашу армию. По его просьбе я выдал ему документ, удостоверяющий, что полковник такой-то выполнял поручение подпольного комитета сохранять военное имущество до прихода частей Народно-Революционной армии. Свое обещание полковник выполнил, имущество сохранил и вскоре, вместе со своими солдатами, сопровождал его в Россию.

А Слинкин наш продолжал сидеть в тюрьме. Во Владивостокской тюрьме было много политических заключенных, и существовала реальная опасность, что перед эвакуацией белогвардейцы их убьют. Некоторые наиболее оголтелые уже делали несколько попыток вывести заключенных из тюрьмы и перестрелять. Спас их решительно воспротивившийся расстрелу начальник тюрьмы, который из Владивостока уезжать не хотел Но, в конце концов, власть начальника тюрьмы не безгранична, и белогвардейцы могли перед самым своим концом силой вывести из тюрьмы и перестрелять наших товарищей.

Секретарь Владивостокского подпольного комитета РКП(б) Николай Горихин решил смелым рейдом освободить всех политзаключенных. Запасшись мандатом комитета на арест начальника тюрьмы (в случае, если тот будет противиться освобождению политзаключенных) и пистолетами, Горихин, Дмитриев, Суслов, Хмелев и я пошли на квартиру к начальнику тюрьмы. Мы остались у двери, а Горихин вошел в квартиру и от имени подпольного комитета предложил ему сотрудничать с Советами.

— Чтобы вас ни в чем не заподозрили, мы, после того как освободим политзаключенных, арестуем и уведем вас, — сказал Горихин. — Но мы гарантируем вам жизнь и свободу…

После некоторого колебания начальник тюрьмы согласился.

Вместе с Николаем он стал обходить камеры политзаключенных и открывать их. Горихин сообщал товарищам, что они свободны и советовал им быстрее смываться из тюрьмы. Ворота тюрьмы распахнулись. Мы встречали освободившихся и тоже рекомендовали им поскорее убраться подальше отсюда. Через полчаса все было закончено. Я встретил Слинкина и вместе с ним пошел на Первую речку. А последним удалился Н. Горихин, захватив с собой начальника тюрьмы.

Выше я упоминал о том, что Владивостокский подпольный комитет предложил военной организации создать охрану складов военного имущества отрядами вооруженных рабочих. Эта работа выпала главным образом на долю Шишкина и мою. Шишкин, новый член бюро, по кличке «Володя маленький», прибывший во Владивосток примерно в середине октября, возглавил военную организацию подпольного комитета и революционный штаб. Я стал его заместителем и членом ревштаба.

Захватив некоторые склады, мы вооружили рабочих Дальневосточного судостроительного завода — и с 20 октября, по мере того как снимали свои посты японцы, мы занимали охрану портовых складов и складов Владивостокской таможни. А затем, заняв здание бывшего Морского штаба, подпольный революционный штаб напечатал и расклеил по городу обращение к трудящимся Владивостока с просьбой помочь нам в охране народного имущества и порядка в городе.

Неожиданно нам предложили свои услуги иностранцы. На рейде в это время стояло несколько иностранных кораблей: японский линкор «Ниси», американский крейсер «Сакраменто» и французский крейсер «Жерминаль». Офицеры французского и американского кораблей явились к нам в штаб (мы уже почти вышли из подпольного положения) и предложили свою помощь в охране складов пороха. В этом они, пожалуй, действительно были заинтересованы: взрыв пороховых складов мог уничтожить весь полуостров, включая рейд с иностранными кораблями.

Но Володя Шишкин гордо заявил им, что мы в иностранной помощи не нуждаемся. И, действительно, обошлись своими силами, хотя больших сил как будто и не было.

23 октября войска Народно-Революционной армии заняли станцию «Первая речка». В это время на рейде в панике грузились последние японские и белогвардейские части. 24 октября между командованиями Народно-Революционной и японской армий было подписано соглашение об окончательной эвакуации японских войск, которая должна была закончиться не позднее утра 25 октября. Остатки белой армии были спешно погружены на транспортные суда и вывезены из Владивостока под

прикрытием японских войск. На рейде оставались только три перечисленных выше военных корабля. Жерла их орудий были направлены на Владивосток.

Утром 25 октября во Владивосток со стороны Первой речки, под звуки оркестра двинулась колонна войск Народно-Революционной армии. Впереди верхом ехал главком Уборевич. В тот же день во Владивосток прибыли из Анучина все руководители партийных, советских и комсомольских организаций во главе с Костей Пшеницыным.

Весь Владивосток высыпал на улицу и встречал армию цветами и овациями. С балкона здания на углу Светланской и Алеутской улиц армию приветствовали все мы, подпольщики, вышедшие, наконец, на свет. Начался митинг, на котором первым выступил секретарь подпольного горкома РКП(б) Николай Горихин. С ответным словом выступил И. Уборевич.

На следующий день Уборевич отдал приказ: всем иностранным военным судам и иностранным военнослужащим немедленно покинуть Владивосток, его порт и рейд, всем консульствам иностранных государств, не признавшим ДВР, в трехдневный срок покинуть территорию ДВР. Все, кроме японского командования, выполнили это распоряжение. Только линкор «Нисин» продолжал оставаться на Владивостокском рейде, и японское консульство еще длительное время не покидало Владивосток.

26 октября 1922 года на всех предприятиях и во всех учреждениях Владивостока состоялись выборы в первый Городской совет рабочих и красноармейских депутатов, а 27 октября в театре «Золотой Рог» открылась первая сессия Совета.

Я тоже был избран депутатом Горсовета, а 28 октября утвержден членом только что сформированного Губернского бюро профсоюзов как секретарь и заведующий культотделом этого бюро. 29 октября на пленуме Владивостокского горсовета трудящихся я, от имени трудящихся, объединенных в профсоюзы, предложил ликвидировать буферную республику и воссоединиться с Советской Россией. Предложение было встречено бурной овацией. На этом же собрании Горсовет принял внесенное Губбюро РКП(б) обращение к Народному Собранию ДВР о самороспуске и воссоединении с Советской Россией.

В течение ноября все организации Приморской губернии занимались подготовкой и проведением губернских конференций, на которых надо было избрать руководящие органы этих организаций — партийных, советских, профсоюзных и т. д. К концу ноября все губернские и городские органы, кроме губисполкома, были сформированы. Меня избрали членом

Приморского губкома партии.

Выборы в губернский Совет и формирование губисполкома задержались потому, что надо было разобраться в социальном составе населения Приморья. Здесь, особенно во Владивостоке, за время гражданской войны скопилось много людей из бывших привилегированных классов, постепенно отходивших на Восток вместе с белой армией. Не все они успели или захотели эвакуироваться с японцами. Надо было разобраться. Были среди этих пришлых людей и активные контрреволюционеры, и просто жены белых офицеров, не сумевшие уехать со своими мужьями, и множество проституток, осевших в публичных домах Владивостока. Изучение этого пришлого состава заняло несколько месяцев, и занимался этим временный Губревком, во главе которого стал начальник ГПУ Бельский. Большую часть социально-чуждых элементов отправили в районы Западной Сибири и там трудоустроили.

Очень трудоемкой работой, требовавшей больших усилий и тщательного подбора честных сотрудников, были учет и распределение имущества, находившегося на Владивостокских складах и в крупных универсальных магазинах, принадлежавших ранее фирмам «Кунст и Альберст» и «Чуркин». Для учета и приемки всего этого имущества Совет труда и обороны (СТО) РСФСР создал и направил во Владивосток специальную комиссию во главе с Трифоновым. Сразу по прибытии во Владивосток комиссия опечатала все склады и поставила привезенную с собой охрану, сразу закрыв доступ к складам вившимся вокруг материальных ценностей местным дельцам и авантюристам.

А авантюристов в те времена в Приморье было много. Не могу удержаться от рассказа об одном из них, подвизавшемся во Владивостоке во времена власти японцев. О его похождениях я прочел в одной из белогвардейских газет.

Вместе с белой армией докатился до Владивостока некий корнет Савин, настоящее имя которого было, по утверждению газеты, «граф Тулуз де Лотрек» (какое он имел отношение к знаменитому французскому художнику, неизвестно). Будучи уже немолод, он почему-то продолжал оставаться (или называться) корнетом. О нем писал еще Гиляровский, и он был известен тем, что сумел в свое время два дня пробыть на болгарском престоле, а также продать некоему заезжему иностранцу дом московского генерал-губернатора (ныне здание Моссовета).

Похождения корнета Савина в белогвардейско-японском Владивостоке были, конечно, попроще, но тоже довольно изобретательны. Так, он продал крупнейшему комиссионному магазину некую скрипку, выдав ее за скрипку Страдивари.

Магазин скрипок на комиссию не брал, но корнет уговорил хозяина выставить ее в витрине с надписью «Скрипка Страдивариуса» и утверждал, что знатоки оторвут ее с руками. Цену за скрипку корнет назначил 15.000 иен.

Хозяин принял скрипку условно и выставил ее на витрине. В последующие два дня в магазин один за другим зашли два элегантно одетых посетителя, попросивших показать им скрипку и осведомлявшихся о цене. Первому из них хозяин назвал цену 18.000 иен, второму — глаза разгорелись! — 25 тысяч иен. Оба пробовали скрипку, выразили свое восхищение ею, дали задаток (первый 2000, а второй 3000 иен) и просили оставить скрипку за ними.

А еще через день явился сам корнет Савин и озабоченно сказал:

— Обстоятельства складываются так, что я должен срочно уехать. Придется мне забрать скрипку. Сколько я должен вам за услуги? — и полез в карман.

— Я покупаю скрипку за вашу цену, — объявил хозяин магазина.

— Как вам будет угодно, — вежливо ответил корнет Савин, получил деньги и ушел.

Разумеется, скрипка ничего общего со Страдивари не имела, и своих элегантных покупателей хозяин больше не видел.

Второе мошенничество, уже совсем мелкое, однако по остроумию своему впору хотя бы Остапу Бендеру.

Во Владивостоке в ту пору были две сапожных мастерских высшего класса, способные удовлетворить претензии самых богатых и франтоватых офицеров. Корнет Савин зашел в одну из них и заказал пару лакированных сапог по своему рисунку. Затем он зашел в другую мастерскую и заказал точно такую же пару сапог. С обеими мастерскими он договорился, чтобы заказ был принесен к нему в гостиницу «Золотой Рог» ровно через неделю, только первой мастерской указал срок 10 часов утра, а второй — 11. Он предупредил, чтобы сапоги были принесены без опозданий.

Все было сделано так, как потребовал заказчик. Ровно через неделю, в 10 часов, мастер принес ему сделанную в первой мастерской пару сапог. Корнет примерил сапоги и нашел, что левый сапог немного жмет.

— Поставьте его на ночь на колодку, — распорядился он, — а утром принесете.

Точь-в-точь такая же беседа произошла у него через час с мастером, принесшим сапоги из второй мастерской. Только на этот раз «жал» правый сапог. Мастер ушел, унося его с собой, а

Савин, соединив таким образом пару бесплатных сапог, обулся и покинул гостиницу.

Вернусь от анекдотов к подлинным событиям. В числе ценностей, находившихся во Владивостоке, были библиотека и архив бывшей Академии генерального штаба царской армии. Сначала библиотека и архив были вывезены в Самару, а затем во Владивосток, на Русский остров. Библиотеку сопровождало несколько генералов, профессоров Академии, в том числе бывший начальник ее, генерал Андогский, уехавший с японцами. Однако остальные профессора остались. Они же во время пребывания японцев во Владивостоке не допустили к русским военным архивам пытавшихся ознакомиться с ними японцев.

Сразу после прихода во Владивосток Красной армии председатель Реввоенсовета РСФСР Л. Д. Троцкий приказал Уборевичу немедленно, специальным железнодорожным составом, отправить в Москву библиотеку и архив. Это было сделано. Вместе с драгоценным грузом в Москву уехали и профессора Военной академии.

…Закончилась предвыборная и выборная горячка. Мы, профсоюзные работники, включились в деловую, практическую деятельность. Прежде всего нужно было сломать господствовавшую на предприятиях Приморья расистскую систему оплаты труда рабочих. До прихода Советской власти на угольных шахтах Приморья за одну и ту же работу русский рабочий получал почти вдвое больше, чем китаец. Теперь, когда все предприятия Приморья были национализированы, на этих предприятиях, согласно советскому законодательству, установилась равная оплата за равный труд независимо от национальности рабочего. Эту работу проводили профсоюзы, что сильно повысило их авторитет в глазах рабочих, особенно китайцев, которые составляли большинство на шахтах Приморья. Все они вступили в члены профсоюза. Производительность труда на угольных шахтах резко повысилась.

Страна переходила к мирной жизни. Дальний Восток освободился от врагов. Теперь я считал себя вправе осуществить свою мечту об учебе. Думая об этом, я откладывал часть своего, довольно большого по тем временам заработка, зная, что мне предстоит жить на небольшую студенческую стипендию. Зарплату нам во Владивостоке платили сначала в иенах, потом — в золотых и серебряных монетах царской чеканки. Ста пятидесяти рублей в месяц, которые получал я, не имевший семьи, вполне хватало и на жизнь, и на некоторые накопления, и на то, чтобы, памятуя о будущей студенческой жизни, приобрести кое-какую одежду, обувь, белье.

6. На учебу — в Москву

Летом 1923 года я поставил, наконец, перед секретарем губкома К. Пшеницыным вопрос о командировке меня на учебу. Сначала мне отказали: не отпускали с работы. Я вновь и вновь добивался своего и, наконец, 1 октября Губпрофсовет освободил меня от должности секретаря, а Дальбюро дало путевку в Московский институт народного хозяйства и назначило стипендию — 30 рублей в месяц.

Ехал я в Москву с удобствами (мне повезло), но опаздывал к началу занятий (тут мне не повезло). Повезло потому, что председатель Губревкома Ян Гамарник, узнав о моем отъезде, предложил мне доставить в Москву и сдать секретариату ЦК РКП(б) специальный вагон, которым он приехал во Владивосток. Я согласился, ко мне еще примкнул ехавший в Москву председатель Дальбюро ВЦСПС К. Кнопинский, и мы вдвоем поехали в роскошном вагоне с шестью одноместными купе, с широкими кожанами диванами, письменными столами и креслами, со специальной плитой для приготовления пищи и прочим.

А не повезло потому, что, во-первых, меня не сразу отпустили, а во-вторых, ехать из Владивостока в Москву в те времена надо было не меньше двух недель. Железные дороги были запущены, а мост через Амур, взорванный в гражданскую войну, все еще не был восстановлен: переправляли вагоны через реку паромом и собирали состав на том берегу. Отапливать свой роскошный вагон мы должны были сами: хорошо хоть, в Чите с помощью Кнопинского удалось запастись топливом.

Наконец, 25 октября 1923 года прибыли мы в Москву. Поселился я, по ходатайству Дальбюро ВЦСПС, в общежитии гостиницы ВЦСПС «Деловой двор», располагавшейся на площади Ногина. Сразу явился к декану экономического факультета А. Я. Вышинскому (тому самому). Он направил меня к директору института Челяпову. Тот отказал в приеме: поздно. Но ведь я приехал с Дальнего Востока! Все равно — поздно. Пошел в Главпрофобр. Начальником Главпрофобра оказался тот же Челяпов, подтвердивший свой отказ. Пошел в ВЦСПС: ведь в институт меня направили профсоюзы. Заведующий культотделом Сенюшкин, переговорив с Челяповым, холодно сказал: ничем помочь не может.

Опечаленный, шел я по длинному извилистому коридору ВЦСПС, помещавшемуся тогда на Солянке, в здании, описанном впоследствии Ильфом и Петровым. Вдруг натыкаюсь на

Кнопинского. Вид мой был достаточно выразительным, и Кнопинский спросил: что случилось? Я рассказал.

— Пойдем-ка со мной, — сказал Кнопинский.

Он привел меня к кабинету М. П. Томского, тогдашнего председателя ВЦСПС и члена Политбюро ЦК РКП(б), приоткрыл дверь, увидел, что у Томского есть посетители, и предложил мне подождать. Несколько минут мы посидели в приемной, а когда Томский освободился, зашли к нему в кабинет. Никто нас не останавливал, не спрашивал, по какому мы делу.

К. Кнопинский представил меня М. П. Томскому как только что приехавшего из Владивостока бывшего секретаря губпрофсовета. Томский, усадив нас, сразу стал расспрашивать меня о Приморье, о положении во Владивостоке при белых, о том, какая там обстановка сейчас, о настроениях рабочих, о кадрах профработников… Я подробно рассказал ему все, что мог. А потом Кнопинский сказал:

— Михаил Павлович, у него есть путевка Дальбюро в Институт народного хозяйства на учебу, но его не принимают, потому что он опоздал. А опоздал потому, что губком не отпускал его с работы…

Тогда никаких экзаменов не было, и путевка от организации была достаточным основанием для зачисления в Вуз. Томский спросил меня, обращался ли я в культотдел ВЦСПС, узнал, что Сенюшкин отказался мне помогать, и велел секретарю вызвать к нему заведующего культотделом. Когда Сенюшкин явился, он тут же, при нас, резко осудил и его, и Челяпова за бюрократическое отношение к товарищу, приехавшему из недавно освобожденного района, тем более, что причины моего опоздания были безусловно уважительными, и дал указание немедленно зачислить меня в институт.

Сенюшкин, выйдя со мной из кабинета Томского, тут же позвонил Челяпову — и все было сделано. Я поехал в институт, предъявил Челяпову путевку и остальные документы, тот поставил резолюцию — и я стал студентом ИНХ. Только на прощанье Челяпов полюбопытствовал, как я попал к Томскому?

К нему попасть легче, чем к вам или к Сенюшкину, — сказал я, прощаясь.

…Занятия начались. Жил я, как уже сказано, в общежитии гостиницы «Деловой двор». В громадной комнате стояло не менее 60 коек, на которых все время сменялись командированные в Москву периферийные работники. С 6 утра до 12 ночи здесь стоял непрерывный гул. Люди приходили с работы, из театров, музеев, магазинов, ужинали, курили, делились впечатлениями, спорили. Заниматься тут было невозможно, и я занимался в

библиотеке, но и отдохнуть было негде.

О своей беде я рассказал бывшему дальневосточнику Николаю Илюхову, с которым встретился в институте. Илюхов рассказал мне, что в Москве, в отдельной квартире живет наш товарищ Александр Слинкин — и дал мне его адрес.

Слинкин, действительно, жил один в квартире нашего общего знакомого, командированного из Москвы во Владивосток. Свою квартиру, забронированную за ним на время командировки, он предоставил Слинкину, пока тот не получит собственного жилья. Как мы с Илюховым и думали, Слинкин предложил мне поселиться с ним, и я с радостью согласился. Правда, дом, в котором жил на первом этаже Слинкин, был достаточно запущен, квартира состояла всего из одной комнаты с небольшой кухней, но я не был избалован. Все меня устраивало: и то, что я избавлялся от общежития, и то, что дом был расположен на Садовом кольце, откуда было удобно ехать в институт, и то, что Слинкин работал — и я целый день мог без помехи заниматься.

Я забрал свои вещи из камеры хранения и переехал к Слинкину. А позже мои квартирные дела устроились совсем хорошо. Я встретился со своим старым приятелем, который работал в Наркомате почт и телеграфов, в отделе учета и распределения кадров. Жил он в том же здании, где размещался наркомат, в одной из коммунальных квартир, отведенных сотрудникам. Приятеля моего, когда я его встретил, мобилизовали на флот, и он предложил мне занять его должность и его комнату со всей обстановкой (и телефоном). Володя повел меня к своему начальству — и мы быстро обо всем договорились. Занятия в институте тогда шли только вечером — и, ради комнаты, я согласился совмещать работу с учебой.

Зачислили меня начальником подотдела учета Наркомата (по-нынешнему заместителем начальника управления кадров; впрочем, тогда, несмотря на наличие безработицы, отдел кадров такого значения, как впоследствии, не имел). Оклад мой был 225 рублей — партмаксимум. Такой оклад получал и я, и нарком, и председатель Совнаркома.

В квартире, кроме меня, жили три семьи: Зискинда, референта наркома Довгалевского, Б. И. Духовного, бывшего начальника управления ФОН, и начальника финансового управления наркомата Раева с женой и дочерью.

Все шло хорошо. Но учеба занимала все больше времени — и я решил уйти с работы. Но в таком случае, как предупредил меня начальник общего управления К. Трофимов, меня, в соответствии с законом, запросто выселили бы из квартиры.

Я пошел к секретарю Московского комитета партии

Зеленскому, рассказал ему, что хочу сосредоточиться на учебе и уйти с работы, но мне грозит в таком случае выселение из квартиры. Зеленский позвонил Трофимову — и меня оставили в покое, только сняли у меня телефон. Это было не так уж страшно: у всех моих соседей были телефоны, и я беспрепятственно пользовался ими.

Отдельная комната и свободное время сильно облегчили мои занятия. Моя комната стала местом встреч с товарищами, общих занятий и многочисленных дискуссий по теоретическим вопросам. Отказ от зарплаты меня тоже, в общем, не волновал. Стипендии, от которой я отказался, пока был на службе и которую возобновил, когда со службы ушел, хватало на питание и на покупку необходимых книг. Получив стипендию, я сразу закупал на месяц вперед чай, сахар, масло, сыр и колбасу (хранил я их зимой между рамами окон). Купил примус. Обедал в студенческой столовой, талоны в которую тоже покупал на месяц вперед. Обед стоил дешево, не помню — не то 12, не то 20 копеек. Кроме того, у меня были еще мои золотые монеты, накопленные во Владивостоке. Тратил я их очень сдержанно, бумажные деньги тогда падали очень быстро, и я, обменяв золотую монету в отделении Госбанка, тут же покупал продукты.

По время одной из таких операций я встретил Кнопинского. Разговорились. Узнав, что я меняю золото на бумажные деньги в Госбанке, Кнопинский удивился:

— На «черной бирже» у Ильинских ворот ты получишь в три или четыре раза больше, — сказал он, пожав плечами. — Ты студент, тебе каждая копейка дорога, никто тебя не осудит…

Тут пришла очередь удивляться мне: Кнопинский был членом партии с 1907 года. Но, то ли его авторитет сыграл роль, то ли простое любопытство, на «биржу» я все же пошел. Здесь гудела, кричала, торговалась толпа, беспрерывно слышались выкрики спекулянтов: «Беру доллары!», «Беру фунты стерлингов!», «Беру золото!». Спросив одного из них, сколько он даст мне за пятирублевую золотую монету, я услышал сумму, в несколько раз превышавшую официальный курс. Я отдал монету, получил бумажки и уже хотел уходить, как вдруг раздался крик: «Облава!». Действительно, толпу оцепляли милиционеры. Кольцо сжалось — и милиция стала пропускать окруженных по одному, проверяя документы. Дошла очередь до меня. Я показал студенческую книжку и партбилет (паспортов тогда еще не было). На вопрос начальника милиции, как я сюда попал, я соврал, что просто проходил мимо. Меня отпустили — и больше я таких экспериментов не устраивал, хотя бы и по рекомендации старого большевика.

…В институте я все больше сближался с Илюховым. Мы учились в одной группе и дружили почти все годы пребывания в институте. Он часто бывал у меня, а я у него, на Лесной улице, где он жил с женой, тоже бывшей партизанкой, и с дочкой, названной звучащим сейчас странно, а тогда распространенным в нашей среде именем «Идея». Илюхов познакомил меня и со своим старым другом, тоже дальневосточником-партизаном М. Титовым, впоследствии — начальником политотдела Амурской Армии. В ту пору, как мы познакомились, Титов учился в МГУ, на факультете общественных наук и был одно время секретарем партийной ячейки Московского университета.

Что касается парторганизации нашего института, то первое общепартийное собрание, на котором я присутствовал, честно говоря, не могло произвести хорошего впечатления. Партячейка была большая, на закрытом собрании, происходившем в Плехановской аудитории, присутствовало тысячи полторы человек. Как правило, это были не зеленые юнцы, а участники гражданской войны, бывшие командиры, комиссары, политработники. Но дело разбиралось на собрании не очень красивое.

Шла речь о моральном разложении секретаря партячейки института Юрисова. Докладывала об этом собранию секретарь Замоскворецкого райкома старая большевичка Самойлова, известная в партии под своей подпольной кличкой «Землячка».

Землячка доложила собранию то, что многие уже знали. Юрисов, живший в общежитии, устраивал в своей комнате так называемые «афинские ночи», участники которых, парни и девушки, раздевались догола. Узнав об этом, Землячка потребовала сообщить ей, когда состоится следующая встреча и, вместе с работниками контрольной комиссии, ворвалась в комнату, где и застала обнаженных студентов и студенток в соответствующих позах.

Землячка потребовала исключить Юрисова из партии. Его, конечно, исключили (и было за что!), но и Землячка не снискала симпатий. Ее вообще не любила молодежь: за сухость, черствость, крутой нрав. Во время собрания слышалось немало выкриков: «Старая ведьма!», «Старая дева!». Претило то, что секретарь райкома шарит по комнатам, подглядывая за личной жизнью студентов.

Секретарем ячейки был избран Бойко-Павлов, тоже бывший дальневосточный партизан. Впрочем, Юрисов, видимо, был все-таки восстановлен: впоследствии он занимал должность начальника Главтекстиля ВСНХ СССР.

Собрание это, как и вообще первые месяцы в Москве,

произвело на меня тяжелое впечатление. Предыдущий период моей жизни, когда я стал коммунистом, — подготовка переворота в Нерчинске-Заводском, участие в партизанских отрядах Забайкалья, бои на Хабаровском фронте, подпольная работа во Владивостоке — все это было чисто, было проникнуто горячей верой в партию, в ее идеалы. Там меня окружали люди, готовые каждую минуту умереть за партию. И когда я ступил ногой на московскую землю, где находился штаб мировой революции, я был похож на христианина, пришедшего на святую землю.

А встретился я со многими, носившими звание члена партии, но по существу бюрократами, или равнодушными циниками, или, вот как на этом собрании, с морально разложившимися, как Юрисов и его компания, или с ханжами вроде Землячки, смаковавшей поступки Юрисова. А ведь имя Землячки я читал в истории партии!

Все это не могло не отложиться в моем сознании, не вызвать некоторое разочарование, не поколебать в какой-то степени мою веру в чистоту того движения, которому я посвятил свою жизнь.

Светлой точкой в моей памяти осталось собрание Замоскворецкого партийного актива, состоявшееся в колонном зале нашего института вскоре после моего поступления на учебу. Мне удалось присутствовать на этом собрании и впервые услышать доклад Л. Д. Троцкого. Услышать Ленина и Троцкого было моей давнишней мечтой.

Доклад Троцкого произвел на меня огромное впечатление, и еще большее сам Троцкий и устроенная ему встреча. Это была действительно овация, и длилась она не менее десяти минут. Председательствовавшая Землячка металась за столом, воздевала руки и кричала:

— Товарищи! Дадим мы, наконец, говорить товарищу Троцкому?

— Дадим! Дадим! — кричали ей в ответ собравшиеся и продолжали аплодировать.

Троцкий поднял руку, требуя внимания, но аплодисменты долго не стихали. Это было подлинно стихийное проявление чувств. Помню это и по себе. И по окончании доклада тоже долго гремела буря аплодисментов.

7. Внутрипартийные разногласия

В конце ноября 1923 года началась внутрипартийная дискуссия. Положение в стране было сложное, республика вышла из войны в состоянии разрухи. Почти восемь лет сначала империалистической, потом гражданской войны обессилили, разорили и истощили рабочий класс и крестьянство. Материальная база была подорвана, восстанавливать крупную государственную промышленность, не имея опыта управления, было нелегко. Не хватало и кадров: значительная часть передовых рабочих, потомственных пролетариев во время гражданской войны ушли в красную армию. Многие из них погибли, другие выдвинулись на руководящую работу. На смену им пришла молодежь, преимущественно из деревни, без квалификации и без пролетарских традиций.

Крупная промышленность восстанавливалась туго, медленно. Более поворотливыми оказались в условиях НЭПа мелкая промышленность и розничная торговля, в массе своей находившаяся в руках частников — так называемых «нэпманов». Еще быстрее поднималось мелкое крестьянское хозяйство. Освобожденные от поборов и мобилизации, крестьяне жадно схватились за землю.

И очень скоро командные высоты в деревне стал занимать кулак. Через подставных лиц он проникал в кооперацию, прибирал к рукам мельницы, розничную торговлю, и стал подчинять своему влиянию бедноту и середняков. Роль кулака была неизмеримо большей, чем его удельный вес в деревне.

В капиталистических странах после провала революции 1923 года в Германии наступила полоса относительной стабилизации.

В партии, вследствие длительной болезни Ленина и его продолжительного отсутствия на работе, практическое руководство в ЦК перешло к Сталину и его окружению, которые постепенно повели партию по пути сползания с революционной линии. Настоящего опыта управления государством и хозяйством страны не имели все руководители партии. Единственной верной политикой в этих условиях был бы коллективный поиск путей и решений всех крупных вопросов, встающих перед молодой республикой Советов. А для этого было важно, чтобы в узком коллективе вождей партии, в Политбюро ЦК, была создана атмосфера взаимного доверия и поддержки. Тогда можно было бы путем дискуссий, без оглядки друг на друга, то есть без боязни быть обвиненными в уклоне, свободно подвергать всестороннему анализу и критике все вопросы. При деловой, товарищеской

атмосфере Политбюро, в котором были сосредоточены основные политики и теоретики партии, было способно и без Ленина решать вопросы любой сложности. При необходимости можно было привлечь для изучения и подготовки вопросов любое количество мыслящих людей, которыми тогда была исключительно богата партия.

Это был еще такой период, когда решался вопрос о дальнейшей судьбе партии. При правильной политике Троцкого партия могла еще выправить свою линию и остаться в руках ее революционных элементов.

Однако Троцкий не понял уникальности и неповторимости обстановки, сложившейся в партии накануне XII съезда.

В своей книге «Моя жизнь», изданной за границей, Л. Д. Троцкий писал:

«Ленин вызывал меня к себе в Кремль, говорил об ужасающем росте бюрократизма у нас в советском аппарате и о необходимости найти рычаг, чтобы как следует подойти к этому вопросу. Он предлагал специальную комиссию при ЦК и приглашал меня к активному участию в работе.

Я ответил ему. По моему убеждению, сейчас в борьбе с бюрократизмом советского аппарата нельзя забывать, что как на местах, так и в центре создается особый подбор чиновников и спецов, партийных и беспартийных, вокруг известных партийных руководящих лиц в губернии, в районе, в центре, то есть в ЦК. Нажимаешь на чиновника, натыкаешься на партийца, в свите которого спец состоит, и при нынешнем положении я на себя такой работы не мог бы взять…

Чуть подумав, Ленин поставил вопрос ребром:

— Вы, значит, предлагаете открыть борьбу не только против государственного бюрократизма, но и против Оргбюро ЦК?

Я рассмеялся от неожиданности. Оргбюро ЦК означало самое средоточие сталинского аппарата.

Пожалуй, выходит так.

Ну что ж, — продолжал Ленин, явно довольный тем, что мы назвали по имени существо вопроса, — я предлагаю вам блок против бюрократизма вообще, против Оргбюро в частности.

С хорошим человеком лестно заключить блок, — ответил я.

Мы условились встретиться снова. Ленин предлагал обдумать организационную сторону дела. Он намечал создание комиссии ЦК, мы оба должны были войти туда. По существу, эта комиссия должна была стать рычагом разрушения сталинской фракции… для создания таких условий в партии, которые дали бы мне возможность стать заместителем Ленина, по его мысли преемником на посту председателя Совнаркома. /…/ Совместное

наше выступление против Оргбюро ЦК в начале 1923 года обеспечивало бы победу наверняка. Более того, я не сомневаюсь, что если бы я выступил накануне XII съезда в духе „блока Ленина-Троцкого“ против сталинского бюрократизма, я одержал бы победу и без прямого участия Ленина в борьбе».

Но как раз вскоре после этой беседы у Ленина произошел вторичный инсульт, и Владимир Ильич больше уже к работе не возвращался. Троцкий понимал, что время не терпит, что с каждым днем «тройка» все дальше и дальше отодвигает его от активного участия в делах партии. Тем не менее он не сделал правильных выводов из ситуации и не выступил активно от своего и Ленина имени против сталинской фракции. Отвечая на обвинения его в пассивности, Троцкий в статье «Почему Сталин победил оппозицию», помещенной в «Бюллетене» №… от декабря 1935 года, писал:

«…Те мудрецы, которые задним числом (хотя были в 1922 году тоже такие мудрецы, которые настаивали на открытом выступлении Троцкого) обвиняют нас в том, что мы, вследствие нерешительности, упустили власть… они думают, что есть какие-то особые технические секреты, при помощи которых можно завоевать или удержать революционную власть независимо от действия величайших объективных факторов побед или поражений революции на Западе и Востоке, подъема или упадка массового движения в стране, и прочее. Власть не есть приз, который достается более „ловкому“. Власть есть отношение между людьми, в последнем счете между классами. Правильное руководство, как уже сказано, является важным рычагом успехов. Но это вовсе не значит, что руководство может обеспечить победу при всяких условиях. Решает в конце концов борьба классов и те внутренние сдвиги, которые происходят внутри борющихся масс».

Между опубликованием произведений Троцкого, из которых взяты первая и вторая цитаты, прошло около шести лет. Взгляды его за это время, как мы видим, коренным образом изменились. Если в 1929 году в книге «Моя жизнь» он считал, что его выступление в 1922 году от имени Ленина и его собственного безусловно обеспечивало победу, то в 1935 году он уже ссылается на непреодолимые объективные условия.

«Значит, победа Сталина была неотвратима, значит, борьба левой оппозиции была безнадежна? — спрашивает он, и тут же отвечает: — … Такая постановка абстрактна, схематична, фаталистична. Ход борьбы показал несомненно, что одержать полную победу в СССР, т. е. завоевать власть и выжечь язву бюрократизма большевики-ленинцы не смогли и не смогут без поддержки мировой революции».

Коренная ошибка Троцкого и руководящей головки оппозиции состояла в том, что они упустили время. То единственное, отведенное для них историей время, когда они, в порядке подготовки к XII съезду могли дать правильное направление политике партии и исправить ошибки Сталина по организационному и национальному вопросам — ошибки, на исправлении которых в своих письмах к съезду настаивал Ленин.

Неверно представлял себе Троцкий роль Сталина в партии в тот период, когда писал:

«Инициатива борьбы против левой оппозиции принадлежала собственно не Сталину, а Зиновьеву. Сталин сперва колебался и выжидал. Было бы ошибкой думать, что Сталин с самого начала наметил какой-либо стратегический план. Он нащупывал почву. Несомненно, что революционная марксистская опека тяготила его. Он фактически искал более простой, более национальной, более надежной политики».

Здесь ошибочные мысли Троцкого переплетаются с его прозорливыми догадками.

Сталин, став генсеком, с самого начала наметил линию, которую он проводил методически, с железной последовательностью (конечно, поскольку позволяли обстоятельства). Борьбу он вел, разумеется, не в безвоздушном пространстве, а при сопротивлении других членов Политбюро, но истинные свои намерения при этом скрывал, иначе все вожди партии объединились бы против него. Зиновьеву он предоставил эфемерную власть, внешне выразившуюся в том, что Зиновьеву было поручено сделать съезду политический отчет ЦК, который обычно делал Ленин. Поскольку Сталин оставил за собой два главных вопроса организационный и национальный, определявшие дальнейшую судьбу партии, временный «триумф» Зиновьева ему ничем не грозил.

Единственное, чего боялся и чего не хотел допустить Сталин, это открытых разногласий и дискуссий перед — и особенно — на XII съезде партии. Они были невыгодны ему по следующим причинам:

1. Массы членов партии хорошо знали имена Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина — и почти совсем не знали Сталина. Он опасался, что, если начнутся споры, большинство партии поддержит Троцкого, который, после Ленина, был самым популярным в партии человеком.

2. К моменту съезда Сталин еще не успел полностью укомплектовать обкомы и губкомы партии своими людьми. Эта работа, хотя и проводилась им интенсивно, закончилась только после XII съезда, что заставило спохватиться Зиновьева и

Каменева, настаивавших на перестройке рабочих органов ЦК.

3. В составе Центрального Комитета партии тоже не были еще проведены такие изменения, которые обеспечили бы Сталину большинство. Ленин, как известно, настаивал на таком сформировании ЦК, чтобы большинство в нем составляли не чиновники, а рабочие. Троцкий даже не обратил внимания на это предложение Ленина. А Сталин, сознавая, как опасен был бы для него такой ЦК, хотел добиться и добился противоположного: расширения ЦК за счет верных ему, Сталину, аппаратчиков.

4. Чтобы обеспечить свое господство в ЦК и поворот партии от интернационализма к национализму, Сталину было необходимо не допустить обсуждения перед съездом и на съезде так называемого «Завещания Ленина» и его письма к съезду под названием: «К вопросу о национальностях и об автономизации» и не допустить выступлений Троцкого по организационному и национальному вопросам. Сталину удалось и то, и другое. Он добился от пленума ЦК, во-первых, назначения Сталина докладчиком по обоим волновавшим партию вопросам и, во-вторых, перед лицом болезни Ленина, не выносить разногласия на съездовские партийные собрания, конференции и на самый съезд.

Так ловко разыграл Сталин игру, которая дала ему в руки победу и предопределила поражение всех остальных членов Политбюро. Сталин сумел сформировать такой Центральный Комитет, который стал послушным орудием задуманного им стратегического плана.

Неспособность Троцкого решиться на открытую борьбу против «тройки» и поддерживавшего ее Центрального Комитета привели к тому, что партия была отброшена от ее революционных традиций на путь бюрократического перерождения.

Как показывает анализ исторических фактов, многие расхождения в Политбюро создавались Сталиным искусственно. Он был большим мастером придираться к случайной обмолвке, оброненному невзначай слову, не до конца продуманной фразе. В созданной генсеком обстановке каждая обмолвка раздувалась до принципиальных разногласий.

Кто должен был создать здоровую, товарищескую атмосферу в Политбюро? Казалось бы, генеральный секретарь, задача которого заключалась в сглаживании, а не в обострении расхождений. Но Сталин этого-то и не делал. Он постоянно плел паутину интриг, с большим искусством настраивая лидеров партии друг против друга. В отношениях между ними появилась напряженность. Стали создаваться группировки, из которых главной была группа «трех» в составе Сталина, Зиновьева и

Каменева, которая по существу возглавила политическую борьбу против Троцкого. Разногласия по принципиальным вопросам (внутрипартийный режим, монополия внешней торговли, национальный вопрос, отношения между городом и деревней, политика цен и т. п.) перерастали во внутрипартийную борьбу. А ЦК запретил выносить эту борьбу, эти разногласия на съезд.

Зиновьев в Политическом отчете ЦК XII съезду, Каменев — в прениях по этому отчету выступили с предложениями ужесточить внутрипартийный режим. «Мы с вами, товарищи, должны знать следующее, — заявил Каменев, — всякая критика партийной линии, хотя бы так называемая „левая“, является ныне объективно меньшевистской критикой». (XII съезд РКП(б), стенографический отчет, стр. 46–47).

Троцкий был не согласен с такой позицией Зиновьева. Однако он промолчал, исходя из того, что Политбюро приняло решение разногласий на съезд не выносить.

Все же выступления против Зиновьева на съезде были. Так, против Зиновьева выступил один из руководящих работников партии Владимир Коссиор. Зиновьев и Каменев с одной стороны и В. Коссиор — с другой обосновали на XII съезде партии две линии, которые легли в основу борьбы между большинством и меньшинством партии во весь последующий исторический период.

Именно концепцией, изложенной Зиновьевым на XII съезде партии в его высказываниях по внутрипартийному вопросу, руководился в дальнейшем сталинский ЦК в своей борьбе с оппозиционными течениями. Согласно этой концепции, всякая критика партийной линии является объективно меньшевистской и опасной для диктатуры пролетариата. Это заранее накладывало запрет на всякую критику, отстраняло массы от активного участия во внутрипартийной жизни и, прежде всего, отстраняло от этого участия передовые элементы партии. Таким образом, круг членов партии, непосредственно принимавший участие в ее повседневной жизни, резко сужался.

Владимир Коссиор предупреждал партию об опасности такой политики. Если число членов партии, допущенных к критике партийной линии, будет все больше сокращаться, — говорил он, — то неизбежно наступит такой момент, когда партией и страной будет управлять небольшая горстка людей. И это действительно будет опасно, ибо дела партии и страны будут решаться за спиной партии узкой группой лиц, повлиять на которых партия будет бессильна. В этом случае всякие изменения в политике партии будут зависеть от изменений в этой верхушке. А это неизбежно лишит весь наш строй устойчивости и может

привести к переменам, неожиданным для партии и опасным для социализма. В этом же выступлении Коссиор сообщил съезду о фактическом отстранении из групповых соображений Троцкого от политического руководства.

Из речей, произнесенных на XII съезде Зиновьевым, Сталиным, Коссиором, уже было ясно, что в ЦК имеются разногласии между Троцким и большинством Политбюро. То, что эти разногласия было решено не выносить на съезд, не могло скрыть самого факта существования таких разногласий. Достаточно ясна была и тенденция руководящей верхушки запугивать будущую оппозицию планируемыми против нее репрессиями.

Как мы уже писали, Троцкий допустил крупную политическую ошибку, заняв рыцарскую позицию в отношении борьбы за руководство и упустив тем самым благоприятный момент для разгрома своих противников. Ленин бы этого, конечно, никогда не сделал. Троцкий же, еще до съезда выступивший против претензии кого-либо из лидеров партии на роль вождя, не поддержал даже выступившего на съезде в его защиту Коссиора.

Троцкий поступил как человек, не искушенный в интригах, недооценивший прожженного интригана Сталина. Поэтому он точно выполнил решение Политбюро и потерял возможность своим авторитетным вмешательством повлиять на решения съезда о внутрипартийной демократии, о формировании руководящих органов партии и по национальному вопросу, по которым Ленин предлагал ему блок.

После всего сказанного нелишне будет отметить, сколь опрометчивы и необоснованны суждения по этому вопросу историка Р. А. Медведева в его книге «К суду истории». Рассматривая перипетии внутрипартийной борьбы в 1922–1923 годах, Р. Медведев пишет: «XII съезд партии прошел без больших споров, во всяком случае между членами Политбюро. Однако уже через несколько месяцев после съезда Л. Д. Троцкий, бывший тогда одним из наиболее популярных руководителей партии, выступил со своей особой платформой (и с плохо скрытой претензией на руководство партией).» (Р. А. Медведев, «К суду истории», стр. 76).

Медведев даже не дал себе труда как-то обосновать это свое утверждение. А между тем, как это видно из приведенных мною фактов, именно Л. Д. Троцкий, а не кто-либо другой, возражал против того, чтобы на XII съезде кто-либо заменил Ленина как докладчик по Политическому отчету ЦК.

Неверно, что на XII съезде не было еще разногласий, они

были скрыты — и именно внутри Политбюро. Медведев прошел мимо одного из самых важных моментов истории партии, мимо XII съезда. Как раз там, под покровом внешнего благополучия, историк должен был обнаружить скрытую борьбу, ход которой предопределил успех Сталина и поражение Троцкого.

Беда Л. Д. Троцкого состояла не в том, что он выступил с плохо скрытой претензией на руководство партией, а в том, что он не выступил с такой претензией своевременно. Перед лицом противников, не стеснявшихся никакими средствами, Троцкий показал себя Дон-Кихотом, и именно в этом обвиняли его такие единомышленники, как Пятаков, Иоффе и другие. Он стремился убедить своих противников — этих насквозь прожженных политиканов — что Ленина никто заменить не может, что только коллективное руководство может заполнить вакуум, образовавшийся в ЦК после вынужденного отхода Ленина от руководства. Прочтите ту часть его заключительного слова по докладу о промышленности, где он говорит о выступлении Коссиора, и вы поймете, что перед вами типичный Дон-Кихот.

Не так вел себя его основной противник Сталин. Он не тратил время на бесплодные дискуссии. Ему удалось провести свою линию по организационному и национальному вопросам, изолировать Троцкого от большой политики и в то же время удержать его от полемического выступления на XII съезде в невыгодное для Сталина время, когда организационное окружение Троцкого еще не было завершено.

Конечно, все это свидетельствует о том, что Сталин был не только ловким и бессовестным интриганом, но и опытным политиком. И это свидетельствует также о том, что Троцкий, при всех его выдающихся способностях, был недостаточно опытным тактиком и недостаточно решительным и целеустремленным политиком. К тому же он находился под гипнозом навязанного ему понимания «единства партии».

Зная все, что произошло вслед за XII съездом партии, Медведев как историк не имел никаких оснований повторять ложную сталинскую версию о претензиях Троцкого на руководство. Нельзя не видеть в этой версии обычный для Сталина отвлекающий маневр: ведь это он сам питал такие претензии и осуществил их железной рукой, через горы трупов своих бывших товарищей.

Л. Д. Троцкий вместе с В. И. Лениным были самыми популярными из вождей партии — не только в партии, но и в народе. Недаром Демьян Бедный писал в годы гражданской войны:

Ленин-Троцкий — наша двойка.
Вот попробуй-ка, покрой-ка!
Где ж твоя, Деникин, прыть?
Нашей двойки нечем крыть.

Разумеется, Троцкий, как и любой политический деятель такого масштаба, стремился к руководству. Это естественно, ибо только таким путем подлинный вождь может осуществить свою политическую линию. Видеть в этом какие-то карьеристские стремления может только обыватель (так меньшевики в свое время увидели в стремлении Ленина к руководству наклонности к личному диктаторству). Но Р. А. Медведев придает этим стремлениям Троцкого именно карьеристский оттенок. Это совершенно бездоказательно и полностью противоречит всему последующему ходу борьбы Троцкого против Сталина.

В июле и августе 1923 года в ряде районов страны, в частности в Москве, Харькове и Сормове, прокатилась волна забастовок, которые сигнализировали об ослаблении связей партии с рабочим классом.

В начале октября Троцкий направил в ЦК письмо, в котором говорил о бюрократическом омертвлении аппарата и о необходимости внутрипартийных перемен.

Почти одновременно в ЦК поступило так называемое «заявление 46-ти» коллективное письмо группы видных членов партии, в котором ставились почти те же вопросы — о необходимости пересмотреть внутрипартийную политику и об ошибках ЦК в экономической области.

И Троцкий, и группа 46-ти выдвигали сходные предложения:

вовлечь в активную работу партийную периферию, которая из передаточного механизма от высших партийных органов к массам должна превратиться в среду, вырабатывающую партийное общественное мнение;

обеспечить свободу внутрипартийных дискуссий и контроль работы руководящих органов партийными массами путем отчетности перед ними;

ликвидировать практику «назначенчества», т. е. отменить систему подбора кадров по принципу послушания.

Большинство ЦК и прежде всего существовавшая в Политбюро фракционная «тройка» Сталина, Зиновьева и Каменева, встретила эти предложения в штыки. В ноябре 1931 г., в № 31 издававшегося за границей «Бюллетеня» Л. Д. Троцкий писал: «В 1923 году Зиновьев и Каменев открыли кампанию против Троцкого. В начале борьбы они очень слабо отдавали себе

отчет в ее последствиях, что свидетельствовало, конечно, об их политической дальновидности». Это ироническое замечание могло быть отнесено не только к Зиновьеву и Каменеву, но и к самому Троцкому. Видимо, не только в 1923, но и в 1931 году он не понимал еще, что главным организатором нападения был не Зиновьев, не Каменев, а стоящий за ними Сталин.

«Роль Сталина в этой борьбе, — писал там же Троцкий, — имела гораздо более органический характер. Дух мелкобуржуазного провинциализма, отсутствие теоретической подготовки, незнакомство с Европой, узость горизонта, — вот что характеризовало Сталина, несмотря на его большевизм».

Все это верно, и все-таки Троцкий не знал, с каким противником он имеет дело. Да и никто из членов ЦК внутренней сущности Сталина не понимал. Никто из них, в том числе и Троцкий, не мог подумать, что Сталин ведет борьбу не за большевизм (правильно или ложно понятый), а просто-напросто за свою личную, безграничную власть. «Его враждебность к „троцкизму“, — писал дальше Троцкий, — имела гораздо более глубокие корни, чем у Зиновьева и Каменева, и давно искала политического выражения…»

Троцкий ищет классовых корней, теоретических обоснований, а Сталин был враждебен не к «троцкизму», а лично к Троцкому — человеку, который преграждал ему путь к личной неограниченной власти.

«Борьба большинства Политбюро против Троцкого, начавшаяся в значительной мере как личный заговор, уже очень скоро развернула свое политическое содержание. Оно не было ни простым, ни однородным».

Это правильно только в том смысле, что Зиновьев боролся за захват власти, чтобы провести большевистскую программу, как он ее понимал; Сталин же боролся за власть как таковую и использовал для этого одних вождей партии против других с таким расчетом, чтобы в конечном счете избавиться от всех их. Этого тогда, к сожалению, не понимали все члены Политбюро.

«Левая оппозиция, — писал дальше Троцкий, — включала в себя, вокруг авторитетного большевистского ядра, многих организаторов Октябрьского переворота, боевиков гражданской войны, значительный слой марксистов из учащейся молодежи. Но за этим авангардом тянулся на первых порах хвост всяких недовольных, неприспособленных, вплоть до обиженных карьеристов. Только тяжкий путь дальнейшей борьбы постепенно освободил оппозицию от ее случайных и непрошеных попутчиков».

«Под знаменем „тройки“ — Зиновьев, Каменев, Сталин —

объединились не только многие „старые большевики“, которых Ленин предлагал еще в апреле 1917 года „сдать в архив“, но и многие серьезные подпольщики, крепкие организаторы партии, искренне поверившие, что надвигается опасность смены ленинизма троцкизмом.»

Такова была расстановка сил в руководящем ядре партии к началу дискуссии 1923 года. И таковы были идейные позиции сторон, участвовавших во внутрипартийной борьбе.

На первом дискуссионном собрании в институте, в ноябре 1923 года, с докладом выступил В. М. Молотов, с содокладом — Е. А. Преображенский. В прениях выступало несколько десятков студентов-партийцев.

Я приехал с Дальнего Востока, где совсем недавно закончилась гражданская война, и понятия не имел о разногласиях внутри ЦК и в партии. Когда же на институтском партийном собрании выступил Преображенский, его исключительно яркая и искренняя речь произвела на меня огромное впечатление. Чувствовалось, что его устами говорит сама истина — и о бюрократизме аппарата, и о зажиме внутрипартийной демократии, и о многом другом. Да и я уже кое-что повидал в Москве, прошел через мытарства, связанные с поступлением в институт, видел разложившихся партийцев, сталкивался с самодовольством руководящих работников… Словом, я выступил в прениях и рассказал о том, что я мечтал увидеть в Москве, которую всегда представлял себе как идейный центр мировой социалистической революции, и что увидел на самом деле. Я поддержал Преображенского, открыто говорившего о недугах, которыми болеет партия.

Горячая дискуссия длилась несколько дней. В конце концов партийное собрание подавляющим большинством голосов проголосовало за резолюцию, предложенную Е. А. Преображенским. Делегатов на конференцию Замоскворецкого района собрание избрало из числа сторонников оппозиции.

Большинство наших студентов-коммунистов пришли в институт из Красной армии, где авторитет Троцкого был исключительно высок. Впрочем, за позицию Троцкого голосовала не только наша партячейка. В «Правде» от 13 января 1923 года, в отчете секретаря МК РКП(б) на Московской партконференции приведены данные о количестве ячеек и голосов, поданных за большинство ЦК и за оппозицию. По этим данным за оппозицию голосовало 67 рабочих ячеек с 2223 голосами, за ЦК — 346 ячеек с 9843 голосами. В вузах же картина была противоположная: за оппозицию проголосовало 40 ячеек и 6594 члена партии, за ЦК —

32 ячейки и 2790 членов партии. 18 января в «Правде» же напечатано, что на районных партконференциях за оппозицию было подано 36 % голосов.

Цифры я, конечно, взял из подшивки, как их упомнить. Но память хорошо сохранила, что в 1923 году большинство коммунистов-учащихся и военных голосовало за оппозицию. И что касается Замоскворецкой и Хамовнической районных партконференций, то и там большинство голосовало за Троцкого.

После выступления с трибуны собрания я познакомился с сидящим рядом преподавателем института Тер-Ваганяном. Домой мы шли вместе: мой товарищ Арсен Оганесов, Тер-Ваганян и я. Я узнал, что Тер-Ваганян — старый большевик, что он написал книгу о Г. В. Плеханове и что он — горячий сторонник Троцкого.

Тер-Ваганян рассказал мне многое, чего я не знал. О том, кто из руководящих деятелей партии разделяет взгляды Троцкого. О расстановке сил в ЦК к моменту начала дискуссии. О завещании Ленина, в котором Владимир Ильич требует снятия Сталина с поста генсека. О том, что борьбу против Троцкого возглавляет Сталин, у которого с Троцким старые счеты, а поддерживают Сталина Зиновьев и Каменев. И еще многое.

После рассказов и разъяснений Тер-Ваганяна я стал смотреть на разногласия в партии серьезнее и постепенно стал уже не случайным, а сознательным противником линии большинства ЦК. Однако ни в какой фракции я не состоял и никакой фракционной работы не вел. И вообще, как мне помнится, тогда, в 1923–1924 гг., никакой фракционной организации у оппозиции не было.

Тер-Ваганян считал, что Троцкий напрасно без сопротивления позволил своим противникам отстранить себя от руководства. Таково было настроение многих сторонников Троцкого. Пятаков, Преображенский, Белобородов, Раковский, И. Н. Смирнов, Н. И. Муралов, В. Коссиор были недовольны также тем, что Троцкий уклонился от прямого участия в дискуссии, в то время как его личное участие — особенно в рабочих и военных ячейках — могло иметь решающее значение для результатов голосования. Троцкий же считал, что всякое обострение борьбы, связанное с его личным участием в дискуссии, может привести к расколу партии, и он не хотел быть в этом виноватым.

Под давлением оппозиции Политбюро пошло на уступки. Была создана комиссия из Троцкого, Сталина и Каменева, разработавшая проект резолюции «О партстроительстве». Пятого декабря 1923 года Политбюро утвердило эту резолюцию, в которой провозглашался новый курс партии на рабочую демократию. В резолюции отражались все основные требования

оппозиции об изменении режима партии, те требования, против которых на XII съезде выступали Зиновьев и Каменев, а в дискуссии — большинство ЦК, настаивавшее на запрещении всякой критики линии ЦК. Четырнадцатого декабря 1923 года было опубликовано подписанное Сталиным Обращение ЦК РКП(б) ко всем парторганизациям, в котором говорилось: «ЦК признал своевременным углубление и расширение рабочей демократии в области внутрипартийного строительства… ЦК считает, что обсуждение резолюции ЦК должно захватить всю массу членов партии во всех уголках СССР».

Начался второй тур дискуссии, который был разрешен приведенным выше Обращением. С разъяснением резолюции Политбюро на активах и на партийных собраниях выступали все члены Политбюро, кроме Троцкого. Он был болен и потому обратился «к партийным совещаниям» с письмом, которое вошло в историю, как «Новый курс».

Письмо Троцкого было построено на резолюции Политбюро от 5 декабря и полностью соответствовало духу этой резолюции. В нем говорилось:

«Новый курс, провозглашенный в резолюции ЦК, в том и состоит, что центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, должен быть передвинут в сторону активности, критической самодеятельности, самоуправления партии как организованного авангарда пролетариата. Новый курс вовсе не значит, что на партийный аппарат возлагается задача в такой-то срок декретировать, создать или установить режим демократии. Нет, осуществить этот режим может сама партия. Коротко задачу можно формулировать так: партия должна подчинить себе свой аппарат, ни на минуту не переставая быть централизованной организацией».

Хотя разъяснения Л. Д. Троцкого полностью соответствовали духу принятых ЦК решений, большинство членов Политбюро по существу не хотело дать ход резолюции от 5 декабря, не хотело проводить новый курс в жизнь. Да и немыслимо было, чтобы аппарат — и прежде всего верхи аппарата во главе со Сталиным — добровольно сдал свои позиции и передал инициативу в руки самодеятельных масс. Принятая под давлением оппозиции резолюция для большинства ЦК являлась лишь дипломатическим прикрытием его жесткой внутрипартийной политики. Поэтому всякое истинно демократическое толкование ее вызывало бешенство аппаратчиков. Толкование резолюции Троцким не могло не вызвать такой реакции.

Понять это нетрудно, если вспомнить, как совсем недавно всемогущий аппарат ЦК КПСС реагировал на попытку братской

Чехословацкой партии освободиться из-под его власти и взять инициативу в свои собственные руки.

Критика Л. Д. Троцким старых большевиков, управлявших партией, служила целям исправления ошибок старшего поколения, увлекшегося административной стороной дела и забывшего о самодеятельности партии.

Лицемерная защита Сталиным и Зиновьевым старой гвардии преследовала цель сыграть на их чванливом отношении к Троцкому как к «чужому» в партии, доказать, что он поэтому заинтересован в том, чтобы натравить молодых членов партии на старых.

Письмо Троцкого по своему содержанию ничем не отличалось от резолюции 5 декабря. Примеры, поясняющие существо вопроса о рабочей демократии, были яркими, острыми и запоминающимися, но они только иллюстрировали основные принципиальные положения резолюции. То, что этот материал, сухо изложенный в официальном документе, заговорил в письме Л. Д. Троцкого сильно, ярко и убедительно, свидетельствовало только о таланте автора.

Почему понадобилось так остро реагировать на письмо Троцкого, если ЦК действительно искренне решил осуществить свою резолюцию? Даже если бы в письме Троцкого действительно было бы какое-то отклонение от резолюции — в сторону ли большего ударения на демократию, в сторону ли критики старого курса, стоило ли поднимать такой вопль против этого письма, если бы ЦК в самом деле считал старый курс вредным и понимал жизненную необходимость перестройки.

В том-то и дело, что, соглашаясь принять резолюцию от 5 декабря, Сталин и Зиновьев просто маневрировали, чтобы успокоить партию. На самом деле эта резолюция была забыта на другой день после окончания районных партийных конференций. Зиновьев и Каменев почувствовали это на своем горбу после XIII съезда, когда они уже оказались не нужны своему временному союзнику Сталину.

В ходе дискуссии Троцкого особенно сильно обвиняли за то, что он в своем письме противопоставляет молодых членов партии старым и пишет о перерождении старых большевиков. Отвечая на первое обвинение, Троцкий писал:

«Именно „штиль“ заключал в себе опасность возрастающей отчужденности между руководящим слоем партии и более молодыми ее членами. Тенденция партийного аппарата думать и решать за партию ведет в своем развитии к стремлению укрепить авторитет руководящих кругов только на традиции… Поскольку революционно сохранившиеся, не оказенившиеся представители

старого поколения, т. е., как мы твердо уверены, подавляющее его большинство, отдадут себе ясный отчет относительно охарактеризованной выше опасной перспективы и, став на почву резолюции Политбюро ЦК, приложат все усилия к тому, чтобы помочь партии претворить резолюцию в жизнь, постольку исчезнет главный источник возможного противопоставления разных поколений в партии».

Анализ, данный Троцким 50 лет назад, подтвердился за прошедший период многочисленными фактами. Сталин, игравший на самолюбии старых большевиков, использовавший их влияние в партии против Троцкого, вскоре после победы над своими идейными противниками почти поголовно уничтожил старых членов партии, заменив их в аппарате членами партии призыва тридцатых годов.

Отвечая на второе обвинение, Л. Д. Троцкий писал:

«Можно еще, пожалуй, возразить, что приведенная ссылка на аппаратное перерождение социал-демократии неправильна ввиду глубокого различия эпох: тогдашней застойно-реформистской и нынешней революционной. Разумеется, пример есть только пример, а никак не тождество. Однако же это огульное противопоставление эпох само по себе еще ничего не решает. Недаром же мы указываем на опасности НЭПа, тесно связанные с затяжным характером международной революции. Повседневная государственно-практическая работа, все более детализованная и специализированная, таит в себе, как указано в резолюции ЦК, опасности сужения горизонта, т. е. оппортунистического перерождения, совершенно очевидно, что эти опасности становятся тем более серьезными, чем более партийное руководство заменяется замкнутым секретарским командованием. Мы были бы плохими революционерами, если бы надеялись на то, что со всеми трудностями, и прежде всего с внутренними, нам поможет справиться „революционный характер эпохи“. Надо как следует помочь „эпохе“ правильным осуществлением нового партийного курса, единогласно провозглашенного Политбюро ЦК».

Говоря о роли молодежи, Л. Д. Троцкий писал в «Новом курсе»:

«Совершенно недостаточно, чтобы молодежь повторяла наши формулы. Нужно, чтобы молодежь брала революционные формулы с боем, претворяла их в плоть и кровь, вырабатывала бы себе собственное мнение, собственное лицо и была бы способна бороться за собственное мнение с тем мужеством, которое дается искренней убежденностью и независимостью характера… Пассивное послушание, механическое равнение по начальству,

безличность, прислужничество, карьеризм — из партии вон! Большевик есть не только человек дисциплины — нет, это человек, который, глубоко сверяя, вырабатывает в себе, в каждом данном случае твердое мнение, мужественно и независимо отстаивает его не только в бою против врагов, но и внутри собственной организации. Он сегодня остается в своей организации в меньшинстве. Он подчиняется, потому что это его партия. Но это, разумеется, не всегда значит, что он не прав. Он, может быть, только ранее других увидел или понял новую задачу или необходимость поворота. Он настойчиво поднимает вопрос и второй раз, и третий, и десятый. Этим он оказывает услугу партии, помогая ей встретить во всеоружии новую задачу или совершить необходимый поворот без организационных потрясений и фракционных конвульсий».

Молодежь, воспитанная на таких принципах, которые ей проповедовал Л. Д. Троцкий, разве допустила бы такое перерождение партии, которое произошло в эпоху сталинского правления. Мы, молодые члены партии, пошли тогда за Троцким потому, что он лучше и ярче всех выразил наши идеалы и наши представления о социализме, нашу ненависть к бюрократизму и карьеризму, наше отвращение к прислужничеству, послушанию и равнению на начальство.

Теперь, когда мы прошли через все, что случилось за более чем пятьдесят лет, когда партийная элита разоблачена на XX и XXII съездах партии, когда всем известны имена таких перерожденцев, как Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Маленков, Микоян и другие, — спор об опасности перерождения кадров решен. Правота оппозиции в этом споре теперь уже не может вызывать сомнение.

По поводу критики его положений об опасности аппаратного перерождения Троцкий писал в «Новом курсе»:

«Такие процессы развиваются медленно и почти незаметно, а обнаруживаются сразу. Усматривать в этом предостережении, опирающемся на объективное марксистское предвидение, какое-то „оскорбление“, „покушение“ и прочее можно только при болезненной бюрократической мнительности и аппаратном высокомерии».

Старые большевики из числа руководителей, такие как Сталин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский, Молотов и многие другие страдали этим пороком, были заражены большевистским чванством и кичились своим незапятнанным большевистским прошлым.

Часто можно было прочитать и услышать, что борьба Троцкого за демократические реформы в партии являлась-де не

более чем маневром. Об этом много говорили и писали во время внутрипартийных дискуссий 1923–1924 и 1926–1927 годов, писали и пишут до сих пор официальные историки КПСС. Пишет об этом и Р. А. Медведев. Для доказательства обычно используется позиция, которую занимал Троцкий в период гражданской войны и его предложения насчет «перетряхивания» профсоюзов.

Наряду с этим во всех книгах и учебниках, изданных в сталинские времена, упоминается об ошибках Троцкого по вопросу об организационном строении партии. Известно, что вплоть до Февральской революции Троцкий был противником принципа демократического централизма, который лежал в основе стратегии большевистской партии, и все официальные историки партии, и Р. Медведев ссылаются на упомянуты выше «ошибки» Троцкого, однако не пытаются рассмотреть и проанализировать их.

Ни Ленин, ни Троцкий не придавали демократии самодовлеющего значения, а исходили в этом вопросе из интересов партии и революции. Правы ли они были в этом вопросе, об этом я скажу позже. Здесь я хочу только подчеркнуть, что внутрипартийную демократию Троцкий всегда считал важнейшим фактором революционного развития партии.

В разгар дискуссии 1923 года официальные докладчики ЦК обвинили оппозицию в меньшевистском уклоне. Это полностью соответствовало заявлению Зиновьева, объявившего в своем докладе XII съезду меньшевистской всякую критику ЦК.

На XIII партконференции Е. А. Преображенский сказал, что резолюцией от 5 декабря исчерпываются все требования оппозиции по вопросам внутрипартийной демократии. Сталин тогда подал с места реплику: «После издания этой резолюции почти никаких расхождений с оппозицией не осталось».

Тем не менее на той же XIII конференции большинство ЦК продолжало обвинять оппозицию в меньшевистском уклоне.

Выступавший после Преображенского делегат Врачев говорил: «ЦК установил такой внутрипартийный режим, при котором нельзя даже было быть правильно осведомленным о мнении партии. Тут уже говорилось, товарищи, о тех методах борьбы с оппозицией, которые сейчас вошли в практику и которые, по-моему, трудно сочетать с тем курсом на рабочую демократию, за которую сейчас все так распинаются. Сегодня, когда выступал т. Преображенский и задал вопрос, в чем же разногласия, тов. Сталин ему с места ответил: разногласий у нас почти не осталось.

Сталин (с места): Тогда не оставалось.

Врачев: Так в чем же дело? Нет разногласий, а почему же вы обвиняете оппозицию в уклоне к меньшевизму, к оппортунизму? Почему же вы так травите отдельных, наиболее ярких представителей этой оппозиции?»

Получалось парадоксальное положение. Оппозиция предложила изменить курс партии в сторону усиления рабочей демократии. Большинство ЦК за это обвинило оппозицию в уклоне к меньшевизму. Затем Политбюро пересмотрело свою политику и приняло 5 декабря резолюцию, полностью соответствующую требованиям оппозиции. И тут же, на XIII партконференции ЦК предлагает резолюцию, вновь обвиняющую оппозицию в уклоне к меньшевизму.

Разве все это не доказывает, что резолюция от 5 декабря была только маневром, что большинство ЦК вовсе не хотело примирения, а лишь выискивало поводы, чтобы отдалить представителей оппозиции от руководства. Тогда это было сделано впервые и вызывало недоумение даже у таких опытных товарищей, как Преображенский и Врачев. В последующие годы такой метод борьбы с оппозицией стал системой.

Подводя итоги разногласиям внутри партии в 1923–1924 годах, следует подчеркнуть, что эта борьба имела решающее значение для судеб партии и революции. Сталину удалось тогда, несмотря на предупреждение Ленина, расколоть руководящее ядро партии и натравить одних ее лидеров против других. Вскоре после того, как заболел Ленин, Сталин сумел отстранить от руководства самого своего серьезного противника — Троцкого. Воспользовавшись прошлыми спорами Троцкого с Лениным, Сталин объявил о «рецидивах троцкизма» и ему удалось убедить в этом ряд старых большевиков. Так создалось впечатление единства всей старой гвардии против «атаки» Троцкого на партию. В процессе отражения этой «атаки» Сталин потихоньку заканчивал окончательное сколачивание своего собственного партийного и государственного аппарата.

Теперь-то политика Сталина ясна до прозрачности: одной рукой он создавал условия для раскола партии, другой — систему «чрезвычайных законов» для беспощадного подавления будущих «раскольников»…

При ленинском руководстве тоже не было широкой демократии, но партия и Ленин не скрывали этого. Многие вопросы обсуждались только в среде старых членов партии. Устав партии для избрания в руководящие органы требовал определенного партийного стажа. Такой пункт Устава был принят, чтобы преградить доступ в партийный аппарат людям чуждым, неустойчивым или непроверенным.

И все же при Ленине партия развивалась несравненно более нормально, чем при Сталине. Демократия и централизм тогда были более уравновешены. Сам принцип демократического централизма был приемлем только при честном и идейном руководстве. Нельзя забывать, какой период переживала тогда наша страна, окруженная врагами извне, с разоренной экономикой и мелкобуржуазной стихией внутри. Для первых лет советской власти существовавшая тогда демократия была достаточно развитой и являлась как бы первым шагом к более высокой ступени цивилизации. В рамках внутрипартийной демократии свободно развивалась творческая мысль партийных интеллигентов. Партия критически относилась к своей теории и к своей текущей политике. Она не боялась вскрывать свои недостатки и промахи, открыто говорить о бюрократизме в партийном и государственном аппарате. Профсоюзам предоставлялась свобода защищать интересы рабочих против советских бюрократов, включая право на стачки. Ученые, писатели, деятели литературы и искусства могли свободно общаться с учеными, писателями и другими культурными деятелями капиталистических стран. Было обеспечено печатание переводной научной и художественной литературы.

Предсъездовские партийные дискуссии давали возможность выявить мнение членов партии, помогали выработке правильного политического курса, выявляли способности молодых членов партии и стимулировали рост их политического опыта и сознания. Все это делалось без какой либо попытки узурпировать права партии. После принятия съездом решения вся партия, включая оппозицию, как правило, включалась в работу по проведению принятой съездом линии.

Владимир Ильич никогда не отождествлял свою линию с линией партии, пока она не была принята съездом. Ленин стремился в ходе дискуссии выяснить мнение большинства. Он не стремился подавить здоровую критику ссылкой на то, что-де скажут враги. Ленин всегда брал от оппозиции то здоровое, что могло служить интересам партии и революции и всегда подчеркивал то истинное, что находил в выступлениях оппозиции.

При Сталине центр тяжести был передвинут на аппарат. Самодеятельность партии была сведена к минимуму.

В борьбе против оппозиции у Сталина всегда были скрытые мотивы, которые он не обнаруживал. Это — желание дискредитировать оппозицию и ее вождей с целью проложить себе путь к единоличной власти. Поэтому после съездов не происходило примирения сторон, а, наоборот, борьба принимала

еще более острый характер.

Дискуссии перед съездами, пока они еще были, использовались для выявления инакомыслящих, их учета и исключения из партии (1924 год), преследования и ссылки (1927–1928 годы) и истребления (1936–1938 годы). Сталин завоевывал большинство на съездах и конференциях не идейным путем, то есть не путем подъема активности масс, а посредством тщательной организационной подготовки, путем назначения верных ему лиц — от секретаря ячейки и райкома до секретаря ЦК, а также путем аппаратного подавления масс. Сталин создал и внедрил целую систему организационных мероприятий для проведения на выборах желательных ему лиц. Сталин брал программу оппозиции, а самое оппозицию отправлял в тюрьмы и в ссылку.

При Ленине, как правило, состав оппозиции от съезда к съезду менялся. Вчерашние оппозиционеры на сегодняшнем съезде защищали вместе с Лениным одну и ту же платформу, а место оппозиции занимали те, кто на предыдущем съезде был вместе с Лениным.

Так, во время подготовки Октябрьского восстания против Ленина выступали: Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин, Милютин и др., которые во время Брестских переговоров были на стороне Ленина. И наоборот: Троцкий, Бухарин, Дзержинский, Урицкий, Иоффе, Ярославский, Ломов были в 1917 году вместе с Лениным, а во время Брестских переговоров были против него.

При Сталине партийно-политические деятели, раз оттесненные на положение оппозиции, продолжали оставаться в этом положении до конца своей жизни, которая, как правило, завершалась казнью. Решения съездов пли Сталине предрекались заранее, задолго до начала съезда и выбора делегатов. Поэтому при Ленине съезды были действительно крупными политическими событиями в жизни партии и страны. При Сталине съезды превратились в парадные собрания, единогласно штампующие все, заранее заготовленное сталинским аппаратом, прославляющие гениального вождя, а попутно и местных кумиров, но, конечно, в первую очередь — главное божество.

Атмосфера съездов партии, начиная с XVII-го, отражена в нельзя сказать чтобы даровитом, но натуралистически точном произведении неизвестного самодеятельного поэта:

Открылся семнадцатый съезд.
Шестьсот делегатов, шестьсот мест.
Делегаты встали — да здравствует Сталин!
Аплодисментов дождь — да здравствует вождь!

Делегаты сели, потом опять встали:
Да здравствует Сталин!
Аплодисментов дождь!
Да здравствует вождь!

Признавая на словах важность и необходимость внутрипартийной демократии, разрабатывая вместе с Троцким и Каменевым резолюцию Политбюро от 5 декабря 1923 года по внутрипартийному строительству, Сталин на деле думал не о том, как осуществить эту резолюцию, а о том, как сорвать это выполнение — и при этом всю вину за срыв возложить на оппозицию.

Борясь идейно против большинства ЦК, Троцкий и его сторонники не учитывали такой личной особенности Сталина, как его безудержное стремление к единоличной власти. Троцкий и его единомышленники знали о недостатках Сталина, но они и представить себе не могли, что во имя обладания единоличной властью он готов отбросить любые идейные соображения, что для него интересы партии и революции являются второстепенными и третьестепенными. Поняли это все бывшие вожди партии слишком поздно, когда он в борьбе против партии стал опираться на органы госбезопасности. Если бы все вожди в 1922–1923 гг. могли предвидеть стратегический план Сталина, они легко удалили бы его с поста генерального секретаря Центрального Комитета партии. Но в том-то и дело, что все они вели борьбу открыто, в то время как Сталин маскировался, объявляя себя продолжателем дела Ленина, а на деле вел тайную борьбу за личную власть.

Сторонники оппозиции даже после того, как начались аресты, верили в возможность устранить Сталина партийным путем. Они до конца своей жизни продолжали считать себя частью партии, временно устраненной из ее рядов. Отсюда их настойчивое стремление возвратиться в партию, отсюда их осторожность при выборе методов борьбы.

Все официальные цифры численности сторонников оппозиции явно преуменьшены. Сталин, Зиновьев и Каменев прекрасно понимали, что фактическое влияние оппозиции далеко выходит за рамки официальной статистики и что, если оппозицию вовремя не придушить, ее влияние может стать опасным для их руководящей роли в партии.

Поэтому на XIII партконференции были приняты такие решения, которые должны были парализовать влияние оппозиции и припугнуть тех, кто вздумает примкнуть к ней. Среди таких мер

были чистка вузовских и военных ячеек и ленинский призыв в партию 1924 года. ЦКК на своем пленуме 12–13 января 1924 года рассмотрела вопрос об опасности оппозиционной деятельности в армии. «Пленум ЦКК считает, — сказано в резолюции — особенно опасной работу оппозиции в Красной Армии, так как эта работа создает враждебное настроение у части военных коммунистов против руководящего органа партии — ЦК. Пленум ЦКК считает опасным такие шаги, как попытка ПУРа организовать совещание партработников армии без ведома ЦК, как рассылка ПУРом циркуляра от 24.XII.1923 г. о применении принципов внутрипартийной демократии в Красной Армии не только без согласия ЦК, но и вопреки предложению секретаря ЦК тов. Молотова о необходимости предварительного согласования его с ЦК».

Это решение ЦКК находилось в противоречии с принципами и нормами партийной жизни. Оппозиция являлась частью партии, и нелепа поэтому была самая постановка вопроса о том, что оппозиция создает враждебное настроение у части военных против ЦК. Из такой постановки вопроса следует, что парторганизации в армии должны быть всегда на стороне большинства ЦК.

Во главе ПУРа в те годы стоял сторонник Троцкого Антонов-Овсеенко, который был снят со своего поста постановлением Оргбюро ЦК, утвержденным пленумом ЦК. Сталина и его окружение особенно возмутила резолюция ячейки РКП(б) штаба ЧОН (части особого назначения) и управления военных сообщений Московского военного округа, в которой говорилось:

«Ячейка полагает, что назначенная в середине января Всероссийская партийная конференция, которая будет состоять, главным образом, из партработников, активно проводивших антидемократическую политику внутри партии, не может считаться вполне компетентной в разрешении вопросов осуществления принципов рабочей демократии». (Сборник «Оппозиция 1923 года», стр.36).

Опасаясь влияния оппозиции в армии, сталинская группировка приняла меры. В частности, были исключены из партии военные, выступавшие против большинства ЦК во время дискуссии 1923 года.

По поводу влияния оппозиции в вузовских ячейках в «Правде» 12 декабря 1923 года была напечатана статья Ходоровского. Излагая свои «впечатления», он приводил примеры и тогда казавшиеся из ряду вон выходящими, а уж сегодня вряд ли кто поверит, чтобы рядовой партиец мог так разговаривать на собрании. Так он цитировал речь студента Мартынова, который о

тезисах ЦК отозвался так: «Какая цена этим тезисам? Они для заграницы и для наших мещан…», «ЦК загнал партию в подполье и держит ее там два года», «ЦК узурпировал мнение партии», «Наше дело постановлять, а дело ЦК выполнять» (там же, стр. 40).

Е. Ярославский в своем выступлении на XIII партконференции так говорил о влиянии оппозиции в вузовских ячейках: «Ячейки вузов в большинстве своем голосовали за линию оппозиции. Оппозиция смогла это сделать только пользуясь самыми демагогическими средствами против ЦК, только потому, что не могла вооружить наших товарищей документами, которые они распространяли на собраниях, как письмо тов. Троцкого, письмо 46-ти и т. д.».

На самом деле чистейшей демагогией было утверждение Ярославского. Коротенькое заявление 46-ти никогда не было напечатано в газетах, зато тенденциозная критика этого заявления печаталась массовыми тиражами в газетах и журналах. То же и в отношении письма Л. Д. Троцкого.

Оппозиция действительно завоевала большинство в студенческих ячейках. Потому что в вузах обучалась тогда самая идейная и активная часть партии, прошедшая школу гражданской войны. Это были люди, занимавшие командные и политические должности в Красной армии, и они скорее и лучше других членов партии поняли ошибочный и антидемократический курс большинства ЦК партии.

Проверка историей показала, что истинным барометром партии была оппозиция. Она своевременно предупредила партию об опасностях: об опасности аппаратного разложения и узурпации аппаратом прав партии, об опасности создания в стране бюрократического режима, перерождения руководящих кадров, развития среди членов партии карьеризма, подхалимства, прислужничества и послушания.

Почему большинство партии голосовало за линию Центрального Комитета?

Среди оппозиционной молодежи было распространено убеждение, что Сталин просто подкупил большинство аппаратчиков выгодными должностями.

Л. Д. Троцкий разъяснял своим сторонникам, что такая точка зрения ошибочна и может привести оппозицию к неправильной тактике по отношению к членам партии, работающим в аппарате.

Оппозиция не сумела пробиться сквозь заградительную стену запретов к широким массам членов партии, особенно в провинции. Сталину поэтому удалось посеять в массах и в части аппарата сомнение в идейности оппозиции. Односторонней пропагандой ЦК убедил массы членов партии в том, что Троцкий

как старый меньшевик стремится, в связи с отходом Ленина от руководства, захватить власть в свои руки и оттолкнуть от руководства старых большевиков — ближайших друзей и соратников Ленина.

Л. Д. Троцкий писал, что большое влияние на результаты голосования в партии сыграла усталость масс от постоянной борьбы, в том числе и борьбы за мировую революцию.

Вскоре после окончания дискуссии 1923 года вышел один из томов собрания сочинений Л. Д. Троцкого, куда включались материалы и труды, относившиеся к 1905 году, с большим предисловием автора, озаглавленным «Уроки Октября». В этом предисловии автор критиковал позицию, занятую Каменевым и Зиновьевым в октябрьские дни 1917 года.

Эта статья послужила основанием для исключительно острой и односторонней борьбы против Л. Д. Троцкого.

«Сплошной стеной, — писал Троцкий в 1931 г. — поднялась против „перманентной революции“ растущая и крепнущая советская бюрократия. Она-то и обеспечила впоследствии перевес Сталина над Зиновьевым и Каменевым». И не только над ними, но и над всей партией, добавлю я. Вспоминая в 1929 году историю этой дискуссии, Л. Д. Троцкий писал в «Бюллетене» № 9 от февраля-марта 1929 г. в статье «К вопросу о происхождении легенды о „троцкизме“»:

«1. Когда разразилась так называемая „литературная дискуссия“ (1924 г.), некоторые из ближайших к нашей группе товарищей высказывались, что опубликование мною „Уроков Октября“ было тактической ошибкой, так как дало возможность тогдашнему большинству развязать „литературную дискуссию“. Я со своей стороны утверждал, что „литературная дискуссии“ все равно развернулась бы, независимо от того или другого повода. Суть „литературной дискуссии“ состояла в том, чтобы выдернуть из всей прошлой истории партии как можно больше фактов и цитат против меня и — с нарушением перспектив и исторической правды — преподнести все это неосведомленной партийной массе. К моим „Урокам Октября“ „литературная дискуссия“ никакого отношения по существу не имела. Любая из моих книг или речей могла послужить формальным поводом для того, чтобы обрушить на партию лавину травли против „троцкизма“. Таковы были мои возражения тем товарищам, которые склонны были считать политической оплошностью опубликование „Уроков Октября“.

После того, как наш блок с ленинградской группой сложился, я на одном из совещаний задал Зиновьеву, в присутствии ряда товарищей, примерно следующий вопрос:

— Скажите, пожалуйста, если б я не опубликовал „Уроков Октября“, имела бы место так называемая „литературная дискуссия“ против „троцкизма“ или нет?

Зиновьев без колебаний ответил:

— Разумеется. „Уроки Октября“ только предлог. Без этого повода дискуссия была бы другой, формы дискуссии несколько другие, но и только…

— Ведь надо же понять то, что было, — говорил Зиновьев. — А была борьба за власть. Все искусство состояло в том, чтобы связать старые разногласия с новыми вопросами. Для этого был выдвинут „троцкизм“».

На нас, участников группы 1923 года, эта беседа произвела большое впечатление, несмотря на то, что механика борьбы против «троцкизма» была нам ясна и раньше.

«Так как теперь (речь идет о 1929 годе) Каменев и Зиновьев снова пытаются проявить то же „искусство“, то есть связать старые разногласия с весьма свежим вопросом об их капитуляции, то я прошу вас, — обратился Троцкий с письмом к Е. Преображенскому, Г. Пятакову, К. Радеку, Х. Раковскому и другим, — вспомнить, принимали ли Вы участие в одной из указанных выше бесед и что именно вы помните? С комм. приветом. Л. Троцкий».

В том же «Бюллетене» № 9 были помещены ответы Е. Преображенского, Г. Пятакова, К. Радека, Х. Раковского, В. Эльцина, в которых они, каждый как запомнил, подтверждали самый факт такого разговора между Троцким и Зиновьевым во время одного из заседаний оппозиционного центра. Затем Троцкий заключал:

«Таковы свидетельские показания, которые я успел получить в Москве. Они только иллюстрируют то, что более осведомленным товарищам ясно было и без этого. Они достаточно ярко освещают малопривлекательную идеологическую чехарду в вопросе о троцкизме. С 1917 по 1923 год о троцкизме не было и речи. На этот период помимо всего прочего падает Октябрьский переворот, гражданская война, строительство советского государства и Красной Армии, выработка партийной программы, образование Коминтерна, формирование его кадров, составление его основного документа, в том числе программных тезисов и Манифеста Коминтерна. В 1923 году, после отхода Ленина от работы, вспыхивают в основном ядре ЦК серьезные разногласия, которые в течение дальнейших четырех лет развертываются в две непримиримые линии. В 1924 году призрак троцкизма — после тщательной закулисной подготовки — выпускается на сцену. Вдохновителями

кампании являются Зиновьев и Каменев. Они стоят во главе — по-тогдашнему — „старой большевистской гвардии“. По другую сторону „троцкизм“…» И далее:

«После того, как были написаны эти строки, прошло более 2-х лет. Главные свидетели по делу о фальсификации… Пятаков и Радек не предвидели, что им самим понадобится через несколько месяцев вступить на оный путь… На борьбе с троцкизмом Сталин стал „теоретиком“, а Молотов — вождем. Зиновьев и Каменев шли со Сталиным, порвали с ним, вернулись к нему…

Революция — суровая школа. Она не жалеет позвоночников, ни физических, ни моральных. Целое поколение вышло в тираж, истрепалось нервно, израсходовалось духовно. Сохранились немногие. Опустошенные составляют огромный процент на вершинах сталинской бюрократии. Аппаратные скрепы придают им внушительный вид, как парадная форма генералу-рамолитику».

Мы привели большую выдержку из статьи Троцкого, чтобы документировать историю партии, один из наиболее фальсифицированных фактов.

Из цитированной статьи Л. Д. Троцкого вытекают три следующих важнейших вывода:

Во-первых: руководящая головка оболванивала партию и рабочий класс, чтобы привлечь их на свою сторону;

во-вторых: «искусство», о котором говорил Зиновьев, было не более как искусством лжи, потоки которой, кстати, направлялись не против политических врагов, а против своих единомышленников, и только для того, чтобы отодвинуть их от власти и захватить ее в свои руки. Такая политика, по мере ее внедрения, должна была привести к разложению всей системы власти;

и, наконец, в-третьих: Сталин победил потому, что он наилучшим образом владел этим методом, Троцкий же потерпел поражение, потому что такие методы борьбы были для него неприемлемы.

8. Завещание Ленина

В процессе дискуссии оппозиция распространяла среди членов партии письма Ленина к XII съезду, которые вошли в историю как завещание Ленина, скрытое большинством ЦК от партии. В этих письмах Владимир Ильич предлагал убрать Сталина с поста генерального секретаря ЦК:

«Сталин слишком груб, — писал Ленин, — и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от товарища Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною о взаимоотношениях Сталина и Троцкого это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Ленин предлагал убрать Сталина, потому что его взаимоотношения с Троцким и его грубость могут привести к расколу партии.

Следовательно, Владимир Ильич исходил из необходимости сохранить Троцкого в руководстве партии ценою удаления Сталина с поста генсека, ибо сохранив этот пост, Сталин, как по-видимому предполагал В. И. Ленин, будет иметь возможность бороться за удаление Троцкого из Политбюро. Мысль Ленина состояла в том, чтобы предупредить раскол на личной почве. Между тем, все так называемые историки не пытаются анализировать, как сложились личные отношения между Сталиным и Троцким.

Исходя из концепции Сталина, изложенной им в «Кратком курсе», все официальные историки утверждают, что вожди партии, кроме самого Сталина, свернули с ленинского пути и стали врагами партии. Они даже не пытаются хотя бы задаться вопросом: почему же все члены Политбюро, ближайшие соратники Ленина, стали врагами народа — и только один Сталин остался до конца верным Ленину?

На XIV съезде партии Г. И. Петровский и К. Е. Ворошилов говорили, что в 1923 году «сначала были личные расхождения, а дальше началась уже несогласованная работа, а потом искание позиций, которые можно было бы подвести под эти расхождения».

Они, однако, не говорили, что Сталин всячески старался придать остроту этим личным расхождениям. Так, XIII партконференция приняла резолюцию «о мелкобуржуазном уклоне» оппозиции. Если, как говорили Петровский и Ворошилов, расхождения были несущественны, то почему члены ЦК допустили, чтобы было записано такое тяжелое обвинение в адрес оппозиции?

Для осуществления коллективного руководства Владимир Ильич предлагал провести мероприятия, не допускающие дискредитацию вождями партии друг друга, сдерживающие столкновения вождей, не допускающие обострения личной борьбы между ними. Для этого-то и предлагал он убрать Сталина с поста генсека и увеличить состав ЦК до 50-100 человек за счет рабочих от станка, которые не допустят обострения личной борьбы между вождями партии.

Следует заметить, что комплекс мероприятий, намеченных Лениным, был, конечно, недостаточен для обеспечения коллективного руководства. Нужно было сделать решительный поворот от централизации к рабочей демократии. Возможности для этого были. Гражданская война закончилась, страна перешла к мирному строительству, на предприятия возвращались старые пролетарские кадры.

Между тем Ленин в своем завещании продолжал говорить лишь о таких паллиативных мерах, как расширение состава ЦК, коллективное руководство Политбюро и т. д. Владимир Ильич говорил об опасности для судеб революции конфликтов в узком коллективе вождей партии, но у него не возникла мысль о том, не слишком ли узок коллектив, которому дано право решать коренные вопросы революции?

Обстановка требовала реформы советской централизованной системы, сконструированной для потребностей гражданской войны, требовала более решительного расширения демократии, ограничения прав ЦК, разграничения функций партийной и государственной власти, привлечения широких масс трудящихся к управлению страной. То есть, надо было сделать то, что не успели сделать большевики в 1917 году, так как возникла гражданская война. Только на базе подлинной демократии партия сумела бы преградить путь к власти любому диктатору. Но Ленин обошел эту проблему и сосредоточил внимание лишь на обеспечении коллективного руководства в рамках Политбюро.

Однако и это показалось Сталину, Зиновьеву и Каменеву чрезмерно демократичным. Зиновьев и Каменев виновны перед историей в том, что в личных интересах отстояли сохранение Сталина на посту генерального секретаря вопреки предложению Ленина. И они же виноваты в том, что не только не убрали

Сталина, но и поручили ему сделать на XII съезде партии два самых важных доклада по организационному и национальному вопросу. Два доклада, которые собирался делать сам Ленин, намереваясь предложить съезду выводы прямо противоположные тем, которые сделал Сталин!

Ленин предлагал увеличить состав ЦК до 50-100 человек за счет рабочих. Сталин провел на съезде увеличение состава ЦК с 27 до 40 человек — и не за счет рабочих, а за счет секретарей губкомов. При этом он подчеркивал, что «губкомы это основная опора нашей партии, и без них, без губкомов, без их руководства как партийной, так и советской работой партия осталась бы без ног».

Сталин открыто предлагал ставку на аппарат. Вот как он представлял себе организацию руководящих органов партии, рекомендованную им и утвержденную XII съездом при поддержке Зиновьева, Каменева, Рыкова, Бухарина и Томского:

«Я говорил о том, что необходимо пополнить ЦК товарищами независимыми… Нам нужны независимые люди в ЦК, но независимые не от ленинизма, — нет, товарищи, упаси бог, независимые, свободные не от нашей партийной линии, — нет, товарищи, упаси бог. Нам нужны независимые люди, свободные от личных влияний, от тех навыков и традиций внутри ЦК, которые у нас иногда создают внутри ЦК тревогу. В ходе работы внутри ЦК за последние 6 лет сложились некоторые навыки и некоторые традиции внутрицекистской борьбы, создающие иногда атмосферу не совсем хорошую. Я наблюдал эту атмосферу на одном из последних пленумов ЦК в феврале. И тут-то заметил, что вмешательство людей с мест часто решает все. Нам нужны независимые от этих традиций и от этих личных влияний люди, для того чтобы они, войдя в ЦК и принеся туда опыт положительной работы и связи с массами, послужили тем цементом, который бы мог скрепить ЦК, как единый и нераздельный коллектив, руководящий нашей партией. Такие независимые товарищи, свободные от старых традиций, выкованных внутри ЦК, нам нужны именно как люди, вносящие новый, освежающий элемент, скрепляющий ЦК и предупреждающий все и всякие возможности раскола внутри ЦК». (XII съезд РКП(б), стен. отчет, изд. 1963 г. стр.231, (подчеркнуто нами).

Сталин изложил свою программу предупреждения раскола, противопоставив ее ленинскому плану, ленинским традициям и навыкам работы, и направил ее против подобранных Лениным руководящих кадров ЦК.

Меня удивляет, что так открыто изложенная им программа

борьбы против тогдашнего состава Политбюро не вызвала отпора ни со стороны вождей, против которых она была направлена, ни со стороны других членов ЦК, среди которых было много опытных политиков. Ведь Сталин совершенно недвусмысленно сказал, что нужны независимые люди, «свободные от личных влияний, от тех навыков и традиций внутри ЦК, которые у нас сложились». Какие это навыки и традиции, которые сложились в ЦК «за последние 6 лет», т. е. за все время руководства ЦК Лениным? Здесь речь идет о свободном обсуждении вопросов членами ЦК, о дискуссиях — иногда жарких, иногда прямо направленных против Ленина.

Владимир Ильич в своем плане предполагал свободное обсуждение политических вопросов внутри ЦК и Политбюро, что соответствовало ленинским традициям руководства. Сталину не нравилась эта «атмосфера». Он хотел создать такую обстановку, при которой «вмешательство людей с мест», т. е. секретарей губкомов, будет пресекать излишние споры. Он так и поступил. Он отбросил «гнилую» ленинскую традицию и на место ее ввел единоличную диктатуру, при которой все члены Политбюро были не более чем его консультантами, а все члены ЦК, т. е. представители с мест — не более чем машиной для голосования.

В своем завещании Ленин исходил из того, что во главе ЦК еще длительное время будут стоять работавшие с ним вожди партии, которые под его руководством провели корабль революции через все бури и рифы.

Сталин выдвинул идею замены «уставших жрецов» другими деятелями из числа преданных ему людей, которые признавали бы его единственным вождем партии и стали бы в его руках тем «цементом, который… скрепил ЦК, как единый и нераздельный коллектив.»

В 46 томе собрания сочинений Ленина, где помещены его письма к съезду, т. е. так называемое «Завещание», редакция ИМЛ дала примечание № 216 (стр.599), в котором утверждается, что доклад Сталина о реорганизации центральных учреждений партии, сделанный им на XII съезде, полностью соответствовал-де указаниям Ленина. Как видно из только что приведенных выше цитат, это утверждение полностью противоречит фактам.

В том же примечании говорится, что против ленинского плана укрепления центральных учреждений партии выступил на февральском пленуме ЦК Л. Д. Троцкий. Это неправда.: Троцкий, действительно, выступил на февральском пленуме, но не против ленинского плана, а в защиту его против плана Сталина. К сожалению, на самом XII съезде Троцкий по организационному вопросу не выступил и тем помог Сталину осуществить его

далеко идущие замыслы.

…О завещании Ленина и обо всем, что было связано с письмами съезду, я узнал еще в 1923 году от Тер-Ваганяна и других деятелей оппозиции. С тех пор прошло более полвека — и, вспоминая прошлое, я все время возвращаюсь мысленно к этому историческому событию: к завещанию Ленина и его сокрытию от партии. И все больше размышляю над тем, достаточно ли определенно, достаточно ли убедительно было сформулировано в 1922 году требование Владимира Ильича удалить Сталина с поста генсека?

Сейчас, после всего, что было, и после всестороннего изучения обстановки того времени, я думаю, что и по форме, и по существу предложение Ленина было недостаточным.

Конечно, В. И. Ленин не знал, да, пожалуй, и не мог знать тогда истинного лица Сталина. Не знали его и другие члены Политбюро, не подозревавшие о его тайных намерениях, которые он проявлял не сразу, а постепенно, и которые до конца не вскрыты и до сих пор. Но и то, что знал Ленин о Сталине, давало ему основания высказаться более определенно. Та же оценка Сталина, которая содержится в ленинском завещании, не только не оказала благотворного воздействия, на которое рассчитывал Ленин, но, наоборот, помогла Сталину и его приближенным доказывать выдающуюся роль Сталина в партии, — роль, которой он при жизни Ленина никогда не играл. Уже одно то, что Владимир Ильич говорил о нем и о Троцком, как о «двух выдающихся вождях современного ЦК», помогло Сталину добиться признания своей значительности, чего он все время добивался. Да и то, что Ленин, предлагая отстранить Сталина и назначить на его место другого человека, формулирует требования к этому «другому человеку» таким образом («который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только (подч. нами) одним перевесом…»), создавало впечатление будто Сталин во всех других отношениях был идейным человеком и выдающимся вождем.

Думал ли так Ленин или осторожность и недосказанность его формулировок вызваны какими-то другими соображениями, мы не знаем. Троцкий в своей книге «Моя жизнь» пишет, что Ленин сам неоднократно сталкивался с ограниченностью и малой цивилизованностью Сталина и отнюдь не был о нем такого мнения, какое вытекало из его писем к съезду. Однако совершенно ясно, что к тому времени, когда со скрытыми от широких слоев партии письмами Ленина ознакомилась уже подчиненная Сталину верхушка партаппарата, отклонить предложение Владимира Ильича ей было уже сравнительно

просто под предлогом отсутствия другой такой «во всех отношениях» подходящей «крупной личности».

Если бы завещание Ленина было выполнено Центральным Комитетом, если бы Сталин был заменен человеком, который не стремился бы к захвату власти и не разжигал, а, наоборот, сглаживал разногласия среди вождей партии, опираясь на большинство ЦК, состоящее из передовых рабочих, — партия развивалась бы нормально.

Владимир Ильич писал свое завещание, не считая его, разумеется, панацеей от всех бед и злоключений, которые ожидают революцию в нашей стране. И завещанием его следует считать не только «письма к съезду», но и все последние статьи и письма, написанные и продиктованные им во время болезни. В последние месяцы жизни мысль Ленина неустанно работала над тем, как, каким путем идти партии и стране. Предусмотреть наперед все шаги, которые следовало сделать на путях социалистического строительства, было немыслимо даже для такого выдающегося человека, как Ленин. Все свои предложения он высказывал как свои мысли, раздумья, видя в них только общее направление, по которому должны продолжать поиски его единомышленники.

Думаю, что если бы сам Ленин продолжал руководить строительством социалистического государства и убедился, что монопольное положение партии может привести ее к бюрократическому перерождению, он нашел бы в себе мужество допустить в стране существование нескольких социалистических партий. На такой позиции он стоял и в период подготовки Октябрьской революции, и сразу после ее осуществления (о чем можно прочитать в томе 35 собрания сочинений (5 издание).

9. Последствия дискуссии 1923 года

На XIII партконференции подводились итоги дискуссии 1923 года. Было принято решение провести партийную чистку в военных и вузовских ячейках, то есть как раз там, где во время дискуссии большинство голосовало за оппозицию.

Такая чистка происходила, конечно, и в ячейке нашего института, и в процессе ее были исключены из партии все активно выступавшие за оппозицию, в том числе и я. Формулировка у всех была одинаковая: «как идеологически неустойчивые». Районная и Московская контрольные комиссии исключение в большинстве случаев подтвердили. Мы обжаловали это решение в партколлегию ЦКК, которая отменила решение предыдущих инстанций и всех нас в партии восстановила.

Партколлегия ЦКК состояла тогда из трех человек под председательством старого большевика Сольца. Она не просто формально отменила решение предыдущих инстанций. Сольц долго и обстоятельно беседовал с каждым из нас. Он разъяснял нам, оппозиционерам, почему нас исключили из партии, говорил о том, какую роль в жизни старых большевиков играет партия, какими гигантскими трудами и жертвами ее удалось создать, какую роль сыграла партия в подготовке Октябрьской революции, в гражданской войне и т. д.

— И вот теперь, — говорил он, — приходите вы, молодые члены партии, не проникнутые глубокой верой в ее идеалы, не воспринявшие ее традиции, и легкомысленно разлагаете ее, с легкостью идете на подрыв единства ее рядов, на раскол партии. Нужно было ударить вас по головам, чтобы довести до вашего сознания недооценку драгоценности партии…

Он говорил об этом так искренно и горячо, а мы были так молоды и зелены, что поверили ему. Он убеждал нас, что дорожа партией нельзя трепать ее, как это делали мы во время дискуссии 1923 года. Он говорил о партийной дисциплине как о первостепенном факторе — в отрыве от партийной линии…

Конечно, восстановили нас в партии не сразу после беседы с Сольцем. Решение должна была вынести партколлегия ЦКК, которая рассматривала и все документы о нашей предыдущей деятельности, характеристики, данные нам рядом коммунистов. Так, исключенного из партии Илюхова характеризовал старый большевик Губельман (брат Ярославского), который работал на Дальнем Востоке и отлично отозвался о подпольной работе Илюхова. Мне тоже дали письменные характеристики бывшие владивостокские подпольщики Н. Горихин и Дмитриев, а бывший

член подпольного бюро Александр Слинкин пришел на заседание партколлегии ЦКК, чтобы лично рассказать о моей нелегальной работе во Владивостоке.

Заседание партколлегии кончилось поздно. Мы все, конечно, ждали, не расходились. Наконец, вышел Сольц и сообщил нам, что все мы восстановлены в партии. Вместе с Сольцем мы вышли из здания ЦКК на Старой площади и пошли провожать его домой. Всю дорогу он продолжал убеждать нас. Насколько я понимаю сейчас, он сам тогда не понимал, куда ведет партию Сталин. Человек он был, видимо, честный, преданный партии, но, кажется, весьма ограниченный.

10. Продолжение учебы

Борьба закончилась. Постепенно все стало входить в нормальное русло, и на первый план выдвинулась учеба.

Учились мы, пожалуй, с не меньшей страстью, чем вели внутрипартийную борьбу, и теперь, когда она закончилась, все свободное время посвящали занятиям. Ну, конечно, время от времени ходили в театры, в музеи (театральные билеты, конечно, на галерку, мы, студенты, тогда получали бесплатно, как и билеты в баню и трамвайные).

Отдельная комната давала мне возможность с наибольшим эффектом использовать время. Посещение лекций тогда не было обязательным, и на лекции я, как правило, ходил только тогда, когда их читали Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский и т. п. Но в институте бывал ежедневно: во-первых, аккуратно посещал семинары и, конечно, партсобрания, а, во-вторых, обедал в студенческой столовой и попутно заходил просмотреть объявления, вывешенные на досках в колонном зале и в Исполбюро профсоюзов.

Работал же я преимущественно дома или в библиотеке, изучая политэкономию и философию: труды Маркса и его предшественников, Плеханова, Каутского и других. Часто я и мои товарищи занимались в библиотеке Комакадемии, куда у нас были входные билеты и где мы могли получить для занятий любые книги в любом количестве.

Конечно, по темам, по которым шли занятия, между студентами завязывались горячие споры. Шли они и в институте на семинарах, и дома, в моей комнате, и в курилке библиотеки.

В тот же, что и мы, зал библиотеки Комакадемии приходили читать Бухарин и его ученики: Слепков, Стецкий, Марецкий, Карев. Бухарин, как и мы, спускался покурить в подвал. Помню, как однажды, разгоряченные спором о форме и содержании, мы обратились к курившему в сторонке Николаю Ивановичу за разрешением разногласий. Вероятно, спор наш велся не на очень высоком философском уровне, потому что Бухарин, улыбнувшись, упрекнул нас, что мы ударились в схоластику и спорим о том, «сколько ангелов может уместиться на острие иголки». Мы были разочарованы и продолжали спорить с тем же пылом. Кто из молодых не страдал такой болезнью!

…Первый курс мы с Илюховым закончили успешно, и Исполбюро премировало нас путевками в санаторий, в Алушту. М. Титов тоже получил путевку в этот же санаторий, и мы втроем двинулись в Крым. Мы отлично отдохнули, загорели, объездили

весь Крым — были в Алупке, Симеизе, Ялте, Балаклаве, Феодосии, Севастополе — в общем, на всем побережье.

Возвращался я домой в отличном настроении — и с двумя корзинами золотых крымских груш Дюшес, купленных на севастопольском рынке. Правда, в ценности моего приобретения меня незамедлительно разочаровали. В подъезде моего дома, у лифта, я встретил двух девушек, одну из которых я немного знал. Когда они полюбопытствовали, что у меня в корзинах, и я предложил угостить их отличными крымскими грушами, они, смеясь ответили:

— С удовольствием. Только зачем везти их из Крыма? В Москве на Болотном рынке они, наверняка, дешевле…

Так оно и было. Но зато мое знакомство с девушками — вернее, с одной ив них — оказалось более чем продолжительным.

Эту девушку, Розу, я, как уже говорилось, немного знал и раньше. Она жила этажом ниже, училась на вокальном отделении музыкального техникума и ежедневно приходила в нашу квартиру к моим соседям, у которых был рояль, чтобы упражняться. Приходила она утром, когда в квартире никого, кроме меня, не было, и, открывая ей двери, я не был слишком приветлив: ее вокализы мешали нам заниматься.

— Я думала, что когда-нибудь он прихлопнет меня толстой книгой, смеясь говорила впоследствии Роза.

А мы, прислушиваясь к ее чудесному контральто, иногда, действительно, бросали занятия…

В квартиру мы вошли вместе. Оказалось, что одну из комнат нашей квартиры за время моего отсутствия предоставили Розе и ее сестре. Мы познакомились ближе. А в 1925 году Роза стала моей женой.

11. На практике в ВСНХ

В конце 1924 года меня, Илюхова и ряд других студентов нашего института вызвали в райком. Здесь мы прошли комиссию, созданную для отбора кандидатов для прохождения специальной практики в ВСНХ.

Незадолго до этого ВСНХ возглавил Ф. Э. Дзержинский, совместивший эту работу с руководством ОГПУ. Феликс Эдмундович обратил внимание на то, что во главе всех важнейших управлений и отделов ВСНХ стояли люди, чуждые советской власти — бывшие кадеты, меньшевики или эсеры. Он обратился в ЦК с просьбой отобрать из нескольких институтов — нашего, Горной академии и МВТУ — 15–20 студентов-коммунистов, прошедших школу гражданской войны или партийной работы и проявивших на учебе способности к самостоятельной деятельности. Из направленных институтами студентов отбор производили сначала райкомы, затем МК, затем — орграспред ЦК. Из нашего института отобрано было из 50 кандидатов 8 человек. В их число попали и мы с Илюховым. Из Горной академии запомнил двоих — Шмидта и Штыкгольда — бывших командиров дивизий в гражданскую войну. Всего ЦК направил в управление кадров ВСНХ человек 15–18.

В назначенное время нас принял Дзержинский. Характерная для тогдашнего стиля деталь: когда в кабинет вошел немного опоздавший к началу беседы студент, Феликс Эдмундович прервал свою речь, попросил секретаря принести стул для опоздавшего и только после этого продолжил разговор.

В беседе участвовали два заместителя председателя ВСНХ — Г. Л. Пятаков и Э. Квиринг.

Говорил нам Феликс Эдмундович примерно следующее:

— ВСНХ ощущает острый недостаток в теоретически грамотных специалистах, которые были бы политически надежны. Мы хотим, чтобы вы стали такими специалистами, которые в ближайшие годы смогли бы возглавить важнейшие отделы ВСНХ. Для этого мы и отобрали вас в институтах, и каждого направим в один из отделов ВСНХ, где вы будете в течение всего срока вашего обучения проходить практику и готовиться к будущей работе. Работать в аппарате ВСНХ вы будете два раза в неделю, будете посещать все заседания президиума, особого совещания по воспроизводству основного капитала (его возглавляет товарищ Пятаков) и особого совещания по качеству продукции (возглавляет товарищ Троцкий). Мы будем поручать вам выполнение серьезных заданий и присматриваться к вам. Задания

будете получать лично от моего заместителя Г. Л. Пятакова и выполнять их в установленные им сроки. Он будет консультировать вас, проверять и оценивать вашу работу. ВСНХ будет выплачивать вам по 75 рублей в месяц, с оставлением за вами стипендий, которые вы получаете.

Затем нас распределили по отделам ВСНХ. Меня направили в отдел черной металлургии Планово-экономического управления, начальником которого был Гинзбург. Отдел черной металлургии возглавлял Сабсович.

Первое задание, которое поручил мне выполнить Пятаков, было: сделать анализ выполнения плана за 1923/24 год трестом «Югосталь», объединявшим тогда все металлургические заводы Украины. Пятаков вкратце объяснил мне, что я должен сделать, дал в качестве образца анализ по тому же тресту выполнения плана за 1922/23 год и срок для выполнения задания определил в три месяца. Работать я должен был в свободное от заседаний время. Затем он вызвал моего начальника Сабсовича и обязал его обеспечить меня материалами треста «Югосталь» и по мере надобности разрешать печатание моих материалов в машинописном бюро. За время работы над заданием я должен был также научиться пользоваться арифмометром и счетной линейкой.

В положенные для посещения ВСНХ два дня в неделю, в те часы, когда не было заседаний, я делал необходимые выписки из отчетов заводов и треста «Югосталь». Обрабатывал я материалы дома, а затем показывал Сабсовичу. Под его руководством я в назначенный срок сделал порученную мне работу и после того, как черновики были несколько раз переписаны, сдал ее Г. Л. Пятакову.

Пятаков ознакомился со сделанным мной анализом, вызвал меня к себе, указал на несколько небольших упущений, но в целом дал моей работе положительную оценку. Конечно, это было приятно. Г. Л. Пятаков был одним из крупнейших советских экономистов, и мнение его было решающим для всего аппарата ВСНХ, в том числе и для Ф. Э. Дзержинского. Присутствуя на всех, происходивших на самом высоком уровне, заседаниях и совещаниях в ВСНХ, мы заметили, что докладчики больше трепетали перед Пятаковым, чем перед Дзержинским: Пятаков и лучше знал вопросы, связанные с управлением индустрией, и был более требователен.

На заседаниях президиума и особых совещаний ВСНХ очень строго относились к времени. В повестку дня обычно включалось до 10–12 вопросов. Диаграммы и карты, необходимые для иллюстрирования докладов, развешивались на специальных

стендах заранее, до начала заседания. Пока вызванный докладчик шел к трибуне, Г. Л. Пятаков согласовывал с ним необходимое ему для доклада время. Докладчик просил обычно 30 минут, Пятаков давал обычно не больше 15-ти. Но бывало, что сокращал и это время, а бывало — значительно продлевал его.

Вспоминаю такой случай. Обсуждался вопрос о состоянии и развитии химической промышленности. Докладчик просил тридцать минут, Пятаков дал пятнадцать. Но через пять минут он прервал докладчика и спросил:

— Вы подготовились к докладу?

— Да, — ответил докладчик.

— Нет, — сказал Пятаков, — Вы болтаете о пустяках, а прошла треть вашего времени. Доклад не подготовлен, я предлагаю его с обсуждения снять и перенести его на следующее заседание. Возражений нет?

Он обвел глазами зал. Никто не возражал. Пятаков вызвал следующего докладчика.

Помню, я и другие студенты были несколько расстроены такой резкостью. Но скоро мы поняли, как важно было приучить работников управления промышленностью к деловитости. Глядя, как растерян не подготовившийся докладчик, никто уже не хотел попадать в такое положение.

Зато если доклад был подготовлен солидно, а вопрос представлял большой интерес, Пятаков и без просьбы докладчика мог продлить ему время и до тридцати, и до сорока минут, советовался с ним, задавал ему и экспертам вопросы. Выл такой случай: докладчица по вопросу о развитии промышленности редких металлов просила для доклада всего 15 минут. Фактически Пятаков удлинил ей время до 45-ти минут, а по окончании доклада сказал:

— Сообщение очень интересное. По уровню подготовки и по компетентности докладчица сама является редким элементом…

…В те годы закладывались основы экономической политики Советской власти. В числе серьезных проблем была проблема амортизации. Пятаков настаивал, чтобы при установлении норм амортизации учитывался не только средний износ оборудования, но и его моральный износ. Это, конечно, увеличивало нормы амортизации, а, следовательно, вело к росту отпускных цен промышленности. Такая политика, в условиях и без того сильного разрыва между ценами на промтовары и на сельскохозяйственную продукцию, рассматривалась большинством ЦК как «сверхиндустриализаторская».

Как показала жизнь, установка Пятакова являлась единственно верной. Только такая установка и могла обеспечить

расширенное воспроизводство основных средств государственной промышленности.

Сугубое внимание Пятакова к вопросам рентабельности проявлялось и в отношении к работе студентов-практикантов. Он считал, что любой инженер в любой отрасли промышленности при разработке любой технологии, любого проекта должен обязательно учитывать соображения рентабельности. Под этим углом зрения предложил он, помнится, двум практикантам из Горной академии, о которых я уже упоминал, — Шмидту и Штыкгольду — переработать представленные ими доклады.

Докладчики заупрямились.

— Это дело экономистов, — заявили они. — Мы — инженеры, и нас интересует техническая сторона вопроса.

Пятаков сначала попытался спокойно убедить их в том, что они ошибаются. Он говорил:

— Грош цена проекту или технологии, если они не исходят из рентабельности… Никакой капиталист не стал бы держать инженера, который не принимает в расчет рентабельности. А нам это еще важнее, чем им: ведь нам нужно с ними конкурировать.

Но студенты заупрямились, и Пятаков в конце концов, после нескольких безуспешных попыток переубедить их, рассердился и выставил обоих из кабинета. Они пошли жаловаться Дзержинскому. Феликс Эдмундович внимательно выслушал их и сказал:

— Пятаков прав. Нам нужны такие инженеры, которые строили и эксплуатировали бы предприятия выгоднее, экономичнее, чем капиталисты.

Шмидт и Штыкгольд не согласились и с Дзержинским и пошли жаловаться на него и на Пятакова в ЦК. Но их и здесь не поддержали.

В 1925 году в СССР был выращен хороший урожай. Однако государственные закупки хлеба шли туго. Обладатели излишков, зажиточные крестьяне, не хотели продавать хлеб государству потому что, во-первых, не могли купить на вырученные деньги ни промтоваров, ни сельхозмашин, и, во-вторых, цены на сельхозтовары были значительно ниже, чем цены на промышленные изделия. Особенно бросалось это в глаза при сравнении соотношения цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами с таким же соотношением до революции. Поэтому крестьяне, чтобы выручить деньги, необходимые им для текущих нужд, для покупки всяких мелочей, вывозили на рынок кур, яйца, овощи, а хлеб придерживали до весны, когда, по их расчетам, цены на него должны были подняться. Особенно характерно было это для Северного Кавказа,

степных районов Украины и Волги. Закупочные организации, которых тогда было великое множество, конкурировали между собой и только вздували цены на хлеб.

Президиум ВСНХ решил изучить обстановку, сложившуюся на рынках в этих районах. Для этого нас, нескольких практикантов-экономистов, послали на места, в деревню, обследовать положение на хлебном рынке. Чтобы крестьяне не заподозрили в нас «начальство», нам, по согласованию с редакцией «Правды», выдали удостоверения корреспондентов газеты. Кроме полагающихся командировочных, нам выдали не то по 50, не то по 100 — не помню точно рублей специально для покупки определенного количества остро дефицитных тогда на селе хлопчатобумажных тканей. На купленных образцах мы должны были проставлять цены, по которым мы их приобрели. Дело в том, что торгующие организации (а тем более — частные торговцы), пользуясь дефицитом, завышали установленные государством розничные цены. Об этом в Москву поступали сигналы, и мы должны были проверить их правильность. К слову скажу, что сигналы подтвердились полностью.

Перед отъездом нас собрал и проинструктировал Э. Квиринг — и мы разъехались. Я попал на Северный Кавказ.

Как сейчас помню беседы, которые я вел в станицах с крестьянами и казаками насчет того, почему они не хотят продавать хлеб. Беседовал я преимущественно с зажиточными мужиками — фактическими обладателями хлеба, и на постой для этого останавливался у них же. Бывал я и на всех собраниях и прислушивался к выступлениям крестьян. Но и на собрании, и в личной беседе трудно было уговорить крестьянина откровенно сказать, почему он не хочет продавать хлеб. Помогало удостоверение «Правды»: вот газета интересуется, чем обижен мужик, что ему мешает?

Помню, в станице Усть-Лабинской остановился я на постой у богатого казака. Поужинали, разговорились. Хозяин выложил мне все свои расчеты, называл цены на хлеб и ситец до революции и осенью 1925 года. Я едва успевал записывать. Сравнение оказывалось не в нашу пользу. Получалось, что крестьянин за тот же труд может приобрести вдвое меньше ценностей, чем до революции: прогадывал и на низких ценах на хлеб, и на высоких на промтовары.

Вернувшись в Москву, я сдал приготовленный мной еще в командировке доклад вместе с отрезами тканей, к которым были приклеены этикетки цен. После этого меня с таким заданием направили в Балашовский уезд Саратовской губернии. В общем, осенью 1925 года я побывал в пяти кубанских станицах и пяти

саратовских селах. И с Кубани, и с Волги я присылал корреспонденции в «Правду», которые все были напечатаны, так что свое корреспондентское удостоверение я оправдал.

12. Зиновьевская оппозиция

Вскоре после XIII съезда стали возникать слухи о новых разногласиях в ЦК, на этот раз между Сталиным и Зиновьевым. Окончательно обнаружились разногласия на XIV съезде партии.

Как явствует из предыдущих страниц, в преследовании троцкистской оппозиции, в зажиме критики особо активную роль играли Зиновьев и Каменев, с особым пылом выступавшие лично против Троцкого. Поэтому, когда выяснилось, что теперь Зиновьев и Каменев сами оказались в оппозиции и негодуют против зажима критики, мы, рядовые оппозиционеры 1923 года, испытывали некоторое удовлетворение, почти злорадство. Похоже, что и вожди оппозиции, даже Троцкий, испытывали нечто близкое, хотя, казалось бы, чувство это достаточно мелкое для таких крупных людей.

Однако чувство озлобления против Каменева и Зиновьева было очень велико. То, что мы, зеленая молодежь, пострадавшая от установленного Зиновьевым и Каменевым внутрипартийного режима, искренно радовались тому, что наши противники попали в беду, — это, допустим понятно. Но руководители бывшей оппозиции, такие политические деятели, как Троцкий, Радек, Раковский, Пятаков, Преображенский, И. Н. Смирнов и другие, не должны были поддаваться личным чувствам, а обязаны были руководствоваться исключительно политическими мотивами и интересами партии.

Руководитель, который в политике руководствуется чувством озлобления, не годится на роль вождя партии. «Озлобление, — писал Владимир Ильич в письме „К вопросу о национальностях, или об автономизации“, — вообще играет в политике обычно самую худшую роль». И в этом случае — как показали последующие события — озлобление против Зиновьева и Каменева сыграло отрицательную роль.

Л. Д. Троцкий обязан был поддержать на XIV съезде зиновьевскую оппозицию в ее принципиальных спорах со Сталиным, ибо Зиновьев и вся его группа занимали на этом съезде правильную позицию — и в вопросе об отношении к кулаку и середняку, и в вопросе о строительстве социализма в одной отдельно взятой стране, и в вопросе о внутрипартийном режиме. Святая обязанность Троцкого и его сторонников была забыть о своих прошлых распрях с Зиновьевым и Каменевым.

Такая тактика была бы верной по существу и единственно результативной. Она не дала бы Сталину пустить в ход свой единственный козырь, который он использовал, когда оппозиция

— слишком поздно! — организовала «Объединенный блок». Сталин тогда заявил, что это объединение — беспринципное. Он не мог бы заявить это, если бы Троцкий поддержал Зиновьева еще на XIV съезде. Наоборот, такое выступление свидетельствовало бы о принципиальности Троцкого, сумевшего подняться выше политических дрязг, выше личных обид против Зиновьева.

Но Троцкий на XIV съезде партии молчал. Молчал, не выступал, несмотря на неоднократные попытки делегатов выяснить его позицию.

А между тем Сталин больше всего боялся, что Троцкий выступит в поддержку зиновьевской оппозиции. Потому и стремился он избежать предсъездовской дискуссии, что боялся объединения обеих оппозиций на принципиальной платформе.

Сталин действовал как опытный политик, руководствуясь заранее продуманным расчетом. Он и на молчаливую поддержку Троцкого в своей борьбе против Зиновьева тоже рассчитывал, хоть и опасался всяких неожиданностей. И расчет его оказался верен, он угадал, что Троцкий поддастся своему озлоблению и не поддержит Зиновьева. Сталин не был особо проницательным, но все отрицательное в человеке он чуял и старался его использовать. Чего стоит, например, тот раздел политического отчета XIV съезду, в котором Сталин сообщает, что Зиновьев и Каменев в свое время требовали исключения Троцкого из ЦК и даже из партии.

«Позвольте теперь перейти, — говорил Сталин, — к истории нашей борьбы внутри большинства ЦК. С чего началась наша размолвка? Началась она с вопроса о том: как быть с тов. Троцким? Это было в конце 1924 года. (Подч. нами). Группа ленинградцев вначале предлагала исключить тов. Троцкого из партии… Мы, т. е. большинство ЦК, не согласились с этим… Спустя некоторое время после этого, когда собрался у нас пленум ЦК, Зиновьев вместе с тов. Каменевым потребовали немедленного исключения тов. Троцкого из Политбюро. Мы не согласились с этим предложением оппозиции, получили большинство и ограничились снятием тов. Троцкого с поста Наркомвоенмора. Мы не согласились с тов. Зиновьевым и Каменевым потому, что знали (подч. нами), что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод пускания крови, — а они требовали крови, — опасен, заразителен, сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, — кто же у нас останется в партии?» (XIV съезд, стен. отчет, изд.1926 г., стр.502).

Сегодня, когда хорошо известны сталинские методы, особенно отвратительно звучит это лицемерное беспокойство по

поводу «отсечения» и «пускания крови», эта добродетельная тревога насчет того, «кто ж у нас останется в партии». Но тогда, тогда-то зачем Сталин говорил все это на съезде? Разве не ясно, что он хотел прибегнуть к своему излюбленному методу: натравить Троцкого на Зиновьева или, по крайней мере, нейтрализовать его? Для этого ему и надо было представить дело так, что именно Зиновьев ссорил его с Троцким, что именно Зиновьев — сторонник метода отсечения и кровопускания, а не он, Сталин, который, как мы теперь знаем, блестяще осуществил этот метод сначала в отношении Троцкого, затем — Каменева и Зиновьева, затем — Бухарина, а затем…

Все это свидетельствует о том, что Сталину не только «везло» в силу сложившейся в стране и в мире ситуации. Он был достаточно умен, проницателен и бессовестен, чтобы в каждом конкретном случае выбрать подходящий метод для окружения и политического уничтожения своих противников.

Верно, у него было одно существенное преимущество: он хорошо знал, чего он хотел, в то время как другие его скрытых замыслов и не подозревали. Он руководствовался только своим личным расчетом, в то время как другие исходили, прежде всего, из интересов партии и революции.

Это подтверждается хотя бы тем, как фактически произошли размолвка между Сталиным и Зиновьевым. Версию Сталина мы уже знаем. Теперь послушаем версию Зиновьева:

«Между XII и XIII съездами у нас почти что не было сколько-нибудь серьезных расхождений. Первое серьезное расхождение началось после XIII съезда, можно сказать назавтра после XIII съезда. И тут решающую роль играет выступление тов. Сталина, которое было потом напечатано, речь, содержащая прямое нападение на Каменева и меня. Нападение на меня было по вопросу о диктатуре партии — формулировка, которая была одобрена XII съездом партии и которую тов. Сталин критиковал в этой речи у секретарей укомов, сказав, что „кажется, XII съезд ее принял“». (там же, стр.454)

Сталин и Зиновьев по-разному рассказали историю их разногласий. Зиновьев начало разногласий относит к маю 1924 года и связывает его с выступлением Сталина на совещании секретарей укомов по вопросу о диктатуре партии. Сталин начало разногласий относит к концу 1924 года, когда Зиновьев предложил исключить Троцкого из партии. Однако неопровержимым остается факт, что Сталин неожиданно напал на своих вчерашних единомышленников именно в мае 1924 года, т. е. сразу после окончания XIII съезда РКП(б), когда только что произошло отсечение от руководства первой группы сторонников

Троцкого. Вчерашние союзники, с которыми он совместно действовал против Троцкого, теперь, после XIII съезда, ему уже не нужны; он задумывает и осуществляет отсечение от руководства второй, зиновьевской группы — и использует для этой цели других союзников: Бухарина, Рыкова и Томского.

«На вопрос к Сталину, — говорил Зиновьев, — зачем он выступил со своей статьей, он сказал, что он имел целью расширить ядро, ибо оно стало узким» (там же, стр.455).

В этом ответе, как в капле воды, просвечивает интриганская суть Сталина. Он даже не скрывает своей цели: дискредитировать Зиновьева и Каменева, вчера еще вместе с ним составлявших руководящую тройку.

Если ядро узкое, то почему не обсудить этот вопрос в Политбюро и на пленуме ЦК? Когда Троцкий, на основе согласованной резолюции от 5 декабря 1923 года, выступил с разъяснением в своей брошюре «Новый курс», Сталин обвинил его в том, что он сделал это без предварительного обсуждения вопроса в Политбюро. Сталин говорил тогда: «Перед партией стал вопрос: существует ли у нас ЦК… или существует сверхчеловек, для которого законы не писаны». А тут, после XIII съезда партии, Сталин сам, без согласования с Политбюро, выступает на курсах секретарей укомов с обвинениями в адрес двух членов Политбюро, да еще по вопросу, по которому существовало решение XII съезда партии!

Нет, не в том дело, что «ядро» было слишком узким. «Ядро» было для Сталина, наоборот, слишком широким. Он хотел заменить «тройку» своим единоличным руководством. «Тройка» устраивала его, пока Зиновьев и Каменев помогали ему устранять из руководства Троцкого.

Зачем же Сталин выступил в защиту Троцкого на XIV съезде? Мне думается, что Сталин, имея ясную конечную цель — убрать всех своих соперников — в период XIV съезда еще не был уверен, что это удастся ему быстро и без сопротивления. Выбирал он пути и средства осторожно, ощупью. Авторитет Троцкого и в партии, и в стране еще был велик. Почему же на данном этапе не использовать его для нанесения удара по очередному сопернику? Тем более, что он был уверен: Троцкий не забыл злобных атак Зиновьева и Каменева. Он надеялся создать впечатление, что Троцкий поддерживает его против этих двоих. Троцкий не поддержал ни Сталина, ни Зиновьева. Он занял выжидательную, нейтральную позицию. Для Сталина и этого было достаточно.

Вторая причина, по которой Сталин в примирительном тоне заговорил на XIV съезде о Троцком, заключалась в том, что он хотел продемонстрировать: опасность раскола партии идет-де не

от него, как предполагал Ленин, а от Зиновьева. Они-де хотели отсечь сначала группу Троцкого, затем Бухарина, а ему, Сталину, удалось сорвать этот коварный план.

Таким же способом завоевывал Сталин и расположение Бухарина.

«Дальше, — говорил Сталин на XIV съезде, — вопрос о Бухарине, я имею в виду лозунг „обогащайтесь!“. Я имею в виду апрельскую речь тов. Бухарина, когда у него вырвалось слово „обогащайтесь“…… Чем объяснить, что, несмотря на это, все еще продолжается разнузданная травля Бухарина? Чего, собственно, хотят от Бухарина? Они требуют крови тов. Бухарина. Именно этого требует тов. Зиновьев, заостряя вопрос в заключительном слове на Бухарине. Крови Бухарина требуете? Не дадим вам его крови. Так и знайте». (Там же, стр. 504–505)

Не это ли имел в виду Ленин, когда говорил о грубости и нелояльности Сталина?

На самом деле, как известно, не кто иной, как Сталин, вынашивал и осуществил планы уничтожения по очереди всех вождей партии.

Куда повел Сталин партию и сколь губительно повели себя многие, работавшие в аппарате старые большевики, понимали далеко не все. Но это поняли, наконец, Каменев и Зиновьев. Поняли, какую крупную ошибку совершили они, помешав выполнению завещания Ленина, воспротивившись отстранению Сталина с поста генерального секретаря. Поняли, но было уже поздно. Когда Зиновьев сказал на XIV съезде, что члены ЦК не выполнили завещания Ленина и не сыграли роль обруча, о которой говорил Владимир Ильич, нельзя было не вспомнить о роли Зиновьева и Каменева в этом деле. Ленин и не рассчитывал на то, что сплотить партию смогут партийные чиновники: он предлагал для этой цели ввести в ЦК рабочих. Зиновьев же и Каменев на XII съезде помогли Сталину подменить рабочих чиновниками.

Разногласия между сталинско-бухаринской и зиновьевской фракциями определились еще до XIV съезда: по вопросам о госкапитализме, об отношении к кулаку, о строительстве социализма в одной стране и о внутрипартийной демократии. На Политбюро было договорено: разногласий этих на XIV съезд не выносить, а спорные вопросы уладить путем компромисса. Было также решено, что с отчетными докладами ЦК на областных конференциях выступят сторонники как той, так и другой фракции.

Несмотря на все это, накануне открытия съезда в передовой статье «Правды» и в напечатанной в «Правде» резолюции

Московского комитета партии было сказано: «Мы точно так же полагаем, что точка зрения товарищей Каменева и Зиновьева выражает неверие во внутреннюю силу нашего рабочего класса и идущих за ним крестьянских масс, мы полагаем, что она есть отход от ленинской позиции». (там же, стр.462)

Сталинская фракция нарушила соглашение. Она первой открыла огонь против зиновьевской группировки, поставив ее перед фактом открытого разрыва. В ответ на это зиновьевская группировка открыла огонь на ленинградской партконференции, а на съезде потребовала слова для содоклада, чтобы изложить свою позицию.

Обосновывая необходимость содоклада, Г. Е. Зиновьев говорил: «И вы думаете, что мы, как мертвые, будем молчать и останемся со всеми ярлыками, которые хотели нам приклеить, а не попытаемся объяснить партии, что мы не ликвидаторы, не аксельродовцы, не пораженцы. (Голоса: „Троцкий молчал“, Орджоникидзе: „Вам не разрешат“). Никогда это, товарищи, не было в жизни нашей партии (Голос: „А Троцкий?“)… Назовите мне пример, чтобы за неделю до съезда объявить пораженцами, писать передовицы, а потом заявить, что нужно кончать эту дискуссию. Вы скажете, что мы сами виноваты, что мы сами себе построили такое положение. (Голоса: „Конечно“.) Нет, товарищи, мы виноваты в том, что были слишком доверчивы, что надеялись на ликвидацию разногласий без вынесения их на широкое обсуждение. У нас иногда возникало предположение: а что, если большинство за недельку до съезда заставит нас говорить о разногласиях? Но мы отбрасывали эту мысль, так как не допускали, что это предположение может осуществиться. Худшие предположения осуществились». (Там же, стр.453)

Делегаты съезда репликами с мест дали понять Зиновьеву, что он сам еще на XII съезде создал такую обстановку, когда всякое критическое выступление в адрес ЦК расценивалось как меньшевистский уклон.

Центральный вопрос, вокруг которого обострились отношения между Сталиным и оппозицией, был вопрос о коллективном руководстве — тот же по существу, который поставил Ленин в своем завещании. Пока Зиновьев вел ожесточенную борьбу против Троцкого, он не видел недостатков в «коллективном руководстве». Но, оказавшись в меньшинстве, он почувствовал, что Троцкий был прав, что никакого коллективного руководства фактически не было и нет.

На XIV съезде, с помощью лиц, чьи выступления были инспирированы Сталиным (например, Ворошилов), вопросу о коллективном руководстве было придано другое направление,

чем давал ему Ленин. Владимир Ильич в своих письмах говорил о том, что центральные органы партии должны охранять целостность узкого коллектива вождей. Не так стали толковать это сталинские подпевалы. «Наше коллективное руководство, — говорил Ворошилов, заключается в том, что мы считаем, что весь ЦК нашей партии есть тот ленинский коллектив, который после съезда получает в свои руки всю полноту власти».

Выступление Ворошилова, как сказано выше, было инспирировано Сталиным. Ворошилов дал понять новым членам ЦК, что именно они «должны сменить наших уставших и иной раз шатающихся из стороны в сторону товарищей из старого кадра». (там же, стр.396) Устами Ворошилова Сталин подбросил такую мысль: а что случится в партии, если будут отсечены старые, уставшие и шатающиеся ленинские кадры? Ничего страшного не случится, говорил Ворошилов, лишь бы сохранилось единство большинства ЦК.

Таким образом были сначала обойдены, а потом и совсем забыты предложения Ленина об обруче для сохранения узкого коллектива вождей партии.

Зиновьевская оппозиция решительно отвергла сталинские принципы организационной работы ЦК, ведущие к единоличной власти. В выступлениях оппозиции на съезде была полностью раскрыта вся механика сталинских махинаций.

Подчинив себе секретариат ЦК, Сталин держал в своих руках все нити подбора, назначения и перемещения кадров. Таким образом Политбюро оказалось лишенным возможности влиять на формирование руководящих органов партии.

Оппозиция прямо предупреждала делегатов XIV съезда партии, что таким способом Сталин добивается единоличной диктатуры и предлагала коренным образом изменить порядок прохождения организационных вопросов: ликвидировать пост генерального секретаря и создать секретариат, непосредственно подчиненный Политбюро. Откровеннее всех мотивировал это предложение Сокольников. Он сказал, что если Сталин претендует на такую роль в партии, какую играл Ленин, пусть он завоюет это положение доверием, а не организационными методами.

Решительно высказался за предложение убрать Сталина с поста генсека в своей речи на XIV съезде Л. Б. Каменев.

«Лично я полагаю, — говорил он, — что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб… Именно потому, что я неоднократно говорил это тов. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил это группе товарищей-ленинцев, я

повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что Сталин не может выполнить роль объединителя большевистского штаба. (Голоса с мест: „Неверно“, „Чепуха“, „Вот оно, в чем дело!“, „Раскрыли карты…“, крики: „Мы не дадим вам командных высот“, „Сталина, Сталина!“. Делегаты встают и приветствуют Сталина. Бурные аплодисменты). Эту часть своей речи я начал словами: мы против единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя. Этими словами я и кончаю речь свою». (Там же, стр. 274–275)

Во время выступления Сокольникова с места была брошена реплика: «со всяким генсеком это может случиться». Это было неверно. Ленин считал Сталина не способным выполнить роль объединителя партии, и потому он предлагал заменить его другим, более подходящим для этой цели человеком. Кроме того, как показала жизнь, должность генсека создавала в условиях централизованной партии предпосылки для личного захвата власти. Поэтому оппозиция предлагала перестроить органы ЦК так, как они были при Ленине, без генерального секретаря.

Большинство съезда, состоявшее в основном из аппаратчиков, отклонило предложение оппозиции и тем самым помогло Сталину обеспечить его единоличное управление партией. Из реплик с мест во время выступления Каменева («Мы не дадим вам командных высот», «Сталина, Сталина!») видно, что руководящая прослойка партии знала, что она делает — и продолжала восхвалять Сталина. Это и привело к «культу личности». Как показало время, центральные органы партии сыграли роль не обруча, а дубинки, которая прошлась по головам всех вождей партии, на которых делал ставку Ленин.

В каком заблуждении находились некоторые лидеры партии, еще не оказавшиеся к тому времени в оппозиции, видно из их выступлений на том же съезде.

Так, М. П. Томский, опровергая данную Каменевым оценку Сталина, говорил: «Система единоличных вождей не может существовать, и ее не будет, да, не будет!». И Рыков говорил: «… ни перед Каменевым, ни перед кем-либо другим (! подч. нами) партия на коленях не стояла и не станет».

Каменев и Зиновьев уже поняли, куда идет развитие событий, а Рыков, Томский и Бухарин этого еще не понимали и потому продолжали поддерживать Сталина.

С иных позиций выступили на XIV съезде партии такие сталинские подголоски, как Ворошилов, Андреев, Куйбышев. Они знали, чего хочет Сталин и подталкивали события.

Вот что, например, говорил Ворошилов: «Тов. Сталину, очевидно, уже природой или роком суждено формулировать несколько более ударно, чем какому-либо другому члену

Политбюро (смех). Тов. Сталин является — я это утверждаю — главным членом Политбюро (! подч. нами), однако не претендующим на первенство… Если они (Каменев и Зиновьев) думают, что один человек, хотя бы и Сталин, или три Зиновьева и десять Каменевых могут двигать и управлять аппаратом, то это представление весьма отдаленное от того, которое у нас имеется».

Другой подголосок Сталина А. А. Андреев говорил: «Тов. Каменев… два часа мочалкой водил по принципиальным вопросам, а потом съехал на диктатуру тов. Сталина. К чему же сводится требование тов. Каменева об изменении структуры ЦК? Нет, товарищи, за этим кроется другое, — за этим кроется нежелание признавать растущий авторитет тов. Сталина (подч. нами), который является генсеком».

И, наконец, вот заявление В. В. Куйбышева, руководителя ЦКК, которому полагалось быть объективным в разборе споров между вождями партии: «Я от имени ЦКК заявляю о том, что это руководство и этот генеральный секретарь является тем, что нужно для партии, чтобы идти от победы к победе».

Одни политические деятели считали, что опасности единоличной диктатуры Сталина нет, что ленинские нормы партийной жизни непоколебимы и что партия никому не позволит узурпировать власть.

Другие считали, что Сталин является единственным вождем, достойным взять на себя руководство партией и страной.

Теперь, когда прошло 50 лет, всем достаточно ясно, что на XIV съезде партии права была в своем анализе внутрипартийного положения именно оппозиция. Худшие ее предсказания не только оправдались, но даже оказались наивными по сравнению с тем, что сделал с партией Сталин.

К этому времени Сталин уже начал привлекать к внутрипартийной борьбе органы безопасности. Началась слежка за членами партии, организовано было подслушивание их разговоров. Выступая на съезде, оппозиционерка Кл. Николаева говорила:

«Тов. Гусев сегодня с этой трибуны сказал так: „Что же, мы за доносы, такие доносы должны быть в партии, ибо каждый коммунист должен быть чекистом“. Товарищи, что такое чекист? Чекист это есть то орудие, которое направлено против врага. Против классового нашего врага… Разве можно это сравнивать… с тем положением вещей, которое мы хотим создать под этим лозунгом в нашей партии? Доносы на партийных товарищей… это будет разлагать нашу партию, и не членам центральной контрольной комиссии выступать за такие доносы и делать

подобные сравнения… Не такой системой надо бороться. Надо бороться системой правильной постановки внутрипартийной демократии… (смех). Нельзя продолжать систему под лозунгом „Спокойно, снимаю“». (Там же, стр. 612–613).

Это был 1925-й, а не 1936-1937-й год. Членов партии еще только приучали к мыслям, высказанным Гусевым. Аппаратчики еще только привыкали к использованию органов ГПУ для слежки за своими товарищами. Но смех, раздавшийся в зале в ответ на слова Николаевой о внутрипартийной демократии, показателен. Уже тогда апелляция Крупской, Николаевой и других к внутрипартийной демократии вызывала у аппаратчиков только смех, уже тогда главным методом разрешения внутрипартийных споров становился метод подавления своих идейных противников в партии. Впоследствии от таких методов пострадали и те, кто активно ратовал за их внедрение.

Большинство делегатов съезда считало, конечно, что они борются за единство партии, не отдавая себе отчета в том, что на деле они таким образом содействуют разгрому партийных кадров и создают почву для победы диктатора.

Как расценивали мы, молодые члены партии, причину успехов Сталина и поражения его противников? Несмотря на всю остроту внутрипартийной борьбы, мы считали, как и наши вожди, что она должна вестись в рамках партийного устава. Мы были уверены, что, с большими или меньшими потерями, но партия выйдет из состояния кризиса.

После окончания XIV съезда сталинская фракция не пускала оппозицию к массам, отсекала ее от партийных масс. Как в 1923 году основной удар по оппозиции был нанесен по московским военным и вузовским ячейкам, поддержка которыми оппозиции представляла угрозу для большинства ЦК, — так в 1925 году решающий удар по оппозиции был нанесен в Ленинграде, и прежде всего — на крупнейших предприятиях Ленинграда.

Об этом подробно рассказал на XV съезде партии ленинградский большевик т. Минин:

«Вот первое, что произвело сильное впечатление, когда на пленуме прежнего губернского комитета партии т. Калинин, выступая, сказал: „Что вам стоит для Центрального Комитета объявить белое черным, а черное белым?“ Но особенно сильное, прямо-таки потрясающее впечатление на всю организацию произвело заседание на „Треугольнике“ 14 января 1926 года… Там мы видели рабочих и работниц, которые от способа ведения собрания, от навязывания своих взглядов тремя членами Политбюро… ломали руки в отчаянии, спрашивая: „Да что это такое?“… Что-нибудь одно: либо принимать в той же самой

резолюции XIV съезда о проведении в жизнь демократии, либо так проводить кампанию, как проводили ее в Ленинграде, когда резолюцию, отвергнутую большинством и не проверенную голосованием объявили как принятую „подавляющим большинством“». (XV съезд РКП(б), стен. отчет, изд.1961 г., т.1, стр. 235)

Так сталинская фракция проводила организационное разоружение ленинградской оппозиции.

Когда Л. Д. Троцкий узнал об этом, он открыто выступил против тактики «выкручивания рук», которая не применялась даже в борьбе против прямых врагов большевизма.

Но было уже поздно: дело было сделано. Дело было сделано — и оно нанесло глубокую рану вере членов партии в идейность и справедливость Центрального Комитета — и в возможность силами рядовых членов партии добиться этой справедливости. Самодеятельности партии был нанесен тяжелый удар. У членов партии начала вырабатываться психология равнодушия к судьбам партии и революции.

В нашем институте зиновьевская оппозиция не имела широкой поддержки, сторонники ее даже не выступали на общеинститутских партсобраниях. Но в нашем отделении несколько зиновьевцев было: Т. Имяреков, ставший впоследствии одним из самых близких моих друзей, Сагателов, Меликсетов, Карапетов и др. Как оппозиционеры они проявили себя не в 1925, а в 1926 году, уже после образования объединенного блока троцкистско-зиновьевской оппозиции.

Образовался этот блок не сразу и не просто. Троцкий довольно долго не видел разницы между Сталиным и Зиновьевым, который так же, как и Сталин, шел на всякие комбинации, чтобы захватить власть.

Разница заключалась в том, для чего добивались они власти.

Зиновьев — потому, что считал себя единственным подлинным наследником Ленина, считал, что только он понимает задачи партии так, как понимал их Ленин.

Сталин — потому, что он хотел править один. Ему было глубоко наплевать на мировую революцию, партию и социализм. Все эти слюнтяи, считал он, не понимают: русский народ любит, чтобы государством правил один человек, и чтобы этот человек был сильной и волевой личностью.

Зиновьев был склонен дружно работать со всеми вождями партии, лишь бы они признали его первым среди равных.

Сталин стремился к тому, чтобы удалить от руководства всех вождей партии, ибо только таким образом он мог подобрать других, полностью послушных ему членов Политбюро. Никакое

другое решение вопроса его не устраивало.

Зиновьев был убежденным ленинцем и потому интернационалистом.

Сталину идеи интернационализма были вообще чужды.

«Председатель Коминтерна Зиновьев дорожил своей международной оппозицией, — писал Л. Д. Троцкий, — Сталин с презрением поглядывал на компартии Запада. Для своей национальной ограниченности он нашел в 1924 году формулу социализма в одной стране». Это было противно духу Зиновьева и Каменева, воспитанных на интернационалистских позициях.

«Борьба внутри „тройки“, — писал там же Троцкий, — начавшись в значительной мере тоже как личная борьба — политика делается людьми и для людей, и ничто человеческое ей не чуждо, — скоро в свою очередь развернула свое принципиальное содержание…» Но Сталину достаточно оказалось опереться на те силы, которые были «тройкой» мобилизованы против «троцкизма», чтобы автоматически одолеть Зиновьева и Каменева.

Прошлое Зиновьева и Каменева, годы их совместной работы с Лениным, интернациональная школа эмиграции, — все это должно было враждебно противопоставить их той волне самобытности, которая угрожала, в последнем счете, смыть Октябрьскую революцию.

Результат новой борьбы на верхах получался для многих совершенно изумительный: два наиболее неистовых вдохновителя травли против «троцкизма» оказались в лагере «троцкистов».

13. Д. Б. Рязанов

В 1925/1926 началась специализация по отраслям. Я выбрал впервые созданное на экономическом факультете организационно-хозяйственное отделение с теоретическим уклоном. Руководителем отделения, председателем его президиума стал член коллегии ЦСУ СССР А. С. Мендельсон. От студентов в президиум избрали меня.

Когда в президиуме рассматривался вопрос о преподавательских кадрах на начинающийся учебный год, стали обсуждать, кому вести семинар по истории экономических учений. Решили пригласить для этого директора института Маркса-Энгельса Давида Борисовича Рязанова. Конечно, мы должны были согласовать это с ЦК РКП(б). По поручению президиума я договорился с орграспредом ЦК Москвиным. Разрешение пригласить Рязанова мы получили, если он сам согласится вести семинар. Москвин тут же позвонил Давиду Борисовичу по телефону, получил его согласие и сообщил ему, что для конкретных переговоров к нему придет студент Абрамович.

Москвин предупредил меня, чтобы ни я, ни другие студенты не вступали с Рязановым в пререкания. При этом он рассказал любопытную историю.

Д. Б. читал в Свердловском университете курс лекций по истории социализма. На одной из лекций с ним вступил в спор студент по поводу того, следует ли считать Робеспьера революционером. По программе на эту лекцию отводилось два часа. Рязанов затратил на нее шесть месяцев — время, отведенное на весь курс. Шесть месяцев он доказывал слушателям, что Робеспьер был революционером, приводя совершенно уникальные, нигде не опубликованные материалы и документы. Студенты жаловались, но ничто не помогало: курс по истории социализма был сорван.

Строптивый характер Д. Б. Рязанова был известен. Но принял он меня в институте Маркса-Энгельса очень доброжелательно. Подробно расспросил, что собой представляет наше отделение, выразил удовлетворение узнав, что оно теоретическое, поинтересовался моей биографией и биографией моих товарищей. Было решено, что он будет вести семинар в нашей группе, состоявшей из 30 человек.

— Лекции вам читать я не буду, — сказал Рязанов, — у меня нет времени. Я буду вести семинар. Я научу вас самостоятельно пользоваться литературой, источниками. Доклады будете делать

вы сами. Распорядок занятий такой. Курс истории экономических учений разбивается на темы, распределяемые между студентами. Устанавливаются сроки под готовки к докладу. Я дам список литературы по каждой теме, обязательный для всех студентов, и отдельный список для тех, кто хочет готовиться более углубленно. Студент-докладчик за две недели до своего доклада сдает мне тезисы. В письменном виде — я их отпечатаю у себя в институте и не позже, чем за неделю, раздам студентам. После доклада — прения, в которых могут участвовать все, затем — мое заключительное слово. Вот все. Обсудите этот порядок со студентами и в день первого занятия дайте мне свои замечания…

В назначенный день Рязанов минута в минуту явился на первое занятие. Прежде всего он потребовал список студентов, вызвал каждого и стал знакомиться: сколько ему лет, какое получил образование, где работал до поступления в институт. Память у Рязанова была феноменальная. На втором занятии он уже знал всех участников семинара в лицо и по фамилии и, войдя в класс, сразу обнаруживал посторонних и устанавливал, кто отсутствует. Присутствовать на семинаре кому-либо, кроме его участников, он категорически запретил. Желающих находилось много, но никакие наши просьбы за того или другого студента не помогали.

В своем институте Давид Борисович выделил для нашего семинара шкаф и заполнил его книгами, подобранными им из книжных фондов института Маркса-Энгельса. В процессе семинарских занятий он пользовался этими книгами сам и рекомендовал нам пользоваться ими для подготовки к докладам. Только требовал неукоснительной аккуратности в обращении с ними.

Познакомившись с нами поближе, Давид Борисович стал вести себя с нами неофициально и иногда в нашем присутствии позволял себе довольно рискованные замечания. Помню его остроту о И. В. Сталине:

— Мне доподлинно известно, что он прочел первую страницу «Капитала»…

О Бухарине он неоднократно говорил:

— Какой он марксист, он типичный бем-баверковец…

Еще запомнились такие его слова:

— Никакого ленинизма нет. Есть марксизм. Сам Ленин, если бы он был жив, не потерпел бы такого понятия, как ленинизм.

Занятия в нашей группе Рязанов вел на очень высоком теоретическом уровне и требовал от нас, чтобы мы знали не только труды основоположником марксизма, но и труды их предшественников, чтобы мы основательно знакомились с теми

философскими, экономическими и социальными учениями, которые предшествовали Марксу. Труды Фейербаха, Оуэна, Кампанеллы, Смита, Рикардо и многих других мы стали изучать благодаря Рязанову. Большинство из нас, начиная учебу, по своей малой образованности были убеждены, что все достижения социальных наук принадлежат либо Марксу, либо Энгельсу. Разъяснения Рязанова дали нам возможность гораздо глубже понять марксизм и его историческую связь с другими теориями.

Первый доклад на нашем семинаре сделал самый молодой студент нашей группы — Александр Герценштейн.

(Прежде чем продолжить повествование о Д. Б. Рязанове, будет уместно несколько подробнее остановиться на личности его любимого студента.)

Среди студентов Плехановского института особо выделялся Александр Герценштейн, или, как мы его звали в своем кругу — Саша. В институт мы поступили одновременно — в 1923 году.

В отличие от других студентов, попавших в институт в возрасте 23–25 лет, после демобилизации из Красной Армии или после нескольких лет работы на фабриках и окончания рабфака, Саша стал студентом сразу после окончания средней школы. Он был самым молодым среди студентов нашего факультета, по годам. В теоретическом и общеобразовательном отношении он был подготовлен лучше остальных студентов.

Саша вырос в интеллигентной семье и самого раннего детства был приучен к труду и к любви к наукам. Под влиянием своего дяди, известного в дореволюционные годы экономиста, он стал проявлять интерес к экономическим знаниям еще в подростковом возрасте. К моменту поступления в институт он уже проштудировал такие труды по политической экономии как: Железнова, Туган-Барановского, Чупрова и Каутского. С первых дней нашего знакомства мы почувствовали основательность его подготовки по экономическим наукам.

На семинарских занятиях, где студенты, по ходу изучения отдельных проблем политической экономии, выступали с короткими докладами, Саша выделялся своими глубокими знаниями предмета, умением сосредоточиться на основных вопросах, а также умением осветить проблему со всех сторон.

Кроме того, он обладал большим запасом слов и, несмотря на свой тонкий, почти писклявый голос, большими ораторскими данными, чем неизменно вызывал восхищение не только у части студентов, но и у всех наших профессоров и преподавателей. Наоборот, у некоторых студентов нашего курса его выдающиеся способности и заслуженный успех вызывали зависть.

В течение первых двух лет занятий в институте Саша почти

все свое внимание уделял работе над «Капиталом» К. Маркса. Маркс восхищал его не только своей глубиной, но и своим литературным блеском. Он любил по памяти цитировать из трудов Маркса целые абзацы, а память у Саши была феноменальная. Саша увлекался не только чтением книг Маркса, но также и всеми книгами, попадавшими в поле его зрения о Марксе.

Для добычи необходимых ему книг он пользовался всеми фундаментальными библиотеками Москвы и прежде всего богатыми экономической литературой библиотеками нашего института и Коммунистической Академии.

Особенного роста талант Саши достиг после перехода на третий курс института, когда началась специализация и когда все занятия были сосредоточены в семинарах. На семинарах А. С. Мендельсона по «Теории воспроизводства капитала»; Д. Б. Рязанова по «Истории экономических учений»; Трайенберга по «Денежному обращению и кредиту» а также И. Т. Смилги по «Экономической политике» Саша выступал или как самый талантливый докладчик, или как самый выдающийся оппонент.

Саша любил не только экономические науки. Он проявлял большой интерес к художественной литературе, изобразительному искусству и был в курсе всех новинок в этих областях. Он был постоянным посетителем всех драматических и оперных театров, выставок, концертов. Но все книги, прямо не относящиеся к экономической литературе, также как и языки, он изучал при пользовании транспортом: в трамваях, автобусах, во время длительных переездов из дома в институт и обратно.

Саша не любил пустых разговоров или пустого времяпрепровождения.

Все у него было расписано по дням и часам. Благодаря этому он успевал сделать намного больше того, что удавалось сделать каждому из нас, его товарищей по институту. При этом он не относился к нам с пренебрежением за наше, с его точки зрения, легкомысленное отношение к использованию своего личного времени. От пустопорожних дел он всегда уклонялся с большим тактом, под каким-нибудь серьезным предлогом.

Саша был беспартийным и от вступления в партию или в комсомол он уклонялся, не желая отвлекаться от целиком поглощавших его интересов к науке. Его нежелание стать коммунистом расценивалось некоторыми его недоброжелателями как враждебный акт буржуазного интеллигента. Для завистников его таланта отказ от вступления в партию служил поводом к его травле. Однако все попытки создать вокруг Саши атмосферу враждебности и подозрительности не получили поддержки среди

большинства студентов нашего отделения и особенно среди профессоров и преподавателей института, видевших в лице Герценштейна будущего выдающегося теоретика марксизма.

Из всех студентов нашего института я больше всех был близок к Саше. Я с самого первого дня нашего знакомства понял его отказ вступить в партию как акт человека, всецело увлеченного наукой. Я делал все, чтобы не допустить образования вокруг него недоброжелательной атмосферы. Для этого, в частности, я использовал свое положение члена президиума организационно-хозяйственного отделения.

Подготавливаясь к докладам или к выступлениям на семинарах, Саша изучал проблему значительно шире и глубже, чем это предусматривалось программами и планами руководителей семинаров. Он изучал не только марксистскую литературу, но и труды всех предшественников и противников марксизма. В своих докладах и выступлениях он позволял себе раздвигать рамки рассматриваемых на семинарах проблем, делать самые критические замечания в адрес авторитетных теоретиков марксизма и их трудов, упрекал их в узости и шаблонном подходе к вопросам, чего, конечно, не позволяли себе делать другие студенты.

Оставаясь, в общем, на теоретических позициях марксизма и постоянно подчеркивая это, Саша одновременно подчеркивал незаконченность и недоработанность отдельных проблем экономической теории Маркса и призывал советских ученых развивать учение основоположников марксизма. За эту «вольность» некоторые так называемые «ортодоксы», а по существу завистники, обвиняли его на семинарах в отступничестве от марксизма и в оппортунистическом мышлении.

После окончания института Саша издал ряд книг по теории воспроизводства и капиталистических кризисов, написал большое предисловие к книге американского экономиста Д. Митчела, работал над изучением проблемы советского воспроизводства, печатал в газете «За индустриализацию» большие ежемесячные конъюнктурные обзоры о ходе развития советской экономики, которые имели положительную оценку со стороны ведущих экономистов Советского Союза. В частности его теоретическими трудами заинтересовался Н. И. Бухарин, который привлек его для работы в редакцию газеты «Известия».

На семинаре у Д. Б. Рязанова Саша сделал доклад: «Закон стоимости у Рикардо и Маркса». Девятнадцатилетний студент сделал доклад, блестящий по содержанию и по форме. Но со свойственной молодости самоуверенностью докладчик не удержался от того, чтобы несколько свысока не пройтись по книге

известного ученого XIX века Зибера «Рикардо и Маркс».

Рязанов с большим уважением относился к первым русским марксистам, в том числе и к Зиберу. И в своем заключительном слове он, обращаясь к Саше, сказал:

— Вы, товарищ Герценштейн, сделали прекрасный доклад, проявили свой незаурядный талант экономиста и большие ораторские способности. Но вы глубоко заблуждаетесь, если думаете, что можете себе позволить с высоты достигнутых вами знаний фамильярно похлопывать по плечу такого ученого, как Зибер. Вам еще работать и работать, чтобы достичь его уровня. Истинный ученый, — а вы себя сегодня им заявили, — должен понимать, что блеска, даже таланта еще недостаточно. Нужно еще быть неутомимым тружеником.

— Если бы я имел вашу голову и мой зад, — заключил Рязанов, — я бы большего добился в науке.

Выступал с докладом и я — на тему «Теория ценообразования у Рикардо и Маркса». Анализируя эту проблему, я показывал, с какими затруднениями встретился Рикардо при объяснении действия закона стоимости в капиталистическом обществе и какие теоретические находки сделал в этой области Маркс, раскрывший механику обращения товаров и капиталов. Рязанов похвалил меня — правда, гораздо более сдержанно, чем Сашу.

Давид Борисович был личностью необыкновенно интересной, в некотором роде даже уникальной. Он прошел свой революционный путь в рабочем движении России особняком, не будучи ни большевиком, ни меньшевиком.

Хочется привести здесь биографию Д. Б. Рязанова, изложенную в именном указателе к первому изданию сочинений Ленина, — биографию, на которой еще не лежал отпечаток лживых сталинских утверждений. В этой биографии сказано:

«Д. Б. Рязанов — один из старейших русских социал-демократов, организовал в первой половине 90-х годов рабочие кружки в Одессе, после пятилетнего заключения в „Крестах“ эмигрировал за границу, где примыкал к революционному крылу социал-демократии, стоя обычно несколько особняком от основных русских социал-демократических группировок. Участник заграничной социал-демократической группы „Борьба“ в начале 1900-х годов. Во время первой революции одно время работал в Одессе, затем являлся организатором и руководителем профессиональных союзов в Петербурге. Вынужден был вторично эмигрировать за границу, где уделял большую часть своего времени заграничному социал-демократическому движению и работе по изданию сочинений Маркса и Энгельса, а также истории Интернационала по поручению Германской социал-

демократической партии. Участник многих русских и немецких партийных изданий. Антиоборонец и интернационалист с самого начала войны. После Февральской революции возвращается в Россию и принимает энергичное участие как организатор и агитатор в подготовке Октябрьской революции. Член ВЦИК. Историк и экономист. Организатор Социалистической Академии и Института К. Маркса в Москве».

Приведенная характеристика, хотя и не является тенденциозно искаженной, как, скажем, соответствующие характеристики Д. Б. Рязанова в IV и V изданиях собрания сочинений В. И. Ленина, все же недостаточно полно освещает особые черты Рязанова как революционера.

Д. Б. Рязанов отличался от всех старых большевиков, прошедших ленинскую школу, большой широтой взглядов, отсутствием догматизма и слепой приверженности к своим вождям. В полном соответствии с взглядами Маркса он был противником любого преклонения перед авторитетом. Он был социалистом, рассматривавшим социализм как гуманный строй, и всякое отклонение против такого понимания социализма вызывало в нем открытый протест.

Он не держался за портфель, хотя в этом его портфеле находились все рукописи Маркса и Энгельса и архивы по истории социализма, работе над которыми он посвятил всю свою послереволюционную жизнь.

Д. Б. Рязанов отвечал моему идеалу социалиста. Под любым нажимом не отступал он от своих убеждений. Он считал, что не может быть таких причин, по которым марксист, хотя бы временно, мог отказаться от демократических институтов. Он не признавал ни временного, ни тем более постоянного отхода от демократии, хотя бы и провозглашенного во имя спасения революции. Всякое временное отступление от демократии, считал он, может превратиться в постоянное.

В биографии, приведенной выше, подчеркивается, что Д. Б. Рязанов «стоял обычно несколько особняком от основных русских социал-демократических группировок». На это я хочу обратить особое внимание. Он и после революции, внутри партии, «стоял несколько особняком» и никогда не примыкал ни к одной из группировок, в том числе и оппозиционных. Он попросту не укладывался в рамки, ограничивавшие деятельность члена партии, и всегда выступал против этих ограничений. Отказ от преклонения перед партийной дисциплиной делал его в партии белой вороной, а партаппаратчики изображали его чуть ли не клоуном. На работе он требовал железной дисциплины и страсть как не любил бездельников, но в общественной жизни он

стоял за самую широкую и подлинную, не на словах, а на деле, демократию, и у себя в институте он создал именно такую демократическую атмосферу.

Он не спрашивал своих сотрудников об их политических убеждениях. Ему нужны были образованные и умеющие работать люди, и он привлек для работы в институте бывших меньшевиков — Рубина, Маслова, Потресова, Мартынова и других, — не интересуясь тем, отошли они от своих прежних взглядов или продолжают оставаться активными меньшевиками. Он помогал нуждающимся семьям меньшевиков — и западные социал-демократы знали это.

Его доброжелательность и гуманизм в немалой степени облегчали работу Института Маркса-Энгельса. Архивы I Интернационала, личные архивы Маркса и Энгельса в основном находились за границей, в распоряжении руководителей западных социал-демократических партий. И они шли навстречу просьбам Рязанова и передавали ему многие интересовавшие его материалы и документы.

Ленин знал о его отношениях с меньшевиками и сознательно смотрел на это сквозь пальцы, не давая Рязанова в обиду, когда кто-нибудь пытался ущемить его. Сталин тоже все это знал, но до поры до времени не трогал Рязанова. Только в 1931 году, когда Сталину потребовалось сфальсифицировать дело «Союзного бюро РСДРП», а заодно избавиться от строптивого старика, позволявшего себе открыто говорить о сталинском режиме, — Рязанов был исключен из партии. Основание для этого было сформулировано вполне по-сталински: «за содействие контрреволюционной деятельности меньшевиков». Как теперь всем известно, ни деятельности такой не было, ни, само собой разумеется, содействия ей.

Демократизм Рязанова был не только его убеждением, но и естественной формой его поведения. Один из самых образованных марксистов России, человек широкой философской, экономической, исторической эрудиции, непревзойденный ученый в области истории социализма, он был начисто лишен надутого академизма, свойственного некоторым теоретикам пренебрежения к повседневной практике. Он был, несмотря на свой возраст, живой, подвижный, остроумнейший человек. Его выступления по политическим вопросам, его реплики в адрес вождей, невзирая на лица, надолго запоминались слушателям. Так, запомнились его выразительные выступления и меткие реплики в период 1922–1931 гг., в которых он осуждал начинавшую набирать силу политику зажима критики.

На XI съезде партии Д. Б. Рязанов выступал четыре раза, из

них три раза — по вопросу о правах члена партии. В своем первом выступлении он говорил:

«Все товарищи, которым приходится выступать с критикой (я, боже сохрани, далек от оппозиции), которым по долгу службы приходится критиковать политику ЦК, попадают в затруднительное положение. Наш ЦК совершенно особое учреждение. Говорят, что английский парламент все может; он не может только превратить мужчину в женщину. Наш ЦК куда сильнее: он уже не одного очень революционного мужчину превратил в бабу, и число таких баб невероятно размножается (смех)…

…ЦК нарушил и не провел в жизнь тогда, когда это можно было сделать, в течение всего этого года, все начала внутрипартийной демократии. Пока партия и ее члены не будут принимать участия в коллективном обсуждении всех этих мер, которые проводятся от ее имени, пока эти мероприятия будут падать, как снег, на голову членов партии, до тех пор у нас будет создаваться то, что т. Ленин назвал паническим настроением. Хотя, вероятно, военные люди сказали бы т. Ленину, что расстреливают не отступающих, а бегущих, и что некоторые стратегические условия тут требуют другой тактики, чем тактика слишком простая, слишком физическая. При всяком отступлении, для того, чтобы создавать ему максимум успеха, нужно оповещать, информировать о причинах и задачах этого отступления». (Стен. отчет XI съезда РКП(б), стр.79)

Вот отрывок из второго выступления Д. Б. Рязанова на XI съезде:

«…вы поймете, товарищи, почему я начинаю со следующего положения: ЦКК надо упразднить… Что такое ЦКК? Возьму первое дело… по вопросу о профсоюзах… В чем состоит мое первое преступление? На собрании фракции партии IV съезда профсоюзов я внес резолюцию. Если бы я внес резолюцию о том, чтобы свергли весь ЦК, если бы я внес резолюцию о том, чтобы изменили в корне всю политику партии, что можно было сделать? Можно было отвергнуть мою резолюцию… но привлекать за выступление на партсобрании — это нелепость в третьей степени… И вот я ждал, что ЦКК обсудит это дело и напомнит тому учреждению, действия которого она контролирует, что нельзя судить, нельзя обвинять, нельзя делать преступление из выступления на партийном собрании». (там же, стр.179)

Выступая в третий раз, Рязанов говорил:

«В чем состоит мое преступление.? Я показал (в выступлении на IV съезде профсоюзов), каких работников посылали в профдвижение… Подбор руководящего персонала профдвижения

должен протекать при направляющем контроле партии, но партия должна особенно тщательно проводить нормальные методы пролетарской демократии именно в профсоюзах, где более всего отбор руководителей должен делаться самими организованными массами… И когда мне приходилось встречаться за границей с представителями иностранных наших товарищей, я им в ответ на их вопросы говорил: у нас право стачек не отменено… И пошла эта канитель, пошли статьи т. Зиновьева, другого, третьего, четвертого: можно или нельзя бастовать. Можно или нельзя? Как будто стачка сама по себе является преступлением!

Бастовать можно, но в рабочем государстве бастуют только несознательные рабочие. Право бастовать остается и останется нерушимо в Советской конституции. Вот что надо было заявить, а не косноязычествовать по вопросу о забастовках».

Не менее интересны реплики Рязанова. В 1924 году Зиновьев, делая отчетный доклад ЦК на Замоскворецкой районной партийной конференции, сравнил каждого члена Политбюро со столбом, на котором держится все сооружение Центральный Комитет партии.

— Оппозиция, — говорил он, — подпиливает эти столбы, чтобы обрушить всю постройку.

В это время из зала послышался голос Рязанова:

— Не всякая дубина столб!

А в ответ на сравнение Зиновьевым Центрального Комитета с оркестром и каждого члена ЦК — с инструментом, которые все вместе образуют ансамбль, Рязанов заявил:

— Товарищ Зиновьев говорил, что ЦК это оркестр. Да, это верно, ЦК это оркестр, и Зиновьев играет в нем первую скрипку. Он меня на одной струне три года пилил, пилил, пилил…

Протестуя против слепой дисциплины, Рязанов не стеснялся нарушать никакие каноны. Так, когда Рязанов несколько раз пытался получить слово на собрании, посвященном годовщине журнала «Молодая гвардия», а президиум во главе с редактором Раскольниковым делал вид, что не замечает его просьбы, он вышел на сцену, стал впереди президиума и заявил:

— Я несколько раз громко просил слова. Я надеялся на то, что вы не позволите президиуму узурпировать ваши права, а вы молчите. Какие же вы комсомольцы? Почему вы допускаете, чтобы вами командовали чиновники? Молодежь должна быть строптивой, активной, должна быть хулиганистой, должна не просить, а требовать и не должна слепо следовать за своими старшими товарищами… (шум, аплодисменты).

Президиум был явно смущен. Для ответа Рязанову слово предоставили Павловичу (Вельтману), который сказал:

— Перед вами выступал Давид Борисович Рязанов. Он призвал вас быть строптивыми и не подчиняться своим старшим товарищам. Я вспоминаю, как в 90-х годах в Одессе, когда я был еще юношей, а моим руководителем был Д. Б. Рязанов, он никогда не призывал меня быть недисциплинированным. Он обучал меня, как должен вести себя молодой революционер. Он наставлял меня, что я должен быть строго дисциплинирован, и никогда не говорил мне, что я должен быть хулиганом…

Рязанов (с места): Ты и так был хулиганом (шум, аплодисменты).

Во время выступления Рязанова сидевший в президиуме С. М. Буденный позволил себе какую-то грубость в адрес оратора. Рязанов немедленно дал ему отповедь, которую закончил такими словами:

— Верно, кавалеристу важна не голова, а хорошая посадка, не так ли, товарищ Буденный? (Смех, аплодисменты).

Молодежь любила Д. Б. Рязанова за его смелость, прямоту и страстность. Этот всегда подтянутый, быстрый, бодрый седоголовый и седобородый старик душой был моложе многих, годившихся ему в сыновья.

Доставалось от него не только таким деятелям, как Раскольников, но и самому Ленину. Это именно Рязанов провалил на комфракции съезда профсоюзов резолюцию, предложенную ЦК — о составе президиума ВЦСПС и о правах профсоюзов.

Рязанов, старый революционер и старый социал-демократ, не терпел духа мещанства и обывательщины, начавшего проникать в коммунистическую среду в 20-х годах. Это ярко проявилось в его выступлении на XIII съезде партии по поводу проекта перенести прах Маркса в Москву.

«За последнее время, — сказал Рязанов, — много говорят о перенесении праха Маркса в Москву. Я лично считаю, что эти тенденции — одна из форм, одно из проявлений того идейного „трупоположества“, над которым так резко смеялся Ленин в великолепнейшем письме к Горькому, которое вам здесь роздано. 43–44 года лежит прах Маркса вместе с прахом его жены… Трудно себе представить что-нибудь более нелепое, чем попытка перенести этот прах… Я полагаю, что и мы, и наша делегация должны оставить в покое эти остатки праха, не думая ни о каких больших памятниках, а заняться построением одного великого памятника, о котором писали основоположники русского марксизма после смерти Маркса тогдашним немецким социал-демократам: „Лучшим памятником, который вы создадите Марксу, будет народное издание всех его сочинений для

всемирного пролетариата“». (XIII съезд РКП(б), стен. отчет, изд. 1963 г., стр. 532)

Давид Борисович очень любил свой институт, который считал одним из важнейших учреждений для подготовки новых поколений марксистов. Назывался этот научный институт в то время Институтом Маркса. Наш учебный институт народного хозяйства тоже носил имя Маркса, и это создавало путаницу в почтовых операциях. Институт Маркса, которым руководил Рязанов, вел большую переписку с различными иностранными и международными организациями, получал большое количество рукописей, редких книг, журналов, газет, архивных документов и других материалов. Проверка показала, что некоторые из этих материалов попадают по ошибке в наш институт и надолго застревают в нем. Рязанов поэтому поставил вопрос о переименовании нашего института. А так как для такого переименования тогда требовалось решение общего собрания студентов и сотрудников, Давид Борисович приехал к нам на собрание уговаривать нас (большинство не хотело переименования).

— Кому-то надо менять имя, — сказал он, — потому что путаница с отправлениями нарушает нашу работу по собиранию наследства Маркса и Энгельса. Наш институт Карла Маркса не может носить другое имя. А вам я предлагаю присвоить вашему институту почетное имя Георгия Валентиновича Плеханова.

Об этом проекте Рязанова студенты уже слыхали. Поднялся ропот: зачем нам навязывают этого меньшевика? Рязанов продолжал:

— Вы глубоко заблуждаетесь, если считаете, что имя Плеханова оскорбит ваше марксистское достоинство. Плеханов сыграл великую и ведущую рель в истории марксистского движения в России, именно институт вашего профиля должен воздать должное великому теоретику марксизма в России.

Нельзя сказать, что все студенты согласились с Рязановым, однако за переименование института все же проголосовали.

Рязанов, кропотливо собиравший материалы и документы о жизни и деятельности Маркса, Энгельса, Бебеля, К. Либкнехта и других деятелей Интернационала, был связан лично и по переписке со всеми крупными деятелями международного рабочего движения и лидерами социал-демократических партий Европы — Каутским, Бернштейном, Лафаргом, Лонге и многими другими. До революции он одно время работал секретарем К. Каутского, которого Энгельс оставил наследником всего архива — своего и Маркса.

Зная все это, Ленин именно Д. Б. Рязанову поручил

организовать институт К. Маркса. Политбюро ЦК РКП(б) уполномочило его устанавливать и вести все связи с деятелями II Интернационала по поводу приобретения у них идейного наследства основоположников марксизма. Ему были выделены для этого необходимые средства (в том числе и в иностранной валюте).

Благодаря неуемной энергии Д. Б. Рязанова, ему удалось собрать в Институте Маркса действительно уникальное собрание документов и материалов. Некоторое представление о проделанной им работе дают приводимые ниже отрывки из его доклада на XIII съезде партии.

«…Для этого, — говорил он, — пришлось очень долго бороться с тем беспросветным мещанством, которым была охвачена все время немецкая социал-демократия. Оказывается, что за эти долгие годы немецкой партии, немецким социал-демократам, немецким марксистам не удалось даже собрать основные источники этого литературного наследства.

Я укажу на то обстоятельство, что даже из сочинений Маркса и Энгельса до 1848 года мы имеем только жалкие крохи. Многие из нас хорошо знали, что существует какая-то огромная рукопись, в которой Маркс и Энгельс подвергли резкой уничтожающей критике идеологию немецкой радикальной буржуазной интеллигенции, немецкого мещанства того времени в самых его революционных проявлениях. Эта рукопись „Немецкая идеология“ нам известна была только по маленьким частичкам.

С большим трудом мне удалось вытащить буквально крохами, клочками, кусками, страничку за страничкой эту „Немецкую идеологию“. Я помню, как я шутил у немцев, что „остаточки идеологии, которые у вас еще имеются, приходится вытаскивать прямо, как приходится вытаскивать у тяжко больного кое-какие вещи“. Теперь у нас имеется все, хотя вполне ручаться за это я и не могу. Когда Бернштейн уверял в одной статье, что рукопись чересчур изгрызена мышами, то мне при внимательном просмотре удалось установить, что Бернштейн скрыл гораздо больше, чем выгрызли мыши, и многое, что он считал изгрызенным мышами, оказалось среди этих самых рукописей». (XIII съезд партии, стен. отчет, изд.1963 г., стр. 538–534).

23 сентября 1921 года Владимир Ильич писал в Берлин Д. Б. Рязанову:

«…Тов. Рязанов! Я очень поддерживаю просьбу т. Адоратского, который проделал работу немалую и полезную. Собрать все письма Маркса и Энгельса важно, и вы это сделаете лучше других. С компривето Ленин». (ПСС, изд. 5-е, т.53, стр.211)

Давиду Борисовичу, действительно, удалось собрать почти все письма К. Маркса и Ф. Энгельса к своим партийным товарищам, политическим деятелям и личным корреспондентам, в том числе и к русским революционерам. Как трудна была эта работа, можно судить по тому же докладу Д. Б. Рязанова на XIII съезде.

«Многим из вас известно, — говорил Рязанов в этом докладе, — что немецкие с.д. издали переписку Маркса и Энгельса. К сожалению, нет никакой возможности изучать эти материалы. Переписка Маркса и Энгельса была издана группой лиц, но в этой группе лиц преобладали бонны в сапогах и гувернантки в штанах (смех). Вот вам первый том переписки на немецком языке. Я попросил, чтобы все пропущенные места были вклеены, и получилось, что необходимо было сделать бесчисленное количество вставок и исправлений, чтобы переработать один только кастрированный социал-демократами 1-ый том переписки Маркса и Энгельса. Скажите, можно ли приступить к изучению этой переписки, когда вы знаете, что та или иная бонна вычеркивает не только резкое слово? В одном месте сказано: „идиот“, они пишут „дурак“. Но не только такое резкое слово вычеркивается… Мало того, там выбрасывается ряд мест, которые было неудобно опубликовать, по мнению то Бернштейна, то Бебеля и Дитца, для того, чтобы не задеть той или другой личности. При этом, чтобы скрыть следы своих преступлений, редакторы даже не потрудились отметить точками те места, которые они выбросили, выдавая все это за настоящее издание переписки Маркса и Энгельса.

Я должен теперь сказать товарищам, что еще года три назад я принял меры против этого безобразия. Я получил на время, благодаря покойному Бебелю, часть писем Маркса и Энгельса. Года два назад вынужден был их вернуть во избежание чересчур большого скандала, но я предварительно сфотографировал все письма (смех). В прошлом году я сообщил Бернштейну о своем преступлении и сказал: раз я сфотографировал первую половину, дайте сфотографировать и другую половину.

Он понял, что если он не даст мне вторую половину, — я это сказал в разговоре, — я вынужден буду напечатать часть этих писем… Он понял мой намек. Согласился.

Вот, товарищи, вторая часть этого огромного наследства, которая подлежит еще опубликованию». (там же, стр. 536–537)

В сталинские времена, да и после его смерти, имя Д. Б. Рязанова покрылось архивной пылью, а в тех редких случаях, когда оно упоминается, заслуги этого замечательного человека замалчиваются, а его деятельность тенденциозно искажается.

Еще одно личное воспоминание о Рязанове.

В 1927 году, после окончания института, Давид Борисович пригласил меня и предложил работу младшего научного сотрудника в институте К. Маркса. Оклад для такого сотрудника в рязановском институте был установлен в 75 рублей. Такой небольшой оклад установил сам Рязанов, исходя из того принципа, что идейный марксист не должен гнаться за большими деньгами, что работа в таком институте — святая святых марксизма — честь для молодого научного работника.

Так оно, конечно, и было. Но я к тому времени уже работал старшим научным сотрудником в научно-исследовательском институте Наркомфина, и оклад мой составлял 225 рублей — втрое больше того, что предлагал мне Рязанов. Об этом я и сказал Давиду Борисовичу.

Рязанов возмутился. Ведомственный институт платит вчерашнему студенту втрое больше, чем ведущий научно-исследовательский институт! Будучи, по совместительству с директорством в Институте Маркса, председателем бюджетной комиссии ВЦИК, он, при рассмотрении бюджета Наркомфина, предложил сократить ставки научных сотрудников этого института. Мотивируя это свое предложение, он сослался на пример со мной, и утверждал, что высокие ставки, установленные Наркомфином для своего института, развращают научную молодежь и являются бессмысленной тратой государственных средств. Возглавлявший ФЭБ (финансово-экономическое бюро) Наркомфина, в ведении которого находился наш институт, Бронский возражал Рязанову. Но это не помогло — ассигнования сократили. Вернувшись в Наркомфин, Бронский вызвал меня и спросил с досадой:

— Это вы сказали Рязанову, что получаете у нас 225 рублей? Что вы наделали? Вы же нас зарезали!

Несколько дней в ФЭБ была паника, но потом все улеглось. Опытные деятели Наркомфина нашли пути для обхода указаний бюджетной комиссии ВЦИК — и все осталось по-старому.

В 1930 году Д. Б. Рязанову исполнилось шестьдесят лет. Это было отмечено и официальными кругами Советского Союза, и оппозицией. В № «Бюллетеня» за 1930 год Л. Д. Троцкий поместил краткий обзор деятельности Рязанова. В обзоре с большой теплотой отмечались не только выдающаяся роль Д. Б. Рязанова в собирании, очищении от фальсификации и издании трудов Маркса и Энгельса, но и личные качества этого выдающегося марксиста, «не сделавшего ни малейшей уступки тем методам, которые стали руководящими в лженаучных учреждениях сталинского аппарата… Институт Маркса-Энгельса

был и остается подлинно ученым и научным учреждением, где горит и светит марксистская мысль и где реставрируется, очищается, отчасти куется заново творческое оружие пролетарской революции».

Не прошло и года с тех пор, как официальные круги Советского Союза отпраздновали 60-летие Д. Б. Рязанова, — и появилось сообщение об исключении его из партии и предании суду «за участие в заговоре меньшевиков и эсеров и за связь с заграничным центром меньшевиков», которые, как говорилось в сообщении, были связаны с заговором промышленной буржуазии.

Процессы над меньшевиками и эсерами, происходившие в 1931 году, так же, как и предыдущие дела «шахтинцев» и «Промпартии» и последующие процессы над руководителями РКП(б), были разыграны по сценариям, изготовленным по указаниям Сталина и вымучены в застенках ГПУ. Признавшиеся на процессе меньшевиков в не совершенных ими преступлениях Громан, Шер, Гинзбург, Рубин, Иков, Суханов, сидевшие в 1936 году в Верхне-Уральском изоляторе, подверглись на этом основании бойкоту со стороны заключенных в том же изоляторе социалистов и коммунистов-оппозиционеров. В тот же период Суханов объявил борьбу за свое освобождение. Он посылал многочисленные, все более резкие по тону заявления, отдельные из которых опубликовывались в стенах изолятора. Вот отрывок одного из них:

«Вы от меня потребовали, — писал Суханов, — максимальной жертвы, самооклеветания и т. д. Я счел нужным на все это пойти, будучи убежден, что все это соответствует интересам СССР. Мы с вами — со следователем разыграли роли и прорепетировали комедию, которую мы позже разыграли в качестве процесса. Было обещано и само собою подразумевалось, что и приговор будет условным или формальным…»

Ответов, конечно, не было. Суханов объявил голодовку, которая длилась 30–40 дней. Потом его увезли неизвестно куда.

Один из осужденных, известный ученый-экономист Юровский (работавший ранее, между прочим, в том самом ФЭБ, в ведении которого находился наш институт) пытался покончить жизнь самоубийством. Незадолго до этой попытки он сказал на свидании своей жене, что все его показания, конечно, ложь, но так надо было…

Обвинительный материал на Д. Б. Рязанова под давлением следователя дал бывший сотрудник Института Маркса-Энгельса Шер.

Исследуя причины исключения из партии и ареста Д. Б. Рязанова, Л. Д. Троцкий в «Бюллетене» № 21–22 писал:

«Директор института Маркса-Энгельса не мог не заступиться за своих сотрудников-меньшевиков, когда им грозили аресты и ссылки. Такого рода заступничество Рязанова, не всегда счастливое, началось не со вчерашнего дня. Все, начиная с Ленина, об этом знали, многие над этим подшучивали, прекрасно понимая „ведомственные“ интересы, которые руководят Рязановым… Д. Б. Рязанов мог в течение нескольких лет осторожно, слишком осторожно молчать по целому ряду острых вопросов. Но Рязанов был органически неспособен подличать, подхалимствовать, упражняться в излиянии верноподданнических чувств. Можно себе представить, что на заседаниях ячейки института он не раз неистово огрызался по адресу тех молодых негодяев из многочисленного ордена „красных профессоров“, которые обычно мало смыслят в марксизме, но зато набили себе руку в деле подвохов, кляуз и фальшивых доносов. Такого рода внутренняя клика имела, несомненно, давно уже своего кандидата в директора института и, что еще важнее, свои связи с ГПУ и секретариатом ЦК. Если бы Рязанов где-нибудь, хотя бы в нескольких словах, намекнул на то, что Маркс и Энгельс были только предтечами Сталина, то все козни негодяев сразу рассыпались бы прахом и никакой Крыленко не осмелился бы вменить Рязанову в вину его шуточки по отношению к переводчикам-меньшевикам. Но на это Рязанов не пошел. А на меньшем генсек не мог примириться…»

Если Бухарин и Рыков пали жертвой своей «платформы», от которой они, правда, дважды и трижды отказывались, то Рязанов пал жертвой личной опрятности. Старый революционер сказал: «Служить молча, стиснув зубы, готов. Восторженным холуем быть не могу».

В «Правде» от 12 марта 1930 г. была помещена заметка «Маркс о Каутском» за подписью «Институт Маркса-Энгельса». В комментариях к приведенному письму говорилось: «Подлинник этого письма был передан известной меньшевичкой Лидией Цедербаум-Дан еще в 1925 году. Это письмо Рязанов тщательно скрывал».

Авторы заметки явно пытались бросить тень на Д. Б. Рязанова, хотя прекрасно знали, что Рязанов мог получать из рук противников драгоценные документы только потому, что «соблюдал чрезвычайную осторожность и корректность во всех сделках такого рода».

14. Воронский и Бухарин

Когда я учился в Плехановском институте, разовые лекции по историческому материализму читал у нас Н. И. Бухарин. Читал он блестяще и, несмотря на то, что среди студентов было много внутрипартийных противников Бухарина, несмотря на известное нам критическое отношение В. И. Ленина к книге Николая Ивановича «Исторический материализм», — на лекции Бухарина набиралось столько студентов, что пройти в аудиторию было почти невозможно. Бухарину приходилось идти на трибуну, перешагивая через сидящих на полу студентов. Запомнился полукомический случай, когда пробираясь таким образом на трибуну, Бухарин увидел, как один из студентов сплюнул в сторону, и плевок этот попал на сапог лектора. В этот день мы не слышали лекции об историческом материализме: Николай Иванович прочел нам импровизированную лекцию о культуре и цивилизации.

Позже, когда на квартире И. Т. Смилги я встречался с А. К. Воронским, он много рассказывал о Бухарине. В частности, рассказал такой случай.

В. И. Ленин, как сказано выше, с большими оговорками считал марксистской книгу Н. И. Бухарина «Исторический материализм» и решил выступить с критикой ее в журнале «Красная новь», который редактировал Воронский. Редактору и позвонил Ленин, и между ними состоялся такой разговор:

— Вы, Александр Константинович, читали новую книгу Николая Ивановича «Исторический материализм»?

— Нет, Владимир Ильич, не читал.

— В книге много ошибок, и я хотел бы в вашем журнале поместить критическую статью о ней. Как вы на это смотрите?

— Я не могу поместить вашу статью.

— Почему же, если не секрет?

— Владимир Ильич, вы знаете, что Николай Иванович — мой друг. Ваша статья может сильно повредить ему, так как вы теперь стали иконой.

— Как, как вы сказали? — переспросил Ленин.

— Да, да, Владимир Ильич, вы стали иконой. Вы — икона, и на вас молятся. Ваша статья станет сигналом для проработки Николая Ивановича…

— Икона говорите? Ха-ха-ха! Так, значит. Ну, а если не я, а Иван Иванович Степанов напишет такую статью в ваш журнал?

— Все равно, Владимир Ильич, никакой и ничьей статьи против Бухарина я в моем журнале не помещу.

Воронский рассказывал об этом разговоре к случаю, подчеркивая, какие нравы были при Ленине, каков был тогда стиль руководства. Кто из редакторов журналов посмел бы при аналогичной ситуации так ответить Сталину и спрашивал ли бы последний у редактора разрешения на напечатание своей статьи?

15. И. Т. Смилга

Летом 1926 года, во время каникул, МК партии направил меня в Орехово-Зуево — прочитать ряд лекций по политической экономии на курсах секретарей укомов. Поехало нас трое — я, Митин, читавший философию, и Горюнов. Срок курсов — два месяца. Время было летнее, и мы сочетали чтение лекций с отдыхом — купались, загорали, катались на лодках. Разумеется, я близко познакомился со всеми членами нашей группы. Митин, как это легко было заметить и тогда, был человек самых заурядных способностей, ограниченный, без всякого проблеска творческой мысли. В сочетании с тем единственным, чем он отличался, — усидчивостью, эти его качества, видимо, и сделали его «ведущим философом» страны.

Осенью, вернувшись в институт, мы узнали о разногласиях в Политбюро и о создании оппозиционного блока троцкистов и зиновьевцев. К этому блоку примкнул и недавно ставший директором нашего института Ивар Тенисович Смилга.

Мои отношения с И. Т. Смилгой связаны с целой полосой моей партийно-политической жизни. Этот во всех отношениях замечательный человек оказал на меня большое влияние, и я считаю необходимым рассказать о нем подробнее, чем о других.

Как сказано выше, во второй половине 1926 года И. Т. Смилга, оставаясь заместителем председателя Госплана СССР, был назначен одновременно директором нашего института и взял на себя чтение курса лекций по экономической политике Советской власти.

Наше организационно-хозяйственное отделение, готовившее плановиков, просило И. Т. взять на себя руководство семинаром по экономической политике. Переговоры об этом вел с И. Т. Смилгой я как член президиума отделения.

Начало этих переговоров по времени совпало с чтением членами нашей партячейки протоколов июльского пленума ЦК 1926 года. В числе студентов, участвовавших в этих чтениях, были и те, кто ранее состоял в троцкистской или зиновьевской оппозиции. Ознакомившись с протоколами мы уяснили для себя суть разногласий: по китайскому вопросу (об отношении к Гоминдану); об отношении к англо-русскому профсоюзному комитету (в связи с предательством генсовета английских профсоюзов); о политике РКП(б) в области индустриализации; о политике РКП(б) в деревне; о строительстве социализма в одной стране; о внутрипартийной демократии.

Читали протоколы ЦК в институтской читальне (разумеется,

когда никого, кроме членов партии, там не было), причем чтением этим руководил секретарь институтской партячейки Балтис — член райкома, член партии с 1916 года.

Когда протоколы были прочитаны, Балтис стал опрашивать коммунистов персонально, как относятся они к выявившимся в ЦК разногласиям? Главным образом интересовался он отношением к разногласиям в ЦК бывших оппозиционеров. Я, Илюхов, Имяреков, Ефретов и ряд других заявили, что мы согласны с платформой объединенной оппозиции.

Как-то, когда я зашел к И. Т. Смилге по поводу занятий на нашем семинаре, он спросил меня, участвую ли я в чтении протоколов Пленума ЦК и какую позицию занимаю я и другие студенты. Я ответил. Мы еще немного поговорили о разногласиях в ЦК, и когда он вполне выявил мою позицию, пригласил меня к себе на квартиру. Предварительно спросил, с кем я особенно дружу, узнал, что с Илюховым, и предложил привести и его.

В назначенное время мы пришли к Смилге. Жил он тогда на углу Воздвиженки и Волхонки (ныне проспекты Калинина и Маркса), на пятом этаже дома, в котором расположена Приемная Верховного Совета СССР. В этом доме семьи И. Т. Смилги и его брата П. Т. Смилги занимали одну большую квартиру. Ивар Тенисович подробно расспросил нас о расстановке сил в парторганизации института, о количестве выявившихся оппозиционеров, об их выступлениях во время чтения протоколов пленума ЦК. С тех пор мы стали часто бывать у Смилги и постепенно вошли в круг его друзей.

На квартире у Смилги мы познакомились и часто встречались с К. Радеком, Х. Раковским, В. Трифоновым — постоянными его гостями. Нередко к Смилге заходили Л. Д. Троцкий, Г. Л. Пятаков, Е. А. Преображенский, А. К. Воронский. Бывали, но очень редко, и Зиновьев, и Каменев.

Познакомились мы и с братьями жены Смилги — Надежды Васильевны Полуян. Все они — старые большевики: Яков работал в Центросоюзе, Дмитрий был членом коллегии НКПС, Ян был раньше секретарем ВЦИК, Николай служил в Красной армии.

Из числа наших студентов, кроме меня и Илюхова, у Смилги бывали А. Бригис, Т. Имяреков, В. Карапетов. Из других помню командира авиации Мальцева, бывшего члена коллегии ОПТУ Иоселевича, Чеслава Козловского, Яна Строуяна. Многие из нас бывали у Смилги с женами, в том числе и я.

Собирались у Смилги обычно вечером. Говорили, главным образом, о животрепещущих политических вопросах, а их было при сталинском правлении больше чем достаточно.

Имя И. Т. Смилги в советской печати теперь замалчивается. В

живых осталось всего несколько человек, лично знавших его. Попытаюсь рассказать все, что мне известно об этом замечательном человеке.

Ивар Тенисович был прост, демократичен, одинаково обращался с людьми независимо от занимаемого ими положения. Исключительно интересный собеседник, он прожил богатую, насыщенную жизнь, и ему было о чем рассказать.

Родился И. Т. Смилга в 1892 году в Лифляндии (ныне Латвийская СССР), в семье фермера-землевладельца. «Отец и мать моя были вполне интеллигентные люди», — писал И. Т. в своей автобиографии, напечатанной в словаре Граната (см. 7-е издание, 41 т., III часть, статья «Союз Советских социалистических республик», раздел «Деятели СССР и Октябрьской революции»). «По своим политическим убеждениям, — писал далее Смилга, — отец мог бы быть отнесен к типу демократов-просветителей». В 1904–1905 годах отец Смилги принимал активное участие в революционной и политической жизни. «Мой отец левел одновременно с левением тогдашнего общества, — вспоминает в той же автобиографии И. Т., — и играл чрезвычайно видную роль в революционных событиях. В конце 1905 года, во время ликвидации волостных правлений, отец был избран председателем революционного распорядительного комитета в нашей волости. В 1906 году он был расстрелян карательной экспедицией царского правительства».

Интерес к политической жизни пробудился у Ивара Тенисовича рано. «Моя революционная совесть, — писал он там же, — была разбужена в 1901 году выстрелом Карповича в министра народного просвещения Боголепова». Правда, это не значит, что он этому выстрелу сочувствовал. «Как это ни странно, пишет он дальше, — несмотря на вполне либеральную и свободомыслящую обстановку в семье, лет 9-10 я придерживался весьма религиозно-монархических взглядов. Помню, что после убийства Боголепова в нашей семье было нечто вроде праздника, в котором только я один никакого участия не принимал».

Ивар Тенисович пишет, что 1901–1903 годы явились годами перелома в его сознании. Следует учесть, что в 1901 году ему было неполных 9 лет.

Под влиянием широко распространенного в Латвии социал-демократического движения Ивар Смилга в 12 лет становится «убежденным атеистом и сторонником революции». «В январе 1907 года, — писал И. Т., — будучи учеником реального училища, я вступил в социал-демократическую рабочую партию. В студенческие годы (1909–1910) окончательно сложилось мое марксистское мировоззрение».

Смилга изучает философские труды Плеханова, работы Ленина, и такие ленинские книги как «Что делать», «Шаг вперед, два шага назад» делают его активным сторонником большевизма, ленинских организационных принципов построения партии. Он полностью на стороне Ленина в борьбе против «отзовизма», «ликвидаторства», «богоискательства».

К 1907 году относится первое знакомство Смилги с полицией: перед празднованием 1 Мая его обыскали и на несколько часов задержали.

«Второй раз я был арестован в 1910 году в Москве, на Театральной площади, на студенческой демонстрации против смертной казни, связанной со смертью Л. Н. Толстого. После месячной отсидки я был выпущен. В 1911 году весной я вел нелегальную партийную работу в Лефортовском районе. В июле того же года был снова арестован и после трехмесячного сидения сослан в Вологодскую губернию на 3 года. Вернувшись оттуда в 1914 году, уже после начала войны, я немедленно вошел в Петербургский комитет РСДРП большевиков, в котором проработал до мая 1915 года, когда был снова арестован и сослан на 3 года в Енисейский уезд, откуда вернулся после Февральской революции».

Таков краткий перечень деятельности И. Т. Смилги с момента его вступления в партию и до Февральской революции, когда ему исполнилось 24 года.

В ссылке Смилга пробыл в общей сложности 5 лет, и, как для многих политических ссыльных, эти годы были для него годами серьезного образования. Он много читал: произведения русской и иностранной художественной литературы, серьезные философские, исторические, экономические труды. Вернувшийся в Петроград 24-летний Ивар Смилга был уже вполне сложившимся, образованным марксистом, способным к самостоятельной работе в любой сфере политической деятельности, хотя в те времена, как пишет он, «предстоящая партийная работа мне мыслилась преимущественно в пропагандистской деятельности».

На апрельской конференции 1917 И. Т. Смилгу избирают в состав Центрального Комитета партии, состоявшего тогда всего из девяти человек: Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Милютин, Ногин, Свердлов, Смилга и Федоров.

Современная история всячески затушевывает или вовсе замалчивает выдающуюся роль в Октябрьской революции Троцкого, Бухарина, Сокольникова и других оппозиционеров, в том числе, конечно, и И. Т. Смилги. Только в 5-м издании собрания сочинений В. И. Ленина упоминается о том, что

И. Т. Смилга был председателем областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, которому Ленин отводил особую роль в Октябрьской революции. В 34 т. этого издания напечатано и тогдашнее письмо Ленина Смилге. В печально известном «Кратком курсе» имя И. Т. Смилги, естественно, не упоминается вообще.

О чем же писал В. И. Ленин Смилге в сентябре 1917 года?

В августе 1917 года, когда власть в России еще находилась в руках Временного правительства, в Финляндии был избран Областной комитет Армии, Флота и рабочих Финляндии в составе 65 человек. Из них 37 были большевиками, 26 — левыми эсерами, 2 — меньшевиками-интернационалистами. Председателем комитет избрал И. Т. Смилгу.

27 сентября Ленин, находившийся тогда подпольно в Финляндии, пишет И. Т. Смилге письмо, проникнутое беспокойством по поводу пассивности партии в деле подготовки военных сил для восстания. Придавая большое значение тому, что войска и флот в Финляндии находятся под влиянием большевистской партии, Ленин рассматривал их как важнейший резерв для успешного осуществления восстания в Петрограде.

«История, — пишет он Смилге в письме от 27 сентября 1917 года, сделала коренным вопросом сейчас вопрос военный. Дальше о вашей роли. Кажется, единственное, что мы можем вполне иметь в своих руках и что играет серьезную военную роль — это финляндские войска и Балтийский флот. Я думаю, Вам надо воспользоваться своим высоким положением, свалить с себя на помощников и секретарей всю мелкую рутинную работу, не тратить времени на „резолюции“, а все внимание отдать военной подготовке войск + флота для предстоящего свержения Керенского». (ПСС В. И. Ленина, 5-е изд., т.34, стр. 264–265)

В этом же письме Ленин давал Смилге и другие указания: о пропаганде в казачьих частях, расположенных в Финляндии; о подготовке агитаторов из числа солдат и матросов, едущих в отпуск; о налаживании транспорта литературы из Швеции в Петроград и др. Особенно предостерегал В. И. Ленин против попыток Временного правительства вывести «неблагонадежные» войска из Финляндии. «…Мы ни в коем случае не можем позволить увода войск из Финляндии, это ясно. Лучше идти на все, на восстание, на взятие власти — для передачи ее съезду Советов». (Там же, стр.265)

Последнее замечание Ленина вызвано тем, что Временное правительство собиралось направить в Гельсингфорс карательный отряд для разоружения и вывода войск, отказывавшихся выполнять распоряжения Временного правительства.

Карательная экспедиция не состоялась: на отмене ее настоял меньшевистский ЦИК, опасавшийся гражданской войны. Но в тревожные часы, когда ожидалось наступление карателей, руководимый Смилгой Областной комитет привел в боевую готовность части 42-го корпуса в Выборге и полки Гельсингфорса. Тогда же Областной комитет обращается в Петроградский Совет с призывом к революционному пролетариату Петрограда:

«В грозный час нашего существования мы обращаемся к вам. Вы авангард революции, мы — ваш тыл. Петроградский пролетариат до сих пор мог быть спокойным. Охрана его тыла была в верных руках флота, армии и рабочих Финляндии. Правительство отдало приказ о выводе из Финляндии ряда революционных полков и о замене их неизвестными частями. Твоему тылу угрожает смертельная опасность. Против нашей воли мы можем выступать, тем самым поставить тебя перед фактом гражданской войны… Мы ждем вашего властного слова», — так заканчивал Смилга обращение к Петроградскому Совету.

Смилга, несомненно, осуществлял замысел Ленина. Когда было еще не ясно, как будет развиваться конфликт между Петроградским Советом, Временным правительством и Петроградским военным округом, Ленин намечал, в случае необходимости, подключить преданные большевикам военные силы, расположенные в Финляндии, для общего наступления на вооруженные силы Временного правительства. О том, что именно Смилге была поручена подготовка к осуществлению ленинского плана, свидетельствуют и приведенное выше письмо Ленина, и ряд документов, подтверждающих постоянные контакты со Смилгой Ленина, находившегося в то время в Финляндии. Так, в опубликованных в 1922 году воспоминаниях Густава Ровио, у которого осенью семнадцатого года жил в Гельсингфорсе Ленин, говорится, что о пребывании Ленина в Финляндии «из русских товарищей, проживавших в Финляндии, знал лишь И. Т. Смилга. Когда Владимир Ильич поселился у меня, он попросил привести к нему И. Т. Смилгу… Не помню, Шотман или Смилга рассказывал про пресловутое Демократическое совещание». Об этом пишет и сам И. Т. Смилга в комментариях к письму Ленина от 27 сентября 1917 года (впервые опубликовано в 1925 году в IV Ленинском сборнике). «Владимир Ильич в это время находился в Финляндии, — пишет Смилга. — …Я в то время часто встречался с Владимиром Ильичом, беседовал с ним о складывающейся обстановке и получал от него указания не только по работе в Финляндии, но и для всего ЦК. Я привез в Питер, например, знаменитое письмо Владимира Ильича об окружении

Александринки». А в 1919 году, вспоминая о роли гарнизона и флота Финляндии и Кронштадта в Октябрьской революции, Смилга писал: «План наш заключался в том, что если революционным рабочим и солдатам Петрограда не удастся сразу захватить весь город, то непременно должны острова и Выборгскую сторону… в таком случае борьбу должен решить я при помощи войск из Финляндии». (И. Смилга, «Историческая ночь», отрывок из воспоминаний, журн. «Красноармеец», №№ 10–15 за 1919 г.)

К слову сказать, с установкой Ленина, данной им в письме к Смилге по вопросу о выводе революционных войск из Финляндии, полностью совпадала установка, принятая неделю спустя руководимым Троцким Петросоветом по вопросу о выводе революционных войск из Петрограда.

Комплекс вопросов, связанных с подготовкой Октябрьского восстания, и в частности, вопрос об участии в ней войск и флота Финляндии, в нашей исторической литературе искажены и фальсифицированы. Так, в книге Антонова-Ракитина «Именем революции», изданной в [в рукописи пропуск — ред.] году, в очерке о В. А. Антонове-Овсеенко сообщается, что между Антоновым-Овсеенко и Дыбенко было условлено: в случае необходимости помощи Балтфлота Петроградскому гарнизону Антонов-Овсеенко пошлет следующую телеграмму: «Центробалт Дыбенко высылай устав Антонов».

Как обстояло дело на самом деле, ясно из воспоминаний И. Т. Смилги, опубликованных в 1919 году:

«Так как телеграф в Петрограде был в руках Временного правительства, то о начале борьбы меня должны были известить условной депешей. В 12 часов ночи 24 октября, с группой товарищей ужиная в знаменитом матросском клубе, я беседовал о событиях дня. В это время ко мне подошел один из товарищей, левый эсер Ковригин и сообщил, что в областном комитете на мое имя получена странная телеграмма: „Гельсингфорс Смилге присылай устав Свердлов“. „Что это значит?“ „Это значит, что в Петрограде началась борьба, что от нас требуют помощи“, — крикнул я ему и другим… Через 10 минут на военных судах, стоящих на рейде, появились огоньки. Это значило, что весть о восстании уже долетела. В три часа ушел первый эшелон, в 5 часов утра второй, уехало 1800 вооруженных бойцов, готовых помочь рабочим Петрограда свершить историческую миссию пролетариата, уехало на 300 человек больше, чем было условлено с Лениным и Свердловым. К приезду наших отрядов в Петроград там, в сущности, уже все было кончено. Матросы участвовали только при взятии Зимнего дворца». (Журн. «Красноармеец»,

№ 10–15, 1919 г.)

В воспоминаниях самого Антонова-Овсеенко, изданных в 1922 году, тоже говорится, что телеграмма была подписана Свердловым, а адресована И. Т. Смилге.

Каким же образом в книге «Именем революции» появилась сфальсифицированная телеграмма?

Автор использовал в ней воспоминания Антонова-Овсеенко, изданные в 1933 году, когда имя Смилги было запрещено упоминать в печати, и Антонов-Овсеенко поэтому вычеркнул его из своих воспоминаний.

В 1965 году издаются воспоминания того самого левого эсера А. И. Ковригина, о котором Смилга упоминает в своих воспоминаниях. Ковригин подтверждает, что телеграмма была направлена Свердловым и адресована Смилге. В том же 1965 году в «Известиях» (№ 163 от 13.7) кандидат исторических наук А. Совокин писал: «В 1927 году XV съезд ВКП(б) исключил И. Т. Смилгу как активного участника троцкистской оппозиции из партии. И тогда и Антонов (Овсеенко), и Дыбенко переделали телеграмму, вычеркнули и Свердлова, и Смилгу, вставив свои фамилии. Так был сфальсифицирован исторический документ».

Прочитав эту заметку, я подивился смелости и историка А. Совокина, и редактора «Известий». Но не надолго хватило их мужества! Через месяц с небольшим, в № 206 «Известий», я прочел заметку за подписью того же А. Совокина, в которой автор опровергал свои прежние утверждения. Фальсификаторы истории не хотели допустить, чтобы истина начала пробивать себе дорогу. Истина же заключалась в том, что именно И. Т. Смилга, член ЦК партии, был уполномочен Лениным подготовить расположенные в Финляндии войска к тому, чтобы выступить на помощь петроградскому восстанию.

После Октябрьской революции И. Т. Смилга остается в Финляндии и в качестве уполномоченного СНК принимает активное участие в финляндской революции. Затем, в течение всей гражданской войны, его деятельность как одного из выдающихся политических руководителей Красной армии неразрывно связана с военной борьбой Советской России на фронтах. Смилга становится членом Революционного Военного Совета Республики и первым начальником Политуправления армии и флота. Центральный Комитет партии направлял его на все фронты: на Восточный, где он вместе с С. С. Каменевым руководил разгромом Колчака; на Южный, где он, входя вместе с М. Н. Тухачевским в Военный совет фронта, возглавлял борьбу против Деникина; на Кавказский, где Красная армия, руководимая Тухачевским, Смилгой и Орджоникидзе, освободила

Грузию, Армению и Азербайджан; на Северо-Западный, куда он был переброшен вместе с Тухачевским, чтобы разгромить белополяков. Последний фронт, в котором И. Т. Смилга участвовал в качестве члена Военного совета, был Врангелевский.

После окончания гражданской войны партия направляет И. Т. Смилгу на хозяйственную работу — на самый боевой и самый сложный тогда участок мирного строительства: восстановление топливной промышленности (отсутствие топлива было причиной паралича промышленности, транспорта и городского хозяйства). Смилга назначается начальником главного управления топливной промышленности и первым заместителем председателя Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ), председателем которого в то время был Богданов.

Начиная с апрельской конференции 1917 года вплоть до XIV съезда И. Т. Смилга на всех съездах, кроме X-го, избирался в состав Центрального Комитета.

…После июльского пленума ЦК 1926 года я и Илюхов (а после отхода летом 1927 года Илюхова от оппозиции — я и Трофим Имяреков) стали постоянными посетителями Смилги. Не реже, чем два раза в неделю мы собирались на квартире Ивара Тенисовича и располагались в его кабинете. Каждый из нас рассказывал о событиях в наших парторганизациях за прошедшие дни, о новостях, рассказанных нам оппозиционерами из других ячеек заводских, студенческих и учрежденческих. Потом Ивар Тенисович сообщал нам о том, что произошло в верхах партии — в ЦК, ЦКК и Коминтерне — и в других городах.

Иногда Ивар Тенисович рассказывал нам различные эпизоды из внутрипартийного прошлого, рассказывал и о своих взаимоотношениях с Троцким, Зиновьевым, Каменевым и другими лидерами партии. В частности, он рассказал нам историю своих взаимоотношений с Л. Д. Троцким во время гражданской войны.

В 1919 году, когда армия Колчака подошла к Волге, а Деникин — к Орлу, Политбюро созвало военное совещание, в котором участвовали все руководители Реввоенсовета Республики, командующие и члены военных советов фронтов. Председательствовал на совещании В. И. Ленин. Речь шла о том, какова должна быть ближайшая стратегия Красной Армии. Л. Д. Троцкий и главком Вацетис считали, что обеспечить одновременное наступление на Восточном и Южном фронтах сейчас невозможно. Они предлагали сосредоточить главные силы против Деникина, для чего направить на Южный фронт все пополнения и материальные ресурсы, а также перебросить туда часть дивизий с Восточного фронта. И. Т. Смилга и командующий

Восточным фронтом С. С. Каменев, наоборот, считали основным Восточный фронт, и предлагали направить основной удар против Колчака, сосредоточив для этого все новые войсковые части и материальные ресурсы. Они, в свою очередь, предлагали перебросить две-три дивизии, наоборот, с Южного на Восточный фронт.

После длительного и детального обсуждения этих двух диаметрально противоположных планов Политбюро приняло предложение Смилги и С. Каменева и возложило на них ответственность за осуществление всех оперативных планов нанесения главного удара белым армиям на Восточном фронте. Одновременно по предложению И. Т. Смилги на посту главкома Вацетиса заменил С. С. Каменев. Л. Д. Троцкого было решено временно направить на Южный фронт.

Сам Л. Д. Троцкий в своей книге «Моя жизнь» следующим образом изложил эту историю:

«Первый острый спор возник в Центральном Комитете летом 1919 года, в связи с обстановкой на восточном фронте… Вацетис считал, что после первых наших крупных успехов против Колчака нам не следует зарываться слишком далеко на восток по ту сторону Урала. Он хотел, чтобы Восточный фронт зазимовал на горном хребте. Это должно было дать возможность снять с востока несколько дивизий и перебросить их на юг, где Деникин превращался во все более серьезную опасность. Я поддерживал этот план. Но он встретил решительное сопротивление со стороны командования Восточным фронтом С. С. Каменева и членов Военного Совета Смилги и Лашевича, старых большевиков. Они заявили: Колчак настолько разбит, что для преследования его нужно немного сил: главное не давать ему передышки, иначе он за зиму оправится… В оценке врага Колчака правота была на стороне командования Восточного фронта.

Этот конфликт привел к смене Главного командования. Вацетис был уволен, его место занял Каменев.» (стр. 185–186)

Но позже, когда армия Колчака была отброшена за Урал, В. И. Ленин вызвал Смилгу и сказал ему:

— Товарищ Смилга, вы понимаете, что заменить Троцкого на посту председателя Реввоенсовета вы не можете. Операция по разгрому Колчака в основном закончена. Поезжайте на Южный фронт и освободите место Троцкому. И учтите, что Троцкий сильнее вас в партии, и может сложиться такая ситуация, при которой он захочет нанести вам ответный удар…

Такая ситуация, по словам И. Т., сложилась в 1920 году, когда войскам Северо-Западного фронта, которыми командовал М. Н. Тухачевский (а членом Военного совета фронта был

И. Т. Смилга) белополяки нанесли тяжелый удар под Варшавой, после чего началось отступление частей Красной армии. Известно, что по настоянию Сталина командование Юго-Западного фронта (командующий фронтом Егоров, член Военного совета Сталин) не выполнило указаний ЦК партии и Реввоенсовета Республики о переброске на Северо-Западный фронт трех армий, в результате чего Польша в решающий момент получила перевес.

Генерал А. И. Тодорский в своих воспоминаниях о маршале Тухачевском так описывает эту историю:

«5 августа пленум ЦК партии одобрил предложение Реввоенсовета республики о передаче в распоряжение Западного фронта 1-й Конной, 12-й и 14-й армий с Юго-Западного фронта. Однако передача этих армий по вине Реввоенсовета Юго-Западного фронта (главным образом члена РВС Сталина) затянулась до 20-х чисел августа, тогда как 16–17 августа противник перешел в контрнаступление, и Варшавская операция уже закончилась для нас неудачей. Наша армия вынуждена была отступать». (А. И. Тодорский. «Маршал Тухачевский». М.1963, стр.66)

Все верно. Требуется только одно уточнение: в срыве наступления на Северо-Западном фронте Сталин был виноват не «главным образом», а целиком. Ибо командующий фронтом Егоров настаивал на срочном выполнении приказа РВС, а член Политбюро и член Военного совета фронта Сталин отклонял его.

В книге «Моя жизнь» Л. Д. Троцкий объяснил, в чем состояла подлинная причина провала Варшавской операции, и «какая оценка была дана ЦК всему этому делу»:

«…Но и на нашей стороне, вместе с первыми крупными успехами, обнаружилась переоценка открывающихся перед нами возможностей. Стало складываться и крепчать настроение в пользу того, чтобы война, которая началась как оборонительная, превратилась в наступательную революционную войну…»

«Оценка Мархлевского (в отношении настроения польских рабочих и крестьян) вошла важным элементом в мое стремление как можно скорее выйти из войны… Во всяком случае у Ленина сложился твердый план… вступить в Варшаву, чтобы помочь польским рабочим массам опрокинуть правительство Пилсудского и захватить власть… Я решительно воспротивился этому. Поляки уже просили мира… Мы прошли мимо собственной победы — к тяжелому поражению. Ошибка стратегического расчета в польской войне имела огромные политические последствия. Польша Пилсудского вышла из войны неожиданно укрепленной. Наоборот, развитию польской

революции был нанесен жестокий удар… Ленин, разумеется, лучше всякого другого понимал значение „Варшавской“ ошибки и не раз возвращался к ней мыслью и словом». (стр. 190–192)

И. Т. Смилга рассказывал нам, как по-разному вели себя Троцкий и Сталин в этом деле.

Узнав, что Л. Д. Троцкий по поручению Ленина выезжает на Западный фронт, Смилга подумал: «Вот теперь он припомнит мне девятнадцатый год!». Троцкий приехал. Смилга и Тухачевский встречали его на перроне. И, взглянув на И. Т. Смилгу, Троцкий сразу все понял.

— Ивар Тенисович, — сказал он, — вы думаете, что я использую создавшееся положение, чтобы отомстить вам? Как же плохо вы меня знаете!

Действительно, ни Троцкий, ни Ленин, ни ЦК не винили в создавшемся положении командование Северо-Западного фронта — они знали, что виновником его являются Сталин и ошибочная тактика ЦК.

Сталин же всячески пытался свалить ответственность за провал Варшавской операции на Тухачевского и Смилгу. На IX партконференции Л. Д. Троцкий сказал: «Тов. Сталин говорит, что Реввоенсовет Западного фронта подвел ЦК. Я говорю, что этому есть оценка ЦК. Тов. Сталин представил дело так, что у нас была идеально правильная линия, но командование подводило нас, сказав, что Варшава будет занята такого-то числа. Это неверно». (Протоколы IX конференции, изд. 1970 г., стр.77). Известно, что и В. И. Ленин в своей речи на IX партконференции заявлял о пристрастном отношении Сталина к Смилге и Тухачевскому. К сожалению, ни стенограмма речи Ленина, ни та оценка, которую ЦК, по словам Троцкого, дал всему этому делу, не опубликованы, кроме той оценки, которая была дана Троцким в его воспоминаниях.

Сталин во взятом в конце заседания слове «по личному вопросу» заявил, что обвинение Лениным его, Сталина, в пристрастии к командованию Западного фронта «не соответствует действительности». Но теперь хорошо известно, что даже после того, как Сталин сумел избавиться и от Троцкого, и от Тухачевского, и от Смилги, он в «Кратком курсе» взвалил на них ответственность за поражение на Польском фронте, причиной которого — во всяком случае — был он сам.

Почему Сталин не выполнил указания ЦК? Почему он не послал на Западный фронт три требовавшиеся армии? По мнению Ивара Тенисовича, которое он высказывал в беседе с нами, — только из-за своего непомерного честолюбия. Он хотел нанести поражение польской армии «своими» войсками, войсками Юго-

Западного фронта, и присвоить себе всю славу победы. Теперь, когда мы знаем, что честолюбие приводило Сталина к еще большим преступлениям, можно не сомневаться, что И. Т. Смилга был прав.

И хотя основной причиной провала польской кампании Троцкий считал ошибочную тактику ЦК, задержка Сталиным отправки трех армий на Северо-Западный фронт оказала резко отрицательное влияние на ход войны с Польшей.

Рассказывал нам Ивар Тенисович и об отношениях между Лениным и Троцким. Он говорил, что Владимир Ильич относился к Троцкому с большим уважением, считал его выдающимся стратегом, а в последнее время, когда они особенно сблизились, прочил его в свои заместители. Он нередко принимал перспективные наметки Троцкого при решении вопросов в Политбюро и нередко подчеркивал, что Л. Д. далеко видит прекрасно, но иногда ему не хватает уменья увязать далекую перспективу с сегодняшними задачами. Сам В. И. Ленин, по словам Смилги, обладал обоими этими качествами. Зиновьев же, наоборот, в совершенстве обладал даром сегодняшнего, «сиюминутного», но был лишен способности заглядывать вперед. Когда возникла объединенная оппозиция, в оппозиционном центре (это тоже со слов И. Т. Смилги) сложилось даже своеобразное разделение труда: Л. Д. Троцкий делал анализ международного и внутреннего положения СССР и намечал перспективы оппозиции, а Зиновьев увязывал эти перспективы с сегодняшними задачами оппозиции.

У Л. Д. Троцкого был еще один недостаток, о котором с огорчением говорил Смилга. Если В. И. Ленин умел слушать и выслушивать самых разных людей, то Троцкий этого совершенно не умел. Поэтому ему не всегда удавалось прощупывать биение пульса политической жизни. Единомышленники Льва Давидовича не раз старались восполнить этот недостаток. Например, шла речь о непопулярности некоторых лозунгов оппозиции. Соратники Троцкого говорили ему об этом, пытались свести его с некоторыми передовыми рабочими, которые хотели ему рассказать, что думают рабочие об этих лозунгах. Но из этого, как правило, ничего не выходило. Троцкий принимал их у себя хорошо, по-дружески, но — до конца не дослушивал и начинал говорить сам.

…Борьба внутри партии становилась все острее. Сталинская группировка всеми средствами старалась преградить оппозиции путь к массам. Оппозиция, стремясь, в свою очередь, приблизиться к массам, стала прибегать к нелегальной пропаганде. В ответ на это ЦК усилил репрессии.

Одной из таких репрессий была «почетная ссылка» И. Т. Смилги на Дальний Восток, куда ЦК направил его председателем Экономсовета. 9 июня 1927 года с Ярославского вокзала уходил поезд, которым уезжал Ивар Тенисович. Провожать его пришло множество оппозиционеров, в том числе Л. Д. Троцкий, выступивший с речью, в которой указал на отправку Смилги из Москвы как на пример расправы с оппозицией.

Крайней остроты борьба достигла 7 ноября 1927 года. Во время демонстрации ряд ведущих оппозиционеров выступали с балконов домов, устраивали летучие митинги на улицах. Из окна квартиры И. Т. Смилги было выброшено красное знамя с лозунгом, направленным против ЦК партии. Работники ГПУ выломали двери, ворвались в квартиру, сорвали знамя и унесли его. Г. Е. Зиновьев в Ленинграде и Л. Д. Троцкий в Москве выступали на улицах, разъясняя свою платформу. В одном месте работники ГПУ окружили Троцкого и стали оттеснять его от машины, но Н. И. Муралов, человек большой физической силы, оттолкнул их и на руках внес Троцкого в машину.

14 ноября 1927 года, накануне XV съезда партии, пленум ЦК и ЦКК исключил Л. Д. Троцкого из партии. Не дождались съезда, на котором исключение их все равно было обеспечено, конечно, для того, чтобы не дать им возможности участвовать в предсъездовской дискуссии и выступать на съезде.

Все остальные ведущие оппозиционеры, подписавшие платформу объединенного блока, были исключены из партии решением съезда. Были приняты жесткие условия для восстановления в партии оппозиционеров, и главное из них — отказ от своих взглядов.

Зиновьев, Каменев и их сторонники согласились принять продиктованные условия капитуляции. Троцкий и его единомышленники соглашались признать ошибочность фракционной борьбы, но категорически возражали против требования отказаться от своих взглядов. Дискуссии по этому поводу среди членов оппозиционного центра происходили на квартире И. Т. Смилги, в его кабинете, за большим столом, по одну сторону которого сидели зиновьевцы, по другую троцкисты. Мы с Имярековым и Бригисом в это время сидели в соседней комнате и ждали результатов совещания. И. Т. Смилга (он, конечно, примчался с Дальнего Востока) время от времени выходил к нам и коротко сообщал, о чем говорят в кабинете. Однажды, после выступления Л. Д. Троцкого, Ивар Тенисович, выйдя к нам, с восхищением сказал:

— Какая фигура!

Совещание, на котором произошел разрыв, окончилось. Все его участники, за исключением К. Б. Радека и Х. Г. Раковского, разошлись. Надежда Васильевна, жена Смилги, пригласила всех оставшихся к столу, за которым разговор шел, конечно, о только что закончившемся совещании. Особенно возмущались Г. Е. Зиновьевым. Смилга заявил, что сегодняшнее поведение Зиновьева и Каменева напоминает ему их поведение в Октябре 1917 года. Радек и Раковский согласились с этим.

Вскоре после окончания XV съезда начались массовые аресты оппозиционеров. 19 декабря 1927 года съезд принял резолюцию об исключении оппозиции из партии, а уже через несколько дней И. Т. Смилгу вызвали в ГПУ и объявили ему постановление Особого совещания об осуждении на 3 года ссылки в село Колпашево Томской области. Дали три дня на сборы и устройство личных дел.

В день отправки в ссылку на квартире Ивара Тенисовича было много людей. Из крупных деятелей помню Л. Д. Троцкого, Х. Г. Раковского, К. Б. Радека. Были Б. Мальцев, Т. Имяреков, Т. Ривош, я и другие товарищи. Вещи мы помогли собрать и упаковать еще днем, в том числе и довольно приличную библиотеку.

Вечером пришла легковая машина с конвоем. Пока грузились вещи, все прощались с Иваром Тенисовичем. Дети — Таня и Наташа — были лихорадочно возбуждены. Помню, как Наташа, простившись с отцом, прибежала в столовую, быстро осмотрела всех и вдруг бросилась к стоявшему у буфета Льву Давидовичу. Видимо, ребенок в своей тоске и тревоге инстинктивно почувствовал в нем самого сильного и спокойного человека. Лев Давидович положил руку на ее головку, прижал ее к себе, и она чуть успокоилась.

Незадолго до ареста Ивар Тенисович попросил нас с Имярековым разобрать и привести в порядок его личный архив, с тем чтобы надежно упрятать его. Так как Д. Б. Рязанов не участвовал в оппозиции, архивы всех крупных деятелей оппозиции, кроме архива Л. Д. Троцкого, были спрятаны в его институте.

Дома у Смилги архив хранился в громадном, окованном железом сундуке, стоявшем за дверью его кабинета. Сундук был до краев полон бумагами, и когда мы принялись их разбирать, мы увидели, что почти все эти бумаги имеют громадную историческую ценность. Здесь было много писем и телеграмм Ленина (в том числе и на Западный фронт), и ленты переговоров по прямому проводу с Лениным, Троцким, Склянским и другими, и переписка с Троцким, и приказы Реввоенсовета Республики и

РВС фронтов. В сундуке мы нашли и золотое оружие, подаренное Ивару Тенисовичу, кажется, эмиром бухарским.

Среди бумаг мы нашли большой, нераскрытый, покрытый сургучными печатями конверт. Мы показали его И. Т. Смилге. Он сначала с недоумением посмотрел на пакет, потом стал вспоминать — и вспомнил. Оказывается, в 1919 году Белобородов, приехав с Урала, остановился у Ивара Тенисовича и, уезжая на фронт, оставил пакет, прося сохранить его. В пакете, по его словам, находились документы о казни Николая Романова и его семьи. С тех пор прошли годы, и оба — и Смилга, и Белобородов — забыли об этом историческом пакете. В 1927 году И. Т. отдал его Белобородову — но куда он делся?

Колпашево, где отбывал ссылку Смилга, было место сырое. В гражданскую войну у Ивара Тенисовича открылся туберкулезный процесс в легких. По окончании гражданской войны И. Т. Смилгу по предписанию врачей и по предложению Ленина послали в Германию, где его подлечили. Надежда Васильевна боялась, что в Колпашеве начнется рецидив туберкулеза и пошла на прием к начальнику ГПУ Менжинскому с просьбой переменить И. Т. место ссылки на район с более сухим климатом, Минусинск.

Менжинский отказал, заявив, что место ссылки определено Политбюро, и он не может менять его по своему усмотрению. Вернувшись, Надежда Васильевна в соответствующих выражениях отозвалась о Менжинском. Она рассказала нам, что в предоктябрьские дни была связной у Ленина и хорошо знала Менжинского, а Ивар Тенисович как-то даже оказал ему большую услугу.

В конце концов И. Т. Смилгу все-таки перевели в Минусинск: Надежда Васильевна обратилась со своей просьбой к Сталину, и тот дал соответствующее распоряжение.

Летом 1929 года Смилга, Радек и Преображенский подали в ЦК заявление об отходе от оппозиции. Осенью того же года я присоединился к «заявлению трех» и тоже вернулся в Москву (я, конечно, тоже был в ссылке, но об этом ниже).

Вскоре после моего возвращения я увиделся с И. Т. Смилгой. Он сначала жил в той же квартире — только во время его ссылки у семьи его забрали одну комнату, бывший кабинет, где поселилась некая, как выражался Радек, «баронесса» — красивая женщина из так называемых «бывших». Но вскоре ему, тоже вместе с братом, предоставили такую же большую квартиру в «Доме правительства», на набережной (где кинотеатр «Ударник»). Назначили его заместителем председателя Госплана, председателем которого оставался тот же Г. М. Кржижановский, с которым он работал еще при Ленине.

Сразу же он занялся разработкой контрольных цифр на 1929/30 годы. Помню, как был он доволен, когда принес домой хорошо оформленную книгу «О контрольных цифрах на 1929/30 годы». Доволен он был своим детищем, как он объяснил нам, главным образом потому, что удалось хорошо сбалансировать все показатели народно-хозяйственного плана. Скоро, однако, ему пришлось горько разочароваться.

В декабре 1929 года начали пересматривать план коллективизации деревни. И чем шире становился размах коллективизации, чем быстрее захватывала она новые районы, чем круче применялись раскулачивание, выселение и принудительное вовлечение крестьян в колхозы, тем мрачнее становился Ивар Тенисович.

Контрольными цифрами пятилетнего плана предусматривалась самая первичная форма коллективизации — товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ). Решением ЦК была принята для внедрения уже другая форма — артель. Но фактически в процессе коллективизации обобществлялось все: не только производственный инвентарь и рабочий скот, как предусматривалось Положением о сельскохозяйственной артели, но и весь скот, включая единственную корову и даже кур и уток.

Каждый раз при встрече Ивар Тенисович рассказывал, с какими извращениями проводится коллективизация. Он становился все мрачнее, стал поговаривать о том, что наш отход от оппозиции был ошибкой — он только придал Сталину самоуверенности и спеси. Политика Сталина приведет к пагубным последствиям и в деревне, и в городе, говорил Смилга. Он возмущался совершенно нечеловеческой политикой раскулачивания, о котором партия и Ленин никогда не думали. Он рассказывал нам, как проходят раскулачивание и выселение на практике, в каких гиблых местах помещают кулаков и их семьи, как под видом кулаков выселяют и середняков, и бедняков, называя их «подкулачниками» и нередко сводя с ними личные счеты. Волнуясь, он говорил о большом числе смертных случаев во время транспортировки кулацких семей в Сибирь и на поселении там зимой, без теплой одежды, без заготовленного жилья и даже без времянок.

А потом, переходя уже от гуманных соображений к хозяйственным, Смилга-экономист с горечью говорил о том, во сколько обошлась народному хозяйству страны нелепая политика сталинской коллективизации. Помню почти буквально: «Потери скота в ценностном выражении, происшедшие от принудительной коллективизации, — говорил Смилга, — превзошли по своему эквиваленту весь прирост основных средств за годы первой

пятилетки».

И. Т. Смилга говорил, что среди старых большевиков растет недовольство сталинской политикой в области индустриализации и коллективизации, что в рабочих массах растет недовольство последствиями коллективизации недостатком продовольствия в стране, введением карточной системы, ростом цен на промышленные и продовольственные товары, а отсюда — резким снижением уровня реальной заработной платы. Он не раз повторял, что нелепая экономическая политика Сталина ничего общего не имеет с марксизмом и ленинизмом и напоминал о разумной экономической политике, предложенной оппозицией XV съезду в своей платформе.

Недовольство политикой Сталина было уже ощутимым. Отрицательное отношение ряда руководящих и партийных деятелей, критические высказывания бывших оппозиционеров, открытые выступления крестьян против Советской власти, протесты рабочих, вылившиеся в некоторых местах в забастовки, — все это испугало Сталина. Боясь, как бы все эти потоки не соединились и не опрокинули его власть, он стал принимать меры. Прежде всего эти меры обратились, конечно, против бывших оппозиционеров. Под разными предлогами их стали переводить из Москвы, Ленинграда, Киева и других крупных городов в провинцию. Так были переселены Зиновьев, Каменев и другие. И. Т. Смилга был направлен в Ташкент, председателем среднеазиатской Экономкомиссии.

Меня и Арвида Бригиса под видом мобилизации на черную металлургию отправили из Москвы в Днепродзержинск.

Больше я не видел Ивара Тенисовича. Только от отдельных товарищей, встречавшихся в лагерях и ссылках, и позже, после освобождения, приходилось мне услышать редкие вести о нем.

…После убийства Кирова начались массовые аресты. В конце 1934 года арестовали Таню Ривош, но после вмешательства Димитрова освободили (Таня была женой болгарского коммуниста Степанова). Таня рассказала, что ее допрашивали об антипартийной деятельности Смилги. В январе 1935 года Смилга был уже арестован, и вскоре его отправили в Верхне-Уральский изолятор, где содержались бывшие меньшевики, эсеры и коммунисты-оппозиционеры. В одной из камер Верхне-Уральского изолятора сидел в то время сын старого большевика Емельянова, с помощью которого скрывались в 1917 году в Разливе В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев. Емельянов и рассказал впоследствии дочери Смилги Наташе кое-что об Иваре Тенисовиче.

Тогда администрация изолятора еще держалась с

политическими заключенными подчеркнуто вежливо. И. Т. Смилгу по прибытии спросили, с кем он хочет сидеть в камере: с разоружившимися или с ортодоксальные троцкистами. Ивар Тенисович выбрал разоружившихся. Но когда на следующий день камеру вывели на прогулку, один из сокамерников Ивара Тенисовича перехватил брошенную каким-то заключенным из форточки в прогулочный двор записку и передал ее охраннику. Возмущенный Ивар Тенисович тут же потребовал начальника тюрьмы и заявил ему:

— Переводите меня немедленно к ортодоксальным. Переведите меня куда хотите — к меньшевикам, эсерам, монархистам — но с этими подлецами я сидеть не желаю…

Этот случай сын Емельянова, присутствовавший при этом, рассказал впоследствии дочери И. Т. Смилги — Наталье Иваровне, той самой Наташе, которую когда-то, в день отправки отца в ссылку, успокаивал Л. Д. Троцкий… Емельянов рассказывал ей (теперь ее нет уже в живых), что и этот случай, и все поведение И. Т. Смилги в тюрьме вызывало глубокое уважение заключенных.

Дочерей И. Т. Смилги, 15-летнюю Таню и 13-летнюю Наташу, приютила старшая сестра их матери Серафима Васильевна Полуян, член партии с 1903 года, по недосмотру, что ли, ГПУ уцелевшая от ареста. Все остальные члены семьи жена Смилги Надежда и ее четыре брата, все старые большевики, были арестованы и уничтожены. Обеих дочерей аккуратно арестовывали, как только им исполнялось 18 лет и отправляли в лагерь как ЧСВН («член семьи врага народа»). Таня и Наташа были реабилитированы и вернулись в Москву только в 1955 году, когда первой было 36 лет, а второй — 34 года.

Ни И. Т. Смилгу, ни Е. А. Преображенского не осмелились вывести на открытый процесс. Очевидно, несмотря на пытки и издевательства, сломить их не удалось, и они отказались участвовать в кровавом спектакле, срежиссированном Ягодой и Вышинским под руководством Сталина. Их — Смилгу и Преображенского просто застрелили во внутренней тюрьме ГПУ.

16. Оппозиционный блок

а) Образование блока

…Вспоминая о периоде образования объединенного блока, хочу прежде всего рассказать о нашей институтской оппозиционной группе.

В Плехановском институте была очень крепкая в идейном отношении и мощная количественно оппозиционная группировка. Входило в нее человек 200–250, среди которых были студенты всех трех факультетов — экономического, технологического и электротехнического. Из наиболее активных оппозиционеров назову Н. И. Ефретова, М. А. Абрамовича, Т. Имярекова, А. Бригиса, П. Поддубного, К. В. Трофимова, А. Оганесова, Я. Кагановича, В. Карапетова, Н. К. Илюхова (до 7 ноября 1927 года), Шабхи, Д. Кучина, П. Венцкуса, Говендо, Г. Либерзона, Б. Рудницкого, Фомичева, В. Е. Мишина. Можно было бы назвать и многих других. Мы вели активную оппозиционную деятельность не только внутри института, но и в заводских ячейках Замоскворецкого района, разъясняя рабочим-партийцам суть разногласий между большинством и оппозицией. Нашей пропагандой были охвачены прежде всего передовые, мыслящие рабочие почти всех крупных фабрик и заводов Замоскворечья.

Секретарем нашей оппозиционной студенческой организации мы избрали Василия Егоровича Мишина. Одним из самых авторитетных в Плехановке оппозиционеров был студент того же организационно-хозяйственного отделения, на котором учился и я, — Николай Иванович Ефретов.

Ефретов, человек очень талантливый, образованный марксист, со страстью отдававшийся философским и экономическим наукам, обладал неутомимой энергией и вкладывал, что называется, душу в борьбу против сталинской бюрократии.

В отличие от нынешних студентов, все мы были люди взрослые, с немалым жизненным и политическим опытом, побывавшие на фронтах, на партийной, хозяйственной, профсоюзной работе. Тот же Ефретов до поступления в институт работал председателем Центрального комитета профсоюза работников связи. На одном курсе с ним учился подававший большие надежды в теоретическом отношении М. А. Абрамович — тоже активный оппозиционер. Вообще, нисколько не преувеличивая из пристрастия к бывшим товарищам, могу

сказать, что среди оппозиционеров в Плехановке было немало интересных, способных и даже талантливых людей.

Вероятно, были такие и среди сторонников большинства. Но знал я их хуже и беспристрастием, честно говоря, не отличался. Должен однако сказать, что учившиеся в то время на одном отделении с нами Суслов и Большаков ни особенными способностями, ни особыми успехами в борьбе с оппозицией не отличались, а были скорее середнячками. Видимо, именно это помогло им выдвинуться в сталинские времена и стать одному — министром кинематографии, а другому — секретарем ЦК и ныне даже членом Политбюро. К большинству примыкали все послушные, все не решающиеся самостоятельно мыслить, все голосующие по директивам. В оппозицию — и на заводах, и в институтах — шли люди идейные, отдававшие себе отчет, с какими опасностями связана принадлежность к оппозиции.

В период обострения внутрипартийной борьбы оппозиция проводила свои фракционные собрания. Проводила их и наша оппозиционная парторганизация Плехановки. На такие собрания мы приглашали докладчиками Радека, Раковского, Преображенского и других. Помнится, чаще всего такие собрания устраивались на квартире Зины Васильевой, бывшей жены Г. Л. Пятакова, или на квартире студента В. Карапетова.

Наша оппозиционная институтская организация активно участвовала в издательской деятельности оппозиции, выделяя студентов для работы на ротаторах, шапирографах и других множительных аппаратах. Таким образом печаталась подпольная литература, написанная вождями оппозиции, а также документы центральных органов партии, скрытые от партийных масс и добытые нелегальным путем.

Вся эта деятельность — организационная, пропагандистская, издательская — проводилась сознательно, делалась принципиальными людьми. Если многие сторонники большинства (и в рабочих, и в вузовских ячейках) зачастую совершенно не были информированы о всех перипетиях внутрипартийной борьбы, не знали многих документов, в том числе и писем Ленина, не очень-то разбирались в существе разногласий, то совершенно иначе обстояло дело с оппозицией. Сторонников большинства было неизмеримо больше — при голосовании. Но зато каждый оппозиционер был политическим бойцом. Пассивных оппозиционеров не было. Сторонники оппозиции, как правило, все принимали активное участие в борьбе, каждый из них был личностью — с самостоятельным политическим мышлением, выкованным в острой политической борьбе. Примерно так же обстояло дело и в Плехановке:

подавляющая часть сторонников большинства играла роль голосующей машины, а оппозиционеры были политическими деятелями, среди которых многие обещали стать выдающимися.

Несомненным оказалось и моральное превосходство оппозиционеров. Несмотря на усиленные попытки ГПУ разлагать оппозиционные организации изнутри, засылая в них своих провокаторов и агентов, случаи провалов у нас были очень редки. Идейность и преданность членов оппозиции сильно ограничивала возможность проникновения ГПУ в тайны оппозиционного подполья.

А опыт у ГПУ в этом отношении был большой. Разложением политических противников путем проникновения в их ряды или вербовки среди них своих агентов аппарат ВЧК-ОГПУ занимался с самого начала своего возникновения.

Но мы тоже кое-что об этом знали. Среди оппозиционеров были люди, ранее работавшие в органах ВЧК-ОГПУ и изгнанные из них в 1926–1927 гг. Были и такие, кто скрывал свою принадлежность к оппозиции и продолжал работать в аппарате ГПУ, тайно помогая нам (с этими, в случае провала, расправлялись особенно жестоко). Бывшие чекисты рассказали нам, что для узкого круга своих ответственных работников ГПУ издало ряд книг, обобщающих опыт проникновения агентов в партии кадетов, меньшевиков, эсеров, монархистов и в ряды церковников. Они рассказывали, что деятельность всех партий, действовавших в СССР подпольно, парализовалась большим количеством агентов ЧК. Доходило до того, что из каждых трех подпольщиков один-два были агентами завербованными или подосланными.

Еще легче, казалось, было сделать это в отношении оппозиции. Все оппозиционеры еще недавно были или продолжали оставаться членами большевистской партии, все были связаны с ней многочисленными историческими, личными, политическими и психологическими связями. Кроме того, мы были заинтересованы в расширении своих рядов, в привлечении на свою сторону членов партии — и не могли же мы в каждом пришедшем к нам коммунисте подозревать агента ГПУ. Да и не только ГПУ засылало к нам агентов. Контрольные комиссии Московской и других партийных организаций специально выделяли членов партии, поручая им ходить на подпольные собрания, выдавая себя за оппозиционеров.

Оппозиция старалась тщательно изучать пополнение через своих проверенных функционеров, которые до поры до времени не допускали новых оппозиционеров к секретам. Обнаруженным провокаторам объявлялся бойкот, и их широко разоблачали в тех

коллективах, где они работали.

Для пережитой нами эпохи характерна судьба тех, кто, выполняя поручения партийных органов, выдавали себя за оппозиционеров, а по существу являлись агентами-соглядатаями, донося руководящим парторганам о деятельности оппозиции. Как правило, они все были арестованы в 1936–1937 годах и получили такие же сроки, как и настоящие оппозиционеры. Ибо бывшие оппозиционеры, отходя от оппозиции, в основном давали «чистосердечные показания» о своей фракционной деятельности и на следствии перечисляли фамилии всех, кто присутствовал на фракционных собраниях. Так что кто тут вел себя хуже, трудно сказать. Мне приходилось встречаться в лагерях с такими «оппозиционерами». Все они гораздо хуже переносили заключение, чем мы, непрерывно писали протесты и заявления во все инстанции, включая Сталина, и все получали стереотипные отказы.

…Все мы, оппозиционная молодежь, как всякая молодежь, на дружеских встречах и вечеринках любили петь. После революции и в начале двадцатых годов мы пели преимущественно старые революционные и военные песни. Теперь, в годы внутрипартийной борьбы, у нас появились свои самодеятельные поэты, сочинявшие песни, направленные против бюрократизма и карьеризма, против сползания руководства партии на позиции национализма и автократии. Переделывали соответствующим образом популярные песни, писали тексты на известные арии. Так к распевавшейся всюду песне «Кирпичики» кто-то из оппозиционеров приделал новый конец:

…Стал директором, управляющим
На заводе товарищ Семен.
Бюрократом стал, прижимающим,
Не глядит на рабочего он.
День-деньской сидит в кабинетике,
А в цеха не покажет и нос,
Прикрывается партбилетиком,
На рабочих глядит, как барбос.
Станешь плакаться на собрании,
Так пришьют моментально уклон.
«Разгильдяи вы и прогульщики!»
Заявляет товарищ Семен.
За билетиком, за талончиком
Измотался я в жизни в конец…
Говорила нам оппозиция,
Что словам только верит глупец.

Не на мастера, на директора,
А повыше прицел надо брать.
Так за критику, за политику
Поднимайся, рабочая рать!

Так и не знаю я, кто автор слов этой бесхитростной песни, отразившей настроения многих рабочих и пролетарской интеллигенции. Любили мы в Плехановке распевать такие песни. Особенно увлеченно пели Ефретов и Мишин.

Дискуссия с Бухариным отразилась в произведении тоже безымянного автора на мотив арии Мефистофеля:

На земле весь род людской
Чтит один кумир священный…
«Обогащайтесь откровенно»,
Кричит Бухарин, сам не свой.
А за ним из профессуры
Стецкий, Кантор и Слепков
Чертят па и вертят туры
На листах большевиков:
«Нэп равняется Коммуне!
Нэп равняется Коммуне!
Нет в России кулаков, кулаков…
Умер Ленин, жив Слепков, жив Слепков!»

Это уже чисто студенческая и, несмотря на ее литературную беспомощность, интеллигентско-оппозиционная песня. В ней чувствуется то, что можно назвать «ароматом эпохи»: возмущение оппозиционной молодежи тем, что «бухаринские птенцы» из Института красной профессуры — Стецкий, Марецкий, Астров, Кантор, Слепков захватили командные посты в центральной печати «Правде» и «Большевике» — и отстранили от участия в большевистской печати таких партийных деятелей и партийных журналистов, как Зиновьев, Каменев, Сосновский и другие. С еще большим темпераментом песня протестует против расширительного толкования Бухариным НЭПа как ступени к коммунизму.

В 1928 году большой популярностью в нашей среде пользовалась распеваемая на мотив «Алаверды» следующая песня:

Мы оппозицию разбили:
Кого в Сибирь, кого в тюрьму.
Шутить не любит Джугашвили.

Хвала ему, хвала ему!
Отправлен Троцкий за границу
И, если он исподтишка
Напишет хоть одну страницу,
Секим башка, секим башка!
И, если Радек вновь покажет,
Разинув пасть, враждебный клык,
То некто в бурке грозно скажет:
«Руби в шашлык, руби в шашлык!»
Зиновьев с Каменевым в паре,
Хоть и покаялись в грехах,
Скулят вдвоем на тротуаре:
«Увы и ах! Увы и ах!»
И здесь, и там, и повсеместно
Враги рассеялись, как дым.
Дороги все, как вам известно,
Ведут в Нарым, ведут в Нарым.
Алаверды, господь с тобою,
И Сталин здесь его пророк.
Но если занят ты борьбою,
Вон за порог, вон за порог!
В снегах холодных ты остудишь
Былых речей горячий тон.
Уедешь дальше — тише будешь:
Таков закон, таков закон.
Работы было очень много.
Окончен труд, и дни легки.
Идет железная дорога
В Ессентуки, в Ессентуки.
Толпа. Привет в цекистском стиле.
Вокзал, вагон, и дым, и пар.
На отдых едет Джугашвили.
Кончал базар, кончал базар.

Песня, в некотором роде, пророческая. В 1928–1929 еще не так много оппозиционеров остужали свой пыл в снегах Сибири, и еще не было совершено убийство Троцкого. Но ссылки, как я уже об этом писал, конечно, практиковались. По Москве, Ленинграду и другим городам широко гулял приписываемый Радеку анекдот:

«С товарищем Сталиным трудно спорить. Ты ему — цитату, а он тебе ссылку».

На массовые аресты оппозиционный поэт откликнулся текстом на мотив известной песенки Вертинского:

В последний раз я видел вас так близко.
К Лубянке черный вас умчал авто.
А рядом с вами — «спутник коммуниста»
С ротатором, завернутым в пальто.
Где вы теперь? Зачем неосторожно
Лукавый бес в засаду вас занес,
Чтобы теперь, в соседстве с мелким вором,
В тюрьме решать тактический вопрос?

Эта песня для современного читателя нуждается в некоторых разъяснениях. «Спутником коммуниста» называли тогда шпика или охранника, по нынешнему «вертухая». Арестованных оппозиционеров в те либеральные времена еще возили в легковых машинах. А заключение политических в одну камеру с ворами еще вызывало возмущение общественности.

Были и более боевые песни, в которых слышалась трезвая оценка положения оппозиции. Приведу две такие песни, одну на мотив «Молодой гвардии», другую — на мотив «Замучен тяжелой неволей».

Для ленинцев настали тяжелые деньки.
Нам надо быть из стали, друзья-большевики.
Наш строй в невзгодах поредел,
Тюрьма и ссылки наш удел.
В бой, ленинская гвардия рабочих и крестьян!
Товарищи, старые песни по-новому могут звучать.
В Бутырках и темных, и тесных они раздаются опять.
Не встанет наш вождь из гробницы, не встанет
Наш вождь мировой.
Ему наша доля не снится,
Не слышит он правды живой.
Товарищ и друг его верный
Не двинет нас в битву с врагом,
Томится он в городе Верном,
Прижатый к стене сапогом.

Во второй песне звучит горечь, что дело революции предано, и шансов на скорую победу нет.

Политических анекдотов в те времена ходило очень много. Большинство их приписывалось Радеку, некоторые — Раковскому и Мануильскому. Помнится, иные из анекдотов Радека родились буквально на моих глазах. Так, во время дискуссий в Комакадемии, где докладчиком был Мартынов, а содокладчиком

Радек, Мартынов попросил воды. Радек, сидевший рядом с трибуной, налил стакан воды и подал ему, Мартынову, со словами:

— Пожалуйста! Одним стаканом воды больше — какая разница!

Раздались смех и аплодисменты. Правда, и Мартынов не растерялся и ответил:

— Давайте, давайте — я вас в этом стакане и утоплю.

Однако его ответ никаких восторгов не вызвал.

В тот день, когда «Правда» напечатала подвал М. Н. Покровского, направленный против оппозиции, я пришел в Кремль, на квартиру Радека. Хозяин проводил меня в столовую, куда в это время вошла из соседней комнаты собака — немецкая овчарка. При виде хозяина она завиляла хвостом, а Радек, погладив ее, сказал:

— Верти, верти хвостом — Покровским будешь…

Еще один анекдот, приписывавшийся Радеку:

Сталин вызывает к себе Радека:

— Слушай! Ты рассказываешь много анекдотов. Черт с тобой! Но ты, говорят, дошел до того, что стал рассказывать анекдоты обо мне. А я — вождь мирового пролетариата.

— Это — не мой анекдот, товарищ Сталин, — ответил Радек.

Вспоминается обмен репликами между К. Б. Радеком и Л. Д. Троцким 7 ноября 1927 года на квартире у И. Т. Смилги. После демонстрации, устроенной оппозиционерами, сюда пришли Л. Д. Троцкий, Х. Г. Раковский, К. Б. Радек и мы, молодежь. Решили отметить праздник. Ждали только ухода Троцкого, чтобы начать застолье (Троцкий сам не пил и другим не давал). А Троцкий все не уходит. Тогда Радек взял на себя инициативу.

— Лев Давидович, — сказал он, кивая на стол. — Говорят, Сталин обязывает своих единомышленников участвовать в коллективных выпивках с ним…

Троцкий понял намек.

— В таком случае, — сказал он, улыбаясь, — боюсь, что у меня не останется ни одного единомышленника…

И тут же собрался уходить.

Радек был фигура колоритная и достаточно сложная. Талантливый, разносторонне образованный человек, он не получил никакого систематического образования. Но читал необыкновенно много, читал постоянно, на разных языках, хорошо знал историю, политическую литературу, художественную, искусство. Феноменальная память и необыкновенная трудоспособность Радека позволяла ему удерживать в голове массу фактов из самых разнообразных

областей знания и широко пользоваться ими в своей деятельности публициста. Знал он, как уже сказано, множество языков, читал всю мировую прессу без помощи переводчиков, писал легко, быстро, блестяще, но ни на одном из языков, в том числе и на русском, не говорил правильно. Он лично знал многих выдающихся политических деятелей, писателей, людей искусства, и они его знали и ценили его талант и остроумие. Но сам Радек не был ни политическим вождем, ни теоретиком, скорее — прекрасным популяризатором чужих идей, быстро подхватывающим мысль вождя и блестяще развивающим ее.

И еще он был циник. Ради удачной остроты он мог пожертвовать кем и чем угодно, даже собственной репутацией. Представления о личной порядочности у него были весьма смутные. Мне рассказывали любопытную историю о происхождении его псевдонима «Радек», ставшего впоследствии его фамилией. Еще до революции, работая вместе с Розой Люксембург в Польской социалистической партии, Радек для какой-то заграничной поездки получил через Розу взаймы чей-то хороший костюм и пальто — и не вернул их. Роза в пылу какой-то дискуссии сказала ему, что он — «крадек» (по-польски «вор»). Радек, предварительно осмеяв это обвинение, сказал:

— Отныне я из слова «крадек» сделаю свою фамилию. Первая буква моего имени «Карл» — К, а остальное — Радек — я сделаю фамилией.

Когда, услышав это, я спросил Радека, куда же девались на самом деле позаимствованные пальто и костюм, он, не задумываясь, ответил:

— Понятия не имею. Мне они нужны были, чтобы проехать в Германию. В Германии я оставил их у своих знакомых и забыл о них. Никогда не интересовался туалетом… И личной собственности не придавал значения.

Это была правда, и, вероятно, все так и было, как рассказывал Радек. И он, и его жена — даже в период НЭПа, когда все чуть приоделись — одевались кое-как, в квартире у них царил полубогемный хаос. А самого Радека я никогда не встречал одетым иначе, как в потертую кожаную куртку и брюки, вправленные в сапоги.

Но в истории фамилии «Радек» (если она, действительно, правдива) характерен именно вызывающий цинизм. Уверен, что мысль сострить на превращении бранной клички в фамилию пришла ему в ту минуту, как он ее услышал.

Это бы все ничего, если бы бытовой цинизм не превращался у него в политический, если бы не были характерны для него беспрерывные политические колебания, далеко не всегда

вызванные принципиальными соображениями. С 1923 по 1926 год он колебался между левой оппозицией в России и правой оппозицией в Германии. В момент открытого разрыва между Сталиным и Зиновьевым, перед XIV съездом партии и на самом съезде Радек пытался увлечь троцкистскую оппозицию на блок со Сталиным. Внутри оппозиции он также колебался то влево, то вправо. В 1929 году он так же, как Смилга и Преображенский, подписал заявление об отходе от оппозиции. Так же, но не так же! Радек капитулировал внутренне, он всячески искал путь к Сталину, и ярчайшим свидетельством политического цинизма Радека является напечатанная в 30-х годах в «Правде» подхалимская статья его о Сталине — «Зодчий социализма».

Поведение Радека на процессе говорит само за себя. Но еще до этого моральное падение Радека проявилось в истории с Блюмкиным. Блюмкин, считавший Л. Д. Троцкого своим идейным вождем, во время своей поездки за границу тайно заехал к Троцкому на Принцевы острова, чтобы услышать от него лично изложение его политической позиции, и в частности — позиции по отношению к Советскому Союзу. Установив, что Троцкий не изменил социализму и продолжает бороться за рубежом против сталинской бюрократии с позиций защиты интересов СССР, Блюмкин согласился тайно помогать Троцкому и взял от него письмо к его единомышленникам в СССР.

На его беду он доверился Радеку, которого очень уважал и считал истинным единомышленником Л. Д. Троцкого, и прежде всего пошел к нему. Но Радек уже не был прежним. Узнав, что Блюмкин тайно посещал Троцкого и уверенный в том, что органы ГПУ проследили это и сейчас следят за каждым его шагом, Радек потребовал от Блюмкина, чтобы тот сам явился в ГПУ, рассказал о своем посещении Троцкого и о данных ему Троцким поручениях.

По некоторым сведениям, полученным Троцким, Радек предупредил Блюмкина, что если тот немедленно не явится в ГПУ и не расскажет там обо всем, то это сделает он, Радек, сам. В № 9 «Бюллетеня» оппозиции за март 1930 года напечатано официальное сообщение, в котором говорится: «После этого Блюмкин „покаялся“, явился в ГПУ и сдал привезенное им письмо Троцкого». Дальше там же говорится, что, по слухам, сам Блюмкин потребовал, чтобы его расстреляли.

Точных данных о том, как происходило дело в действительности, редакция «Бюллетеня» не имела. Редакция предполагала, что, оказавшись перед лицом предательства Радека, Блюмкин предпочел лично передать в ГПУ письмо Троцкого, в котором, как он знал, содержалось опровержение

клеветы, которая распространялась о Троцком в СССР. Несмотря на это, Блюмкин тогда же, в 1930 году, когда эти меры еще широко не применялись, был по приказу Сталина расстрелян.

…Вспоминаю Карла Радека, невысокого, очень некрасивого, в бакенбардах и очках в черной оправе, с умными, постоянно вспыхивающими огнем оживления глазами, живого и подвижного — и такого ненадежного! Этот человек лично преклонялся перед Л. Д. Троцким, он ставил его рядом с Лениным — но в решающий час борьбы он его предал и переметнулся к Сталину. Впрочем, и его моральная неразборчивость не спасла его.

Из деятелей оппозиции, часто посещавших И. Т. Смилгу, мы, молодые, особенно любили Х. Г. Раковского и А. К. Воронского.

Христиан Георгиевич Раковский, один из самых выдающихся и просвещенных политических деятелей советской эпохи, был революционером и демократом европейского образца. Человек самостоятельного, независимого мышления, полностью лишенный способности бездумно преклоняться перед авторитетом, он выбирал свой путь сам. Его глубокое уважение к Ленину и Троцкому определялось не их положением в партии и стране, а их несомненным интеллектуальным превосходством над окружающими. А к Льву Давидовичу Раковский относился, кроме того, с большой теплотой, я бы даже сказал — с любовью.

И Раковский, и Воронский были хорошими рассказчиками, и часто, в свободную минуту рассказывали нам отдельные эпизоды прошлого — иногда тяжелые, иногда комические, но всегда метко характеризующие людей, о которых шла речь.

Помню любопытную историю, рассказанную нам Воронским. В 1919 году, в связи с тяжелым положением на фронтах, Политбюро собрало в Кремле военно-партийное совещание, в котором участвовали приехавшие с фронтов крупнейшие партийные деятели, работавшие в армии. На совещании, длившемся два дня, председательствовал В. И. Ленин. Утром второго дня Л. Д. Троцкого, шедшего на совещание, во дворе Кремля остановили курсанты военной школы ВЦИК, охранявшие Кремль.

— Товарищ Троцкий! Вчера, когда мы шли с поста, мы увидели в окнах квартиры товарища Х. почти всех участников совещания за столом, уставленным такими продуктами, что их теперь и не увидишь: семга, икра, колбаса, сыр, вино… Что ж это, товарищ Троцкий, получается: страна живет впроголодь, а комиссары гуляют?

Троцкий обещал курсантам разобраться и виновных наказать. Он, как и Ленин, сам не пил, к выпивкам относился непримиримо.

Когда совещание окончилось, и Ленин спросил, нет ли у кого из собравшихся вопросов или заявлений, Троцкий взял слово и с возмущением рассказал о том, что говорили ему курсанты.

Наступила томительная тишина. Владимир Ильич переводил глаза с одного на другого и, наконец, спросил:

— Что же вы занавески-то не опустили?

Еще некоторое время молча смотрел на присутствующих и повторил:

— Занавески-то почему не опустили?

Да, Владимир Ильич сам не пил и был чрезвычайно щепетилен. У него, конечно, в те времена не водилось на столе ни семги, ни икры. Но он был снисходителен к человеческим слабостям. Он понял, что, вырвавшись на два дня из нечеловечески тяжелой фронтовой обстановки и встретившись с друзьями, люди захотели отключиться, на минуту расслабиться, действительно, что называется, «погулять». И отнесся к этому снисходительно.

Раковский рассказывал нам забавные случаи из своей жизни за границей в качестве посла СССР. Например, как он ездил представляться английскому королю.

Церемония вручения иностранным послом королю верительных грамот, как и все официальные процедуры в Англии, выполнялась по строго установленному древнему традиционному ритуалу. Посол должен был предстать перед королем в средневековом костюме из цветного бархата, со шпагой и шляпой с пером. Ехал он в Букингемский дворец в специальной карете, в сопровождении одетых соответствующим образом слуг и охраны.

Как с юмором рассказывал Христиан Георгиевич, представив себя в бархатном костюме со шпагой, он пришел в ужас. Чтобы не быть смешным в глазах сотрудников посольства, он договорился с партийной и профсоюзной организацией, что на тот час, когда послу надо будет в средневековом костюме проскользнуть в средневековую карету, в большом зале, удаленном от выхода, будет созвано общее собрание.

Но всем хотелось посмотреть на посла в бархате и при шпаге! И когда он спускался с парадной лестницы, сотрудники посольства встретили его в вестибюле смехом и шумной овацией.

Мы, слушая этот рассказ, смеялись не меньше.

Забавно рассказывал Х. Г. Раковский о том, как в бытность его послом во Франции «преследовал» его некий человек, назвавший себя «внуком знаменитого деятеля Парижской Коммуны».

Раковского, как посла СССР, часто приглашали в Париже на вечера, устраивавшиеся парижской общественностью по поводу

различных историко-революционных дат. На одном из таких вечеров назвавшийся внуком коммунара человек сказал, обращаясь к Х. Г. Раковскому:

— Мой дорогой друг! Когда мой знаменитый дед-коммунар Джордан умирал, он завещал мне вот эту палку, с которой он стоял на баррикаде. И эту палку я дарю тебе, мой дорогой друг, как представителю революционной России, продолжающей дело Парижской Коммуны.

Палка была как палка, такие десятками валяются на улицах, но она, разумеется, была с благодарностью принята. Однако на следующем такого рода приеме Раковский снова увидел «сына коммунара», который обратился к нему с речью точь-в-точь повторявшей первую — с той только разницей, что на этот раз вместо палки Раковскому преподносилась старенькая трубка. И в третий раз повторилось то же. «Когда мой знаменитый дед-коммунар умирал…» — и Раковскому преподносился очередной презент такого же рода. А улучив момент, когда около Раковского никого не было, «внук коммунара» подошел к нему и доверительно сказал:

— Мне очень хотелось бы иметь от вас знак памяти о нашей дружбе. Не могли ли бы вы подарить мне… пару кавказских пистолетов?

Надо было слышать, как это рассказывал Раковский!

Одним из ближайших друзей Л. Д. Троцкого был А. А. Иоффе, принадлежавший к активнейшим деятелям оппозиции в их борьбе против сталинского большинства. Но в 1927 году он был уже тяжело болен, не мог передвигаться (будучи послом в Китае, он заразился какой-то неизлечимой болезнью) и вскоре покончил жизнь самоубийством, не желая, как он писал в своем предсмертном письме, жить, не будучи в состоянии бороться, как подобает революционеру. По той же причине так поступили в свое время и супруги Лафарг, на пример которых ссылался в своем письме А. А. Иоффе.

Он писал еще, что у него нет средств, чтобы оплатить уход за собой, чтобы сделать свое существование ни для кого не обременительным. Он мог бы, писал Иоффе, получить такие средства от продажи своих мемуаров западным издательствам, если бы не запрет партии.

На квартире А. А. Иоффе несколько раз устраивались собрания оппозиционного актива. На одном из таких собраний был я. Доклад об итогах одного из пленумов ЦК делал Л. Д. Троцкий. Присутствовало человек 250. Доклад, как всегда, был ярким и остроумным, звучал он оптимистически. Но в одном месте, когда аудитория засмеялась и зааплодировала, Лев

Давидович сказал:

— Громкий смех и овации мы сейчас себе позволить не можем. Предсмертное письмо А. А. Иоффе адресовал Троцкому. В этом письме Иоффе обвинял Л. Д. Троцкого в излишней мягкотелости и щепетильности, в том, что он не умеет, подобно Ленину, «оставаться в одиночестве». Он сообщает в этом письме, что имел специальную беседу с Владимиром Ильичем по поводу исторической оценки его спора с Троцким о «перманентной революции» и что Ленин твердо сказал ему, Иоффе: в предреволюционном споре о «перманентной революции», прав был не он, Ленин, а Троцкий. Подчеркивая точность и достоверность переданных им слов Ленина, Иоффе пишет: «Мертвые не лгут». (Письмо А. А. Иоффе опубликовано в журнале «Большевик», № 23–24 за 1927 г.).

В своем предсмертном письме А. А. Иоффе не только разрешал Троцкому редактировать его письмо, если некоторые его формулировки окажутся не созвучными политическим задачам оппозиции, но даже просил Троцкого исключить из него все то, что ему покажется лишним, или добавить то, что он найдет нужным.

В 1929 году, в № 4 журнала «Большевик» была напечатана статья Ем. Ярославского, соучастника всех злодейств Сталина, который попытался спекулировать на предсмертном письме Иоффе, чтобы скомпрометировать оппозицию. Ярославский писал о стремлении Иоффе издать свои мемуары на Западе как о торгашеском. Он характеризует данное Иоффе Троцкому разрешение изменять формулировки его письма как двурушничество, моральное раздвоение. Иоффе не рассчитал, писал Ярославский, что его письмо будет немедленно опубликовано. Да, конечно, как хорошо ни знал Иоффе методы Сталина, он все-таки не ожидал, что его последнее в жизни письмо попадет не к адресату, а в руки сталинских молодчиков, немедленно после смерти Иоффе слетевшихся на его квартиру и еще в присутствии трупа произведших там тщательный обыск.

Ничего морально предосудительного в разрешении, данном Иоффе Троцкому, не было. Он считал себя единомышленником Троцкого, глубоко уважал его и полностью доверял ему. Ничего нет удивительного в том, что, готовясь к смерти, он в письме к своему ближайшему другу мог допустить, что не все формулировки его письма будут отточены и поручил отточить их тому, кому писал.

Обвинений же во фракционности и в нарушении партийной дисциплины никогда не боялся ни один настоящий революционер. Не боялся их и Ленин, когда стоял вопрос о

судьбах революции, например, во время борьбы за подписание Брестского мира.

Именно к такой тактике призывал Иоффе Троцкого в 1927 году. В 1926–1927 гг. в оппозиционных кругах все больше крепло убеждение, что судьбы революции зависят от того, каких успехов удастся достигнуть оппозиции в борьбе против сталинского большинства.

Образование блока Троцкого и Зиновьева

Начало создания блока троцкистской и зиновьевской оппозиции относится к середине 1926 года. На апрельском пленуме ЦК ВКП(б) при обсуждении тезисов Рыкова «О хозяйственном положении» Троцкий и Каменев выступали еще несогласованно. Встречи уже происходили, но о совместной платформе еще не договорились.

В ходе этих встреч лидеры обеих групп оппозиций проанализировали внутрипартийное положение и причины поражения той и другой оппозиции. Они выявили свои ошибки в предшествующий период после отхода Ленина от руководства, ошибки, которые помогли Сталину захватить власть, и договорились о публичном признании этих ошибок перед партией.

Рассказывая впоследствии об этих переговорах, Троцкий в «Бюллетене» № 31 (XI.1932 г.), в своей статье «Сталинцы принимают меры» писал:

«Чтобы обеспечить блок, левая оппозиция, — против предупреждений и возражений автора этих строк (т. е. Троцкого), — смягчила отдельные формулировки платформы и временно воздержалась от официальных ответов на наиболее острые теоретические вопросы. Вряд ли это было правильно, но левой оппозиции 1923 года не пришлось все же идти на уступки по существу. Мы оставались верны себе, Зиновьев и Каменев пришли к нам. Незачем говорить, в какой мере переход вчерашних заклятых врагов на сторону оппозиции 1923 года укрепил уверенность наших рядов в собственной исторической правоте».

26 апреля 1926 года на президиуме ЦКК выступил Зиновьев со следующим заявлением: «Было такое печальное время, — вместо того, чтобы двум группам настоящих пролетарских революционеров объединиться вместе против сползающих Сталина и его друзей, мы, в силу ряда нелепостей в положении вещей в партии, в течение пары лет били друг друга по головам, о

чем весьма сожалеем и надеемся, что это никогда не повторится».

После того, как соглашение о блоке было, наконец, достигнуто, Зиновьев и Каменев подписали декларацию, в которой говорилось: «Сейчас уже не может быть никаких сомнений в том, что основное ядро оппозиции 1923 года предупредило об опасности сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима. Между тем десятки и сотни руководителей оппозиции 1923 года, в том числе многочисленные старые рабочие-большевики, закаленные в борьбе, чуждые карьеризма и угодливости, несмотря на всю проявленную ими выдержку и дисциплину, остаются по сей день отстраненными от партийной работы».

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК от 19–23 июля 1926 года Зиновьев сказал:

«У меня было много ошибок. Самыми главными своими ошибками я считаю две. Первая моя ошибка 1917 года всем вам известна… Вторую ошибку я считаю более опасной, потому что ошибка 1917 года, сделанная при Ленине, Лениным была исправлена, а также и нами, при его помощи, через несколько дней, а ошибка моя 1923 года заключалась в том что…

Орджоникидзе: Что же вы морочили голову всей партии?

Зиновьев: Мы говорим, что сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 года, как это выявила эволюция руководящих фракций, правильно предупреждала об опасности сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима. Да, в вопросе о сползании и в вопросе об аппаратно-бюрократическом режиме Троцкий оказался прав против нас». (Стенограмма, в. IV, стр.33)

Это заявление Зиновьева вызвало сильное недовольство в ленинградских кругах, у оппозиционеров «второго призыва», которые искренне поверили в легенду о «троцкизме».

«Зиновьев не раз говорил мне, — писал впоследствии Троцкий, — „В Питере мы это вколотили глубже, чем где бы то ни было. Там поэтому труднее всего переучивать“».

«Очень отчетливо помню, — писал там же Троцкий, — те слова, с которыми Лашевич накинулся на двух ленинградцев, прибывших в Москву для выяснения вопроса о троцкизме.

— Да что вы валите с больной головы на здоровую? Ведь мы же с вами сами выдумали этот „троцкизм“ во время борьбы против Троцкого… Как же вы этого не хотите понять и только помогаете Сталину?..»

Объясняя своим единомышленникам, почему оппозиция 1923 года пошла на объединение с оппозицией 1925 года, Л. Д. Троцкий писал:

«Ленинградская оппозиция своевременно забила тревогу против замазывания дифференциации деревни, по поводу роста кулака и роста его влияния не только на стихийный процесс хозяйства, но и на политику Советской власти; по поводу того, что в рядах нашей собственной партии создалась под покровительством Бухарина теоретическая школа, которая явно отражает давление мелкобуржуазной стихии нашего хозяйства; ленинградская оппозиция энергично выступила против теории социализма в одной стране как теоретического оправдания национальной ограниченности».

На июньском пленуме ЦК в 1926 году Л. Д. Троцкий выступил со следующим заявлением:

«Несомненно, что в „Уроках Октября“ я связывал оппортунистические сдвиги политики с именами тт. Зиновьева и Каменева. Как свидетельствует опыт идейной борьбы внутри ЦК, это было грубой ошибкой.

Объяснение этой ошибки кроется в том, что я не имел возможности следить за идейной борьбой внутри семерки и вовремя установить, что оппортунистические сдвиги вызывались группой, возглавляемой т. Сталиным, против товарищей Зиновьева и Каменева.»

Как показали дальнейший ход борьбы и роль, которую в конце концов сыграл Сталин в разгроме партии, решающий промах оппозиция совершила в 1923 году, когда Сталину удалось столкнуть Зиновьева и Каменева с Троцким и обеспечить себе поддержку Бухарина, Рыкова и Томского. Самая крупная ошибка была совершена Зиновьевым, Каменевым, Бухариным и другими, не выполнившими завещания Ленина и не удалившими Сталина с поста генерального секретаря. Больше такая благоприятная ситуация для удаления Сталина уже не повторилась: он сумел завершить укомплектование партийного и государственного аппарата послушными и преданными ему людьми.

В 1923 году положение в партии, внутри страны и на международной арене не угрожало основам диктатуры пролетариата и не толкало неизбежно, как полагал Троцкий, партию и Советскую власть на путь перерождения. При правильной политике по отношению к крестьянству, при решительной борьбе с бюрократизмом и широкой внутрипартийной демократии партия могла бы продержаться у власти до подхода мировой революции. И не только продержаться. Были все возможности значительно укрепить индустриальную и пролетарскую базу страны; на основе постепенного и добровольного перехода на коллективные формы значительно поднять сельское хозяйство; осуществить

культурную революцию, — то есть к моменту революции в передовых западных странах привести нашу страну значительно более цивилизованной и подготовленной к социализму.

Декларации Троцкого, Зиновьева и Каменева, если взглянуть на них ретроспективно, звучат вполне искренними и справедливыми. Никакой дипломатии здесь, видимо, не было. Если бы Троцкий с таким заявлением выступил на XIV съезде партии, по горячим следам борьбы между Сталиным и Зиновьевым, никто не посмел бы обвинить его в беспринципности, так как именно Сталин на съезде выступил в роли защитника Троцкого, а нападал на него Зиновьев. Кто знает, может быть такая своевременная поддержка Троцким зиновьевской оппозиции могла стать поворотным пунктом истории партии… Но на XIV съезде Троцкий молчал. И именно поэтому, и еще потому, что наиболее острая борьба в недавнем прошлом шла между Троцким и Зиновьевым, Сталину удалось представить их блок как беспринципный союз.

Две линии — линия Сталина и линия объединенной оппозиции — были диаметрально противоположными линиями внутрипартийной политики.

Сталин, стремившийся к личной власти, приспосабливал внутрипартийный и государственный режим именно к этой цели, то есть к подавлению всякого свободомыслия в партии и в народе, включая и стремление к национальному самоопределению.

Линии Троцкого, который стремился к мировой революции, соответствовал режим, способствующий подъему самодеятельности масс, свободному волеизъявлению партии, вовлечению масс во все сферы государственной, хозяйственной и общественной жизни. Только такой социализм (говоря в сегодняшних терминах, «социализм с человеческим лицом») мог стать притягательной силой для трудящихся на Западе.

Только такой социализм, при котором все национальности равны на деле, а не на словах, при котором все они получают реальное право на самоопределение, мог стать притягательной силой для национально-освободительных революций на Востоке.

Сталин прекрасно понимал, что национализация средств производства дает громадные преимущества для усиления власти центрального аппарата, который был у него в руках, а значит — для его власти. И он стоял за повсеместное обобществление средств производства — не потому, что это должно было стать первым шагом к утверждению нового социалистического строя, а потому, что это усиливало его личную власть.

Следует вспомнить, что в 1925–1927 годах Сталин и не думал

о коллективизации и говорил о ней только потому, что после опубликования последних произведений Ленина не говорить о ней было невозможно. Тогда Сталин шел по пути привлечения на свою сторону крестьян путем поощрения развития индивидуальных хозяйств кредитами, удобрениями и прочим. Изменил он свою политику только тогда, когда увидел, что кулачество ограничивает его власть. Когда он увидел, что кулачество не дает хлеба государству, т. е. сопротивляется его мероприятиям, то он решил ликвидировать сопротивляющихся ему кулаков и зажиточных середняков и установить систему колхозов, полностью подчиненных его власти. Чтобы обеспечить это полное и безоговорочное подчинение, он и наказал крестьянство страшным голодом в 1932–1933 годах, решив раз навсегда отучить его от сопротивления.

С моей точки зрения, Сталин шел на коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса вовсе не потому, что надеялся таким путем скорее построить социализм, а потому что надеялся, безоговорочно подчинив колхозы своей власти, избежать хозяйственных кризисов.

Оппозиция в те годы по-настоящему не понимала до конца сталинских планов. Она рассматривала его политику как ошибочную, как отклонение от ленинской политики, но не как полный отход от социализма к авторитарному строю.

Его зигзаг в сторону колхозов, который послужил одним из поводов для раскола троцкистской оппозиции, был вызван не пониманием вреда политики правых, а лишь желанием подавить возрастающее сопротивление его власти верхних слоев крестьянства.

Он ограниченно понимал задачи социализма не только в силу узости своего мышления, но прежде всего потому, что для него пределом стремлений была единоличная власть. Для ее полного утверждения и могущества ему не нужно было осуществление идеи колхозов, ему нужны были сами колхозы как организации, облегчающие реализацию его авторитарной политики.

Чем я могу подтвердить такое мое понимание сталинской политики тех лет?

Во-первых, тем, что Сталин в первые годы после смерти Ленина, с 1924 по 1928 годы, стоял на почве поощрения индивидуального крестьянства и был решительно против форсирования коллективизации вплоть до XV съезда партии. Переход от одной линии к другой был совершен им стремительно.

Во-вторых, тем, что после того, как зажиточное крестьянство

сократило продажу хлеба государству и тем самым стало ограничивать его экономическую власть, Сталин на другой день после XV съезда (где он, вместе с Молотовым, громил оппозицию за ее предложение ограничить эксплуататорские тенденции кулака) стал проводить экстраординарные меры против зажиточных слоев деревни, а вскоре осуществил ликвидацию кулачества как класса.

В-третьих, если бы он исходил из интересов социализма, разве он позволил бы себе, как революционер и социалист, расправиться с миллионами людей — в полном противоречии с Марксом, Энгельсом и Лениным, рекомендовавшими приобщать крестьян к социализму только добровольно, не допуская никакой торопливости и даже намеков на принуждение?

В-четвертых, если бы в основе сталинской политики в крестьянском вопросе (как и в других) не лежали его личные мотивы, разве он установил бы практику ничем не ограниченного грабежа колхозников? Разве он заставил бы их работать бесплатно и довел по сути дела до нищенского состояния?

Может быть, Сталин, делая все это, думал, что он строит социализм — в каком-то своем понимании? Не отбрасываю такого предположения, но думаю, что, осуществляя «социализм» в этом своем понимании, он прежде всего исходил из своего стремления к неограниченной личной власти.

Каким-то, ему одному ведомым путем он в перспективе сочетал свои авторитарные идеи с социализмом, как сочетал свою великорусскую, великодержавную националистическую политику с казенным интернационализмом. Считая, что он — гений, он вел страну своим собственным путем, в сторону, противоположную той, куда указывали путь Маркс и Ленин. Его политика смахивает на феодальный социализм, и кто его знает, к какому обществу и на каком этапе намеревался он в конечном счете привести эту смесь самовластия с обобществлением. Во всяком случае его, сталинский, «социализм» ничего общего не имел с научным социализмом Маркса, Энгельса и Ленина.

Основные разногласия между сталинским большинством ЦК и Объединенным оппозиционным блоком Троцкого и Зиновьева выявились по следующим вопросам:

1. о китайской революции,
2. о строительстве социализма в одной стране,
3. об индустриализации,
4. о политике партии в деревне,
5. о внутрипартийной демократии.

б) О китайской революции

Наиболее открыто правая политика сталинско-бухаринской группы выявилась в вопросе об отношении в 1923–1927 годах к китайской революции.

Китайская политика Сталина и Коминтерна исходила из «блока четырех классов», то есть из тех же самых принципов, из которых исходил Сталин в 1917 году в своем отношении к Временному правительству Керенского. Как тогда в России, так и теперь в Китае, Сталин и Бухарин считали, что поскольку революция буржуазная, она должна осуществляться руками буржуазии, то есть Гоминдана. Роль Коминтерна в Китае в данной ситуации должна была состоять в том, чтобы подталкивать Гоминдан в сторону революции.

Несмотря на опыт русской революции, несмотря на решение II Конгресса Коминтерна по докладу Ленина о национальном и колониальном вопросах (в котором на опыте СССР и стран Востока была разработана тактика партии в период подготовки революции), Сталин и Бухарин продолжали проводить меньшевистскую политику. Недаром № 8 берлинского органа меньшевиков «Социалистический вестник» 2 апреля 1929 года оценил политику Сталина в китайской революции как меньшевистскую. «…Мартынов в „Правде“, — писал „Социалистический вестник“, — весьма невразумительно и… совсем „по-меньшевистски“ доказывал правильность официальной позиции, настаивающей на необходимости сохранить „блок четырех классов“, не спешить с разрушением коалиционного правительства, в котором рабочие заседают совместно с крупной буржуазией, не навязывая ему преждевременных социалистических задач».

Из этих же соображений Коминтерн по инициативе Сталина и Бухарина настоял на вступлении китайской компартии в Гоминдан. Эта рекомендация также противоречила позиции Ленина, изложенной им на II Конгрессе Коминтерна, где он подчеркивал: «Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией, но не сливаться с нею и безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения, даже в самой зачаточной форме». (Ленин, т.41, стр. 167)

В письме ко всем членам Китайской компартии, датированным 10.XI.1929 года, бывший генеральный секретарь КПК Чен-Ду-сю изложил историю борьбы и взаимоотношений Китайской компартии с Коминтерном в период 1926–1927 годов. В этом письме он сообщает, что все руководство компартии Китая было против ее вступления в Гоминдан. Но на этом настаивал Далин — представитель Интернационала молодежи, затем —

делегат Коминтерна Маринг, который настойчиво утверждал, что Гоминдан не является партией буржуазии, а является объединенной партией разных (?) классов, и что пролетарская партия должна вступить в ряды Гоминдана, чтобы воздействовать на него и толкать в сторону революции… Под конец Маринг поставил вопрос, намерена ли Китайская компартия повиноваться резолюции Коминтерна. «После этого, — писал Чен-Ду-сю, — руководителям молодой Китайской компартии не оставалось ничего другого, как подчиниться».

После вступления Китайской компартии в Гоминдан Сун-Ят-Сен стал настаивать на том, чтобы Китайская компартии безоговорочно подчинилась партийной дисциплине Гоминдана и не критиковала его руководство. Он предупреждал, что если Китайская компартия не подчинится этому требованию, она будет исключена из Гоминдана.

Чен-Ду-сю и ЦК Китайской компартии поставили перед Коминтерном вопрос о разрыве с Гоминданом. Этому решительно воспротивился новый представитель Коминтерна в Китае Бородин. Были забыты все указания Ленина в том же докладе II Конгрессу Коминтерна, в котором Ленин вопрос о поддержке буржуазно-освободительных движений (таких, как Гоминдан) ставил в зависимость от того, насколько эти движения действительно революционны и от того, будут или не будут их представители «препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых».

20 марта 1926 года Чан-Кай-ши совершил переворот в Кантоне, во время которого была разоружена гвардия стачечного комитета. «ЦК Гоминдана, — писал Чен-Ду-сю, вынудил все коммунистические элементы покинуть руководящие учреждения Гоминдана, запретил критику сун-ят-сенизма коммунистами и постановил, чтобы списки всех лиц, вступающих в компартию, предъявлялись Гоминдану. Все это было принято» — опять-таки несмотря на то, что требования Гоминдана явно противоречили условиям, принятым II Конгрессом Коминтерна. Списки эти впоследствии были использованы руководством Гоминдана для репрессий против китайских коммунистов.

ЦК Китайской компартии стремился создать свои собственные вооруженные силы и с этой целью обратился за помощью к Бородину. «Но последний не согласился с нами, — пишет Чен-Ду-сю, — и направлял все свои силы для постоянного усиления Чан-Кай-ши. Бородин отказал в просьбе ЦК Китайской компартии выделить ему 5000 винтовок для вооружения крестьян в Гуандуне, так как это, по его словам, могло вызвать подозрения

Гоминдана». «Конкретно говоря, — писал дальше Чен-Ду-сю, — это был период, когда буржуазный Гоминдан заставил пролетариат следовать за его руководством… Делегат Коминтерна открыто сказал, что коммунисты должны выполнять работу кули для Гоминдана».

Бородин был только агентом Сталина и сам не смел проявлять какой-либо инициативы. Все попытки ЦК Китайской компартии порвать с Гоминданом наталкивались на решительное сопротивление Бородина. А в это время московская «Правда» метала громы и молнии против сторонников разрыва с буржуазией. Заведующий восточным отделом Коминтерна прибыл в Китай со специальным поручением поддержать господство Гоминдана над пролетариатом.

После того, как 20 марта 1926 года Чан-Кай-ши совершил переворот в Кантоне, он стал добиваться, чтобы Гоминдан был принят в Коминтерн. Это его требование было удовлетворено: Гоминдан приняли в Коминтерн в качестве сочувствующей партии. Тогда же произошел обмен портретами между Сталиным и Чан-Кай-ши. Нужно сказать, что Троцкий тоже получил от Чан-Кай-ши портрет, но отослал его обратно и категорически отказался послать ему свой.

Прием Гоминдана в Коминтерн и демонстрация дружбы между ним и коммунистическим движением противоречили прямым предупреждениям Ленина против «перекрашивания буржуазно-освободительных течений (таких, как Гоминдан) в цвет коммунизма». (Ленин, т.41, стр.167).

Позднее, когда Чан-Кай-ши беспощадно подавил восстание рабочих Шанхая, Сталин отрицал, что Чан-Кай-ши все еще продолжает оставаться членом Коминтерна и даже то, что он вообще когда-нибудь состоял членом Коминтерна. Сталин «забыл», что по вопросу о приеме Гоминдана в Коминтерн было проведено голосование в Политбюро, зафиксированное в протоколах последнего, и что против приема Гоминдана в Коминтерн голосовал один только Троцкий. Сталин «забыл» также, что в VII пленуме ИККИ, осудившем левую оппозицию, участвовал делегат Гоминдана Шао-Ли-дзы, речь которого также имеется в протоколах пленума. Этот представитель Гоминдана обещал, что его партия под руководством Коминтерна разрешит все задачи революции, «разрешила» же она только одну — осуществила кровавое подавление восставших рабочих Шанхая.

Анализируя сегодня статьи и выступления Сталина в 1926–1927 гг., опубликованные и не опубликованные в 8 и 9 томах его собрания сочинений, поражаешься, с каким бесстыдством фальсифицировал он взгляды Ленина по национальному и

колониальному вопросам.

В речи, произнесенной 5 апреля 1927 года на собрании актива московской партийной организации, Сталин отстаивал пребывание компартии Китая в составе Гоминдана и отрицал возможность измены Чан-Кай-ши. Там же он заявил: «Бородин бодрствует». Факт произнесения этой речи отмечен в биографической хронике Сталина, но сама речь в собрании сочинений отсутствует. И по понятным причинам. Ровно через неделю после оптимистических высказываний гениального провидца, 13 апреля того же года Гоминдан устроил контрреволюционный переворот в Шанхае и кровавую баню шанхайским рабочим. И в мае 1927 года, в ответе Маргулину, который писал об отклонении Сталина от политики, провозглашенной Лениным на II Конгрессе Коминтерна, Сталин уже вообще ни слова не говорит ни о приеме Гоминдана в состав Коминтерна, ни о вступлении Китайской компартии в Гоминдан. Будто ничего этого вообще не было!

О том, как происходило подавление Гоминданом восстания шанхайских рабочих, подробно рассказал на XV съезде ВКП(б) член Исполкома Коминтерна молодежи Хитаров, направленный в Китай Сталиным и присутствовавший в Шанхае во время контрреволюционного переворота.

Хитаров говорил о бездеятельности коммунистов, стоявших во главе Шанхайского правительства. Они объясняли свою пассивность тем, что гоминдановцы либо вообще отказывались принимать участие в работе шанхайского правительства, либо затягивали — как это делали левые гоминдановцы, возглавлявшие уханьское правительство — утверждение шанхайской администрации. Сил у шанхайского правительства было достаточно. О своей поддержке шанхайского восстания заявил командир Первой дивизии чанкайшистских войск Сей-о, предупредивший шанхайское руководство о готовящемся перевороте. Он заявил, что готов со своей дивизией остаться в Шанхае, чтобы вместе с шанхайскими рабочими бороться против военного переворота. Однако руководители восстания, боясь конфликта с Чан-Кай-ши отклонили его предложение — и Первая дивизия как ненадежная была выведена чанкайшистском командованием из Шанхая и заменена второй дивизией. Через два дня после этого военный переворот совершился, и шанхайские рабочие были расстреляны.

По личному указанию Сталина эта часть сообщения Хитарова была изъята из протоколов XV съезда, ибо шанхайское правительство только выполняло директивы Сталина.

Какую же позицию занял Сталин после контрреволюционного

переворота Чан-Кай-ши в Шанхае?

Вот что писал он в апреле 1927 г. в своих тезисах «Вопросы китайской революции», написанных для пропагандистов (9-й т. собрания соч. Сталина):

«Переворот Чан-Кай-ши означает, что в Южном Китае отныне будут два лагеря, два правительства, две армии, два центра — центр революции в Ухани и центр контрреволюции в Нанкине…

Это значит, что революционный Гоминдан в Ухани, ведя решительную борьбу против утилитаризма и империализма будет превращаться на деле в орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства…

Из этого следует, далее, что политика тесного содружества левых и коммунистов внутри Гоминдана приобретет на данном этапе особую силу и особое значение, что это сотрудничество отражает складывающийся союз рабочих и крестьян вне Гоминдана, что без такого сотрудничества невозможна победа революции». (Сталин, собр. соч., т.9, стр. 226–227)

Таким образом Сталин снова повторяет свой эксперимент, но теперь уже с левым Гоминданом.

Генеральный секретарь Китайской компартии снова поднял вопрос о выходе из левого Гоминдана. Он обратился за помощью и советом к Бородину, Тот сказал ему: «Я вполне согласен с вашей мыслью, но я знаю, что Москва никогда не позволит этого».

Это было в середине апреля 1927 года, а в конце мая того же года произошел контрреволюционный переворот «левого» Гоминдана в Ухани.

В двадцатых числах мая 1927 года в Москве происходило заседание VIII пленума ИККИ. Пленум осудил левую оппозицию (троцкистско-зиновьевский блок) за требование разрыва с «левым» Гоминданом. Телеграмма о контрреволюционном перевороте «левого» Гоминдана в Чанша пришла через несколько дней после того, как пленум осудил оппозицию. Сталин эту телеграмму от пленума скрыл.

«Изменить решение пленума ИККИ, — писал Чен-Ду-сю, — значило бы признать правоту оппозиции. На это Москва не могла пойти. Пусть гибнет Китайская революция, но да здравствует престиж сталинской бюрократии!» Когда Уханьское правительство окончательно стало на путь контрреволюционного разбоя, Москва разразилась следующей директивой:

«Порвать только с правительством Гоминдана, но не с Гоминданом».

Л. Д. Троцкий считал, что политика Сталина и Бухарина в Китае являлась пародией — не столько на большевистскую, сколько на меньшевистскую политику в 1905 году.

Троцкий был решительным противником вступления компартии Китая в Гоминдан, приема Гоминдана в Коминтерн, избрания Чан-Кай-ши почетным членом Исполкома Коминтерна. «Этим жестом, — говорил Л. Д. Троцкий, — Бухарин и Сталин демонстрировали „добрую волю“ в отношении Гоминдана и ударяли по компартии Китая».

Выше уже говорилось о том, что в ответ на требование представить Гоминдану списки присоединившихся к нему коммунистов, руководство компартии хотело создать свои вооруженные силы на случай нападения Гоминдана и просило советских советников о помощи. Представители СССР категорически отказали в помощи и отвергли план создания коммунистических вооруженных сил. Это поставило компартию Китая в зависимое от Гоминдана положение. И когда Чан-Кай-ши запретил демонстрации, подавил профсоюзы и направил войска для подавления революционных крестьян, компартия не смогла прийти к ним на помощь.

Руководство Компартии Китая снова обратилось в Коминтерн с просьбой разрешить выход из Гоминдана. Бухарин отверг эту просьбу как «ультрареволюционную ересь». Сталин присоединился к нему и предостерег руководство Китайской компартии от попыток создания Советов. Уже после того, как Чан-Кай-ши начал контрреволюционное наступление на рабочих Шанхая, Сталин и Бухарин в ответ на просьбу китайских коммунистов о помощи предложили им «передать контроль над Шанхаем Гоминдану». Через некоторое время Чан-Кай-ши репрессировал десятки тысяч китайских коммунистов.

5 марта 1926 года на закрытом заседании Политбюро ЦК ВКП(б) с докладом о Китайской революции выступил Л. Д. Троцкий. Он сказал в этом докладе: «Политика компартии должна оставаться независимой от соображений советской дипломатии. Последняя может заключать сделки с буржуазными правительствами, а дело революционеров свергать это правительство».

Сталин и Бухарин во имя того, чтобы избежать столкновения с мировым империализмом, то есть во имя национальных интересов России, приносили в жертву интересы мировой революции.

Китайская революция явилась лакмусовой бумажкой для сталинской идеологии. Захватив власть в партии и стране с помощью отталкивавшихся от международной революции слоев и при косвенной, но очень действенной поддержке враждебных классов, Сталин автоматически стал вождем Коминтерна и тем самым — руководителем китайской революции. И он проявил при

этом свои методы и свои качества.

Подчиняя китайских рабочих буржуазии, тормозя аграрное движение, поддерживая реакционных генералов, разоружая рабочих, препятствуя возникновению Советов и ликвидируя возникшие, Сталин выполнил до конца ту историческую роль, которую Церетели лишь пытался выполнить в России. Разница в том, что Церетели действовал на открытой арене, имея против себя большевиков, — и ему пришлось немедленно и на месте понести ответственность за попытку выдать буржуазии связанный и обманутый пролетариат.

Сталин же действовал в Китае из-за кулис, защищенный могущественным аппаратом и прикрытый знаменем большевизма.

Церетели использовал репрессии буржуазной власти против большевизма.

Сталин сам применил эти репрессии против большевиков, состоявших в оппозиции.

Репрессии буржуазии разбивались о волну подъема.

Репрессии Сталина питались волной отлива.

Вот почему Сталин получил возможность довести опыт чисто меньшевистской политики до конца в китайской революции, закончившейся трагической катастрофой.

Предоставленный самому себе, Сталин во всех больших вопросах всегда и неизменно занимал оппортунистическую позицию. Если у Сталина не было с Лениным сколько-нибудь значительных теоретических и политических конфликтов, как у Бухарина, Каменева, Зиновьева, даже Рыкова, то это потому, что Сталин никогда свои взгляды не отстаивал принципиально, и во всех случаях, когда надвигались серьезные разногласия, попросту умолкал, отходил в сторону и выжидал.

в) О строительстве социализма в одной стране

В расхождениях между оппозиционным блоком и сталинской группировкой основным был вопрос о строительстве социализма в одной отдельно взятой стране.

В истории КПСС, изданной в 1962 году, говорится: «Вопрос о возможности построения социализма в СССР был главным вопросом, по которому расходились с В. И. Лениным, с партией все оппортунисты, все группы и фракции». (Стр. 392)

В той же книге (стр.760) утверждается, что «К. Маркс и Ф. Энгельс, открывшие законы капитализма в его домонополистической стадии, учили, что социалистическая революция не может победить в одной, отдельно взятой стране,

что она победит одновременно во всех или в большинстве капиталистических стран».

Здесь все преднамеренно спутано: вопрос о построении социализма в одной стране — с вопросом о победе социалистической революции в одной стране. И все неверно. Ни Маркс и Энгельс, ни Ленин, ни Троцкий никогда не ставили под сомнение вопрос о возможности социалистической революции сначала в одной стране, но постоянно подчеркивали невозможность окончательной победы социализма в одной, отдельно взятой стране.

Дальше авторы «Истории КПСС» утверждают: «Этим выводом, правильным для периода, когда капитализм развивался по восходящей линии, руководствовались все марксисты, но к началу XX века обстановка круто изменилась. Капитализм перерос в империализм… Положение К. Маркса и Ф. Энгельса о невозможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране уже не соответствовало новой обстановке, и В. И. Ленин не побоялся пересмотреть его». (там же, стр.760)

В приведенной цитате — несколько ошибок, допущенных авторами из-за непонимания ими механики капитализма.

Во-первых, из факта перерастания капитализма в империализм вытекает только то, что всякая революция, где бы она ни произошла, не станет преждевременной. Ибо капитализм вступил в полосу дряхлости и умирания — и революция, возникшая в одном районе, может рикошетом распространиться на другие районы.

Во-вторых, из неравномерности развития капитализма (а что капитализм всегда, на всех своих стадиях развивается неравномерно, это прекрасно знал Маркс — см. т.26, изд.2-е, ч.10, стр.591) вытекает только то, что в то время, как одни страны уже созрели для социалистической революции, другие еще продолжительное время находятся на низкой ступени экономического развития. Это-то и создает предпосылки для возможности социалистической революции сначала в одной стране.

Но Сталин решил использовать это по-своему. Исходя из положения Маркса о неравномерности развития капитализма, В. И. Ленин доказывал возможность победы социалистической революции первоначально в одной стране. Сталин решил превратить это в доказательство того, что В. И. Ленин является автором теории о возможности окончательной победы социализма в одной, отдельно взятой стране.

Сталин привел следующую выдержку из статьи Ленина 1915 года «О лозунге Соединенных Штатов Европы»:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих и даже в одной отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов.» (Ленин, там же, т.26, стр.354)

В статье, из которой Сталин взял Цитату, Владимир Ильич критиковал лозунг Соединенных Штатов Европы, выдвинутый на конференции заграничных секций социал-демократических партий, как лозунг антисоциалистический. Ленин считал, что объединение всех европейских стран в единое государство будет только содействовать капиталистам «сообща давить социализм в Европе». Наоборот, существование самостоятельных европейских государств при их неравномерном развитии обеспечит возможность для революционной демократии отдельных стран осуществить социалистическую революцию — сначала в тех странах, где сложилась революционная ситуация, не дожидаясь такого положения, когда созреет капитализм во всех «Соединенных штатах Европы».

Только так можно понимать мысли Ленина, развитые в его тезисе о «неравномерном развитии капитализма». И уж во всяком случае не так, как их толковал Сталин на XV конференции ВКП(б) и на VIII пленуме ИККИ, стремясь доказать на этом основании возможность окончательной победы социализма в одной стране.

Доказывая несостоятельность толкования Сталиным приведенной цитаты, Л. Д. Троцкий на VIII пленуме ИККИ говорил: «Под словами „победа социализма“ мы в разных случаях понимаем разное. Так, например, когда Ленин, говоря о Западной Европе, писал в 1915 году, что пролетариат отдельной страны может взять власть, организовав социалистическое производство и принять бой затем с буржуазией других стран, что понимал он тут под организацией социалистического производства? То, что уже есть у нас за последние годы: фабрики и заводы вырваны из рук буржуазии, необходимые шаги к обеспечению производства за государственный счет сделаны, так что народ может жить, строить, отстаивать себя против буржуазных государств и пр. Это тоже победа социализма, тоже организация социалистического производства, только самая первоначальная. Отсюда до построения социалистического общества еще однако очень далеко.»

Сославшись на Ленина, как на автора теории строительства

социализма в одной, отдельно взятой стране, Сталин сформулировал обвинение против Троцкого как автора противоположной теории, враждебной ленинизму. В резолюции XV партконференции эта позиция Троцкого охарактеризована следующим образом: «Троцкизм придерживается совершенно других взглядов на характер и перспективы нашей революции. Несмотря на то, что Троцкий шел в Октябре 1917 года с партией, он исходил и продолжает исходить из того, что наша революция сама по себе не является, по существу дела, социалистической, что Октябрьская революция есть лишь сигнал, толчок, исходный пункт социалистической революции на Западе, что если наступит затяжка мировой революции и победоносная революция на Западе не подоспеет в самый близкий период, то пролетарская власть в России должна будет пасть или переродиться (что одно и то же) под напором неизбежных столкновений между пролетариатом и крестьянством».

Между тем, рассмотрев внимательно позиции Ленина и Троцкого, мы убеждаемся, что между этими позициями не было никаких противоречий.

Так, оба они — и Ленин, и Троцкий — считали, что начинать революцию нужно на национальной почве, не дожидаясь начала революции в других странах. Потому и совпали полностью позиции Ленина и Троцкого во время подготовки Октябрьской революции.

Резолюция XV конференции обвинила Троцкого в том, что он рассматривал Октябрьскую революцию не саму по себе, не как исходный пункт для строительства социализма в России, а как толчок, пример, сигнал для мировой революции.

Но и здесь обнаруживается полное совпадение точек зрения Ленина и Троцкого.

Выступая на 1-м Всероссийском съезде работников просвещения 25 августа 1918 года Владимир Ильич говорил: «Каждый несет с собой на фронт сознание того, что он борется за судьбу не только русской, но и всей международной революции, ибо мы можем быть уверены в том, что русская революция — только пример, только первый шаг в ряде революций, которыми неизбежно закончится война.» (Ленин, т.37, стр.76).

Сталин обвинил Троцкого в утверждении, что если всеевропейская революция не подоспеет, то пролетарская власть в России должна будет пасть перед лицом «консервативной Европы».

Но и такой взгляд Л. Д. Троцкого нисколько не противоречил ленинским взглядам. В отчете ЦК VIII съезду партии, 18 марта 1919 года Ленин говорил: «Мы живем не только в государстве, но

и в системе государств, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо». (Ленин, т.38, стр. 139)

Л. Д. Троцкий считал, что подлинный подъем социалистического хозяйства станет возможным только после победы революции в важнейших странах Европы. Это тоже совпадает с позицией Ленина. Выступая 12 марта 1919 года в Петроградском Совете, В. И. Ленин говорил: «Дело строительства социализма целиком зависит от того, как скоро победит революция в важнейших странах Европы. Только после такой победы мы можем серьезно приняться за дело строительства». (Ленин, ПСС изд. II-е, т. 24, с. 33)

Выступая на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов в 1918 году, В. И. Ленин говорил:

«…С самого начала Октябрьской революции вопрос о внешней политике и международных отношениях встал перед нами как самый главный вопрос не только потому, что империализм означает отныне самое прочное и сильное сцепление всех государств мира в одну систему, чтобы не сказать в один грязный кровавый комок, но и потому, что полная победа социалистической революции немыслима в одной стране (подчеркнуто нами), а требует самого активного сотрудничества по меньшей мере нескольких передовых стран, к которым мы Россию причислить не можем. Вот почему вопрос о том, насколько мы достигнем расширения революции и в других странах и насколько нам удастся до тех пор дать отпор империализму, стал одним из главных вопросов революции». (Ленин,т.37, с.153)

Троцкий также считал, что русская революция является частью мировой революции и что окончательно победить она может только во всеевропейском масштабе, при государственной поддержке пролетариата передовых стран.

И Ленин, и Троцкий не рассматривали перспективу нашей революции в национальных границах, как это делал Сталин и как это делают сейчас его наследники, а ставили задачу удержать власть до тех пор, «пока не придут рабочие всех передовых стран… на помощь». (Ленин, т.36, стр.109). В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что национальные задачи нашей революции должны быть подчинены интересам международной революции.

«Если мы верим, — говорил он, — в то, что германское движение может развиться немедленно в случае перерыва мирных переговоров, то мы должны пожертвовать собою, ибо германская революция будет гораздо выше нашей». (VIII съезд РКП(б),

стр.245)

«Мы утверждаем, что интересы социализма, интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства. Мы оборонцы социалистического отечества». (там же, т.36, стр. 340–349)

«Мы приносим и должны принести величайшие национальные жертвы ради высшего интереса всемирной пролетарской революции». (там же, т. 37, стр. 190)

«Когда мы начинали в свое время международную революцию, мы это делали не из убеждения, что мы можем предварить ее развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию. Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наша победа вполне обеспечена, либо мы будем делать нашу скромную работу в сознании, что в случае поражения мы все же послужим делу революции. Нам было ясно, что без поддержки мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее мы думали: сейчас же или, по крайней мере, очень быстро наступит революция в других странах, в капиталистических более развитых, или в противном случае мы должны погибнуть. Несмотря на это сознание, мы делали все, чтобы при всех обстоятельствах и во что бы то ни стало сохранить советскую систему, так как знали, что мы работаем не только для себя, но и для международной революции». (Ленин, т.44, с.36)

Разве в этой ленинской постановке вопроса есть хоть намек на переключение тактики партии с перспектив мировой революции на перспективу строительства социализма в одной стране?

Ленин прямо говорит, что мы думали: если международная революция не придет, то мы должны погибнуть.

Ленин ставит вопрос о сохранении советской системы — для чего? Для строительства социализма в одной стране? Нет, «так как знали, что мы работаем не только на себя». А если б на мировую революцию надежд не было? Тогда не нужна была бы и советская система. Таков смысл этой выдержки Ленина.

Авторами теории строительства социализма в одной стране были Бухарин и Сталин. Обоснование этой теории бесспорно принадлежит Бухарину, так как Сталин не обладал способностями, чтобы обосновать какую бы то ни было теорию, даже такую реакционную. Сталин воспользовался бухаринским истолкованием вопроса о строительстве социализма и положил его в основу своей политической линии.

Сам Бухарин в брошюре, посвященной Октябрьской

революции и написанной им в начале 1918 года («От крушения царизма до падения буржуазии») писал: «Перед российским пролетариатом становится так резко, как никогда, проблема международной революции. Вся совокупность отношений, сложившихся в Европе, ведет к этому неизбежному концу. Так перманентная революция в России переходит в Европейскую революцию пролетариата».

Сталин до 1925 года вопрос о победе социализма в одной стране трактовал примерно так же, как и все большевики того времени, только более упрощенно и схематично.

В августе 1917 года, в отсутствии Ленина, который тогда скрывался в Разливе, Сталин и Свердлов проводили VI съезд партии. В эти дни Сталиным был написан и съездом принят «Манифест РСДРП(б) ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России», в котором имеются следующие слова: «С самого начала российский пролетариат понимал, что для успеха революции необходима взаимная поддержка рабочих всех стран, необходимо международное восстание порабощенных пролетариев Европы». (Протоколы VI съезда РСДРП(б), стр.271)

В 1924 году, в книге «О Ленине и ленинизме» Сталин писал:

«Но свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма — организация социалистического производства, — остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны — об этом говорит история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, — уже недостаточно, для этого необходимы усилия пролетариата нескольких передовых стран. Поэтому развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей революции. Поэтому революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство ускорения победы пролетариата в других странах». (Сталин «О Ленине и ленинизме», 1924, стр.60)

Аргументация Сталина небогата, в теоретических вопросах он почувствовал себя уверенным только тогда, когда все крупные партийные теоретики были уничтожены, и он выступал перед теми, кого сам официально утвердил «теоретиками». Однако и он подчеркивал, что революция победившей страны не должна

рассматривать себя как самодовлеющую величину, а как подспорье мировой революции. За эти же самые мысли, высказанные Троцким до 1924 года, Сталин обвинил его в разрыве с ленинизмом.

В приведенной выдержке Сталин примитивно толкует главную задачу социализма как задачу организации социалистического производства.

Организовать социалистическое производство пролетарская власть может и до победы революции в важнейших капиталистических странах, но окончательно построить более передовое и прогрессивное, чем капитализм, демократическое социалистическое общество без поддержки большинства передовых стран не сможет. Ибо окончательная победа социализма означает создание демократического общества без классов, без государства, без армии, без аппарата подавления, следовательно без насилия, с равенством труда и равенством платы, с более высоким уровнем производительности труда и более высоким уровнем жизни, чем при капитализме. Только так следует понимать социализм, и так понимали его и Маркс, и Энгельс, и Ленин.

Что вкладывал в понятие социализм Сталин?

Выступая на VIII пленуме ИККИ, он сказал:

«Но что значит построить социализм, если перевести эту формулу на конкретный классовый язык? Построить социализм в СССР это значит преодолеть в ходе борьбы своими собственными силами нашу советскую буржуазию (подчеркнуто нами). Поэтому когда говорят о том, возможно ли построить социализм в СССР, этим хотят сказать: способен ли пролетариат СССР преодолеть своими собственными силами буржуазию СССР. Так и только так стоит вопрос при разрешении проблемы о построении социализма в нашей стране». (VIII пленум ИККИ, протоколы, стр. 10)

«Так и только так» Сталин «завершил построение социализма» в СССР в 1936 году. При помощи аппарата подавления он ликвидировал советскую буржуазию, включая кулаков и нэпманов. И хотя Сталин в своей концепции, изложенной им в брошюре 1924 года, выглядел большим троцкистом, чем сам Троцкий, он полностью пренебрег своими прежними взглядами. При помощи всесильного НКВД он «организовал» социалистическое производство в деревне, предварительно уничтожив, пересажав в лагеря и уморив с голоду миллионы крестьян. Исходя из такого понимания социализма, наше правительство сегодня называет социалистическим любое отсталое государство — Ирак, Египет, Сирию, Алжир — лишь бы

оно проводило национализацию производства.

После того, как на пленуме ИККИ Л. Д. Троцкий показал всю ограниченность и попросту нелепость сталинской формулировки социализма как «преодоления буржуазии», Сталин в своем заключительном слове на том же пленуме попытался исправить и дополнить эту формулировку.

«Что значит, — говорил он, — преодолеть экономически буржуазию СССР? Или иначе, что значит создать экономическую базу социализма в СССР? Создать экономическую базу социализма это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целое хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе прямого обмена продукции сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается прежде всего капитал, создать, в конце концов, такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов».

Все его исправления и дополнения только усилили впечатление полного непонимания Сталиным сущности социализма.

Читая тогда его речь, мы еще не знали, как это будет выглядеть на практике. Но уже тогда многие понимали, что это не теоретические размышления серьезного марксиста, а планы ретивого администратора, который намеревается построить социализм такими мерами, как «подчинить», «ликвидировать», «наладить», «сомкнуть», «закрыть каналы» и т. п.

Теперь-то мы уже знаем, как на деле он «строил социализм» в СССР, какими мерами он воздействовал на народное хозяйство страны и как «закрывал каналы».

Будучи теоретически беспомощным перед своими выдающимися оппонентами, Сталин старался аргументировать преимущественно цитатами из ленинских трудов, пытаясь доказать, что автором теории «социализма в одной стране» был Ленин.

Приведя выдержку из статьи Ленина «О кооперации» («Разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?»), Сталин восклицает: «Вы видите, что эта цитата не оставляет никаких сомнений насчет возможности построения социализма в нашей стране».

Исключает ли эта мысль Ленина его неоднократно высказанное убеждение, что окончательное построение социализма невозможно без поддержки пролетариата передовых стран? Конечно, нет. Еще раньше Владимир Ильич подчеркивал:

«Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступит революция в других странах». (т.43, стр.59) Он неоднократно заявлял, что для окончательной победы социализма в такой стране, как Россия, требуются два условия:

«В странах развитого капитализма есть сложившийся в течение десятков лет класс наемных сельскохозяйственных рабочих. Только такой класс социально, экономически и политически может быть опорой непосредственного перехода к социализму. Только в таких странах, где этот класс достаточно развит, непосредственный переход от капитализма к социализму возможен и не требует особых переходных общегосударственных мер.

Мы подчеркивали в целом ряде произведений, во всех наших выступлениях, что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев. Социалистическая революция в такой стране может иметь окончательный успех лишь при двух условиях. Во-первых, при условии поддержки ее своевременно социалистической революцией в одной или нескольких передовых странах…

… Другое условие — это соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках власть пролетариатом и большинством крестьянского населения». (Ленин, т.43, стр.58)

О двух условиях для окончательной победы социализма Ленин говорил и в той статье «О кооперации», которую цитировал Сталин.

В статье «Лучше меньше, да лучше», написанной на два месяца позже, чем статья «О кооперации», Ленин опять связывает вопросы внутренние с вопросом о мировой революции. «Мы стоим в настоящий момент перед вопросом, удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западноевропейские страны завершат свое развитие к социализму».

Обращаю внимание на формулировки. Ленин не говорит: «удастся ли нам завершить строительство социализма в СССР до тех пор, пока…» Он говорит: «удастся ли нам продержаться…»

Таким образом, из факта задержки мировой революции Владимир Ильич не сделал вывод о необходимости пересмотра тактики партии, связывающей окончательную победу социализма в нашей стране с победой социалистической революции в передовых европейских странах, как об этом пишут и кое-кто на Западе, и у нас, в частности Р. А. Медведев.

Что же нужно для того, чтобы продержаться? В своих последних статьях («О нашей революции», «О кооперации», «Лучше меньше, да лучше») В. И. Ленин намечает основные вехи политики партии: индустриализация, коллективизация, борьба с бюрократизмом, чистка государственного аппарата, режим экономии и т. п. Таким путем, считал В. И. Ленин, мы сможем не только удержать власть до прихода мировой революции, но и подняться в течение этого переходного периода на значительно более высокий уровень цивилизации.

В этом и состояла программа социалистического строительства в нашей стране на период, пока не подойдут резервы мировой революции, а не в том, чтобы нацеливать партию на строительство в национальном масштабе, изолируясь от интересов мировой революции.

Сталин заявлял: «Если мы не в состоянии своими собственными силами преодолеть свою буржуазию, тогда, имея в виду отсутствие немедленной поддержки извне, мы должны честно и открыто отойти от власти».

Тактика большевиков в 1917 году исходила из того, что мы живем в эпоху империализма, войн и революций и, следовательно, приход рабочего класса к власти в любой стране не может быть преждевременным.

Вот если бы мы пришли к убеждению, что партия большевиков ошиблась при анализе характера эпохи, тогда было бы закономерно поставить вопрос о сдаче власти.

Раздумывая сейчас над логикой Сталина, мы приходим к такому выводу. Сталин считал, что мировая революция — это химера. Капитализм нашел в себе внутренние силы для преодоления кризиса. Если мы будем продолжать ориентироваться на мировую революцию, думал он, мы неизбежно придем к столкновению с мировым империализмом и погибнем в этом столкновении.

Почему Сталина привлекала теория строительства социализма в одной стране? Потому что первым и главным для него было достижение единоличной диктатуры, захват единоличной власти. А теория окончательного строительства социализма в одной, отдельно взятой, окруженной капиталистическим морем стране естественно брала на вооружение строжайшую централизацию, диктаторские полномочия. Оставаясь на позициях борьбы за мировую революцию и подчиняя ее интересам строительство в СССР, он такой перспективы не имел. Не было у него надежды на единоличное правление и на путях реставрации капитализма: во-первых, потому, что в этом случае партия за ним не пошла бы, во-

вторых, потому, что при таком повороте событий он был бы лишен централизованной экономической власти, дающей исключительную мощь. А именно о такой власти он мечтал. Отказавшись от мировой революции, он не отказался от строительства социализма, наоборот, он заявил, что социализм будет строиться в России и для России, и под этим флагом национального социализма усыпил бдительность партии. И на VIII пленуме ИККИ почувствовал себя уже настолько уверенно, что прямо заявил, что считает свою прежнюю позицию о строительстве социализма, изложенную им в 1924 году в брошюре «О Ленине и ленинизме» — ошибочной.

Известен ряд ошибок, допущенных Коминтерном. В частности, ошибка 1923 года привела к провалу вооруженного восстания в Германии, вследствие чего там не была использована революционная ситуация.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что безнадежных положений для капитализма нет. Если революционная ситуация вовремя не использована, капиталистические государства, имея опытных лидеров, могут выйти из революционного кризиса без поражений. И правительства крупнейших империалистических государств, хотя и пережили в 1917–1923 годах серьезные потрясения, все же вышли из кризиса без катастрофы, обогатившись политическим опытом борьбы с международным и своим пролетариатом.

Борьба фракций в ВКП(б) воодушевляла империалистических заправил, а победа сталинской фракции укрепляла надежды на ликвидацию планов мировой революции. Лидеры ведущих европейских капиталистических стран пошли по пути умиротворения своего пролетариата, отчасти — за счет репараций с Германии.

Под давлением оппозиции и для маскировки Сталин на VIII пленуме ИККИ признал, что социализм это такое общество, в котором нет классов и нет государства. Как обойтись без государства в капиталистическом окружении? Для защиты от внешних врагов, заявил Сталин, есть вооруженный народ. Тогда он не очень заботился о том, чтобы увязать одно с другим, он хотел только кое-как отбиться от своих противников и избегнуть обвинений в национал-социализме.

Потом, в 1936–1938 годах он забудет об этих своих теоретических уступках и сочинит новую «теорию» — о том, что по мере успехов в строительстве социализма классовые отношения будут все более обостряться.

Ликвидировав своих идейных противников, Сталин утвердился в своем первоначальном, примитивном понимании

социализма как государства, в котором все средства производства обобществлены, а крупная и мелкая буржуазия уничтожены.

Между тем для изолированного социалистического общества в капиталистическом окружении опасность состояла не в трудностях обобществления хозяйства. Главной опасностью были экономическая отсталость, недостаток культуры, цивилизованности и организованности пролетариата. Этих качеств не хватало, чтобы не допускать перемещения власти в руки проходимцев, бюрократизации партийного и государственного аппарата. Руководители отрывались от массы, и руководство превращалось в единоличную диктатуру.

Вот в каком смысле трактуется марксистами вопрос об опасности для революции отсталости страны, в которой она происходит, и пролетариата, который ею руководит, а не только в смысле отставания техники и экономики.

К. Маркс в ходе экономического анализа показал, что в рамках капитализма происходит централизация народного хозяйства, концентрация техники и рабочих на предприятиях, а вместе с этим — рост организованности, повышение дисциплины и культуры рабочих. Таким образом, подготовка пролетариата к взятию власти у капиталистов происходит еще в недрах капиталистического строя. И чем выше уровень индустриального развития страны, тем выше уровень культуры рабочих, тем подготовленнее пролетариат к овладению властью.

Подготовка пролетариата к власти происходит также и в политической области. Пролетариат передовых капиталистических стран проходит школу парламентской борьбы и приобретает опыт использования демократических институтов в своих классовых интересах. Обладая таким опытом, рабочий класс после пролетарской революции способен оказать решающее влияние на судьбы социализма.

И Маркс, и Энгельс подчеркивали, что социализм прежде всего должен превосходить самые передовые страны капитализма по уровню техники и по уровню материальной обеспеченности трудящихся. Уже по этой причине сталинский «социализм» не мог стать привлекательным для пролетариата передовых капиталистических стран, так как в европейских странах и США уровень техники и, что особенно важно, уровень заработной платы значительно превосходит уровень, достигнутый в СССР.

В 1965–1966 годах в Самиздате распространялась книга, приписываемая Варге: «Российский путь перехода к социализму». Автор этой книги, как и Сталин, считал, что автором теории строительства социализма в одной стране являлся Ленин. Он (автор) считал, что Ленин ошибался, заявляя, что «империализм

есть канун социалистической революции пролетариата». Он (автор) открыто говорил то, что думал, но скрывал Сталин, то есть, что большевики ошиблись насчет «эпохи войн и революций», и утверждал, что последние статьи Ленина свидетельствуют о его отказе от установки на мировую революцию и переключении на тактику строительства социализма в одной стране.

Все это совершенно неверно. О том, что империализм есть эпоха войн и революций, свидетельствуют и факты, которые приводит сам «Варга», факты, подтверждающие революционную ситуацию в 1917 и в двадцатых годах: революционные восстания в Германии в 1918 и 1923 годах, в Венгрии и Финляндии, восстание моряков во Франции, волна забастовок в Англии, и т. д., и т. п. Несмотря на отрицательное воздействие на ход мировой истории сталинского режима, мы были свидетелями дальнейшего распада капитализма, распада колониальной системы империализма. Сроки оказались более замедленными, чем предполагали вожди Октябрьской революции Ленин и Троцкий, но характер эпохи от этого не изменился.

Не соответствует действительности и приписываемое «Варгой» В. И. Ленину изменение в его последних статьях тактики — с установки на мировую революцию на переход к тактике «строительства социализма в одной стране». Толкование «Варгой» статьи Ленина «О нашей революции» как якобы обосновывающей эту новую тактику Ленина, — произвольно и несостоятельно. Выше приводилось достаточно доказывающих это цитат. Приведу еще одну — из статьи «Лучше меньше, да лучше», написанной почти одновременно со статьей «О нашей революции».

«Мы разрушили капиталистическую промышленность, постарались уничтожить дотла учреждения средневековые, помещичье землевладение, и на этой почве создали мелкое и мельчайшее крестьянство, которое идет за пролетариатом из доверия к результатам его революционной работы. На этом доверии, однако, продержаться нам до победы социалистической революции в более развитых странах нелегко». (т.45, стр.40)

Здесь, как и раньше, Ленин связывает борьбу за социализм в СССР с борьбой за мировую революцию в более развитых странах. Никакого «русского пути» к социализму, отличного от Марксова пути, Ленин не изобретал.

«Варга» писал, что по «русскому пути» к социализму пойдут все колониальные и полуколониальные страны, что «Россия открывала свой революционный новый тип развития, путем перехода к социализму, минуя собственный капитализм».

Это открытие сделано не в 1922 году. О переходе отсталых стран к социализму, минуя капиталистический путь, писал еще

К. Маркс, отвечая Вере Засулич на ее вопрос о возможности использовать для этой цели русскую общину. Однако это вовсе не исключает мировую социалистическую революцию, а наоборот, усиливает необходимость борьбы за нее, так как свершение такой революции в передовых странах облегчит и ускорит приобщение к социализму стран отсталых.

Ленин связывал возникновение новой революционной ситуации с подъемом революционного движения на Востоке, с неизбежным конфликтом между колониальным Востоком и империалистическим Западом, так же, как в 1917 году он связывал революцию в передовых странах Европы с Октябрьской революцией в России. Тогда эта связь рассматривалась им как начало, теперь — как продолжение «всемирного прорыва фронта империализма».

В позиции, занятой Лениным в 1922–1923 годах, нет никакого противоречия с его позицией 1917 года. И тогда, в 1917 году, и теперь, к концу своей жизни, основной задачей он считал международную революцию в передовых странах. Только тогда, в 1917 году для этих стран толчком стала Октябрьская революция, а теперь должен стать революционный подъем на Востоке.

На ход мировой революции отрицательное влияние оказала сталинская политика. Сталинская политика в Коминтерне, его же экономическая политика в СССР и установленный им же режим репрессий.

Неправильная политика Коминтерна в Германии разрушила намечавшееся единство коммунистов с социал-демократами, помогла фашистам прийти к власти, толкнула мелкую буржуазию в объятия фашистов.

Вступив в союз с социал-демократами против фашизма (что не исключало критики непоследовательности руководства социал-демократов), компартия Германии могла сплотить рабочий класс и привлечь на свою сторону мелкую буржуазию и таким образом противостоять фашизму и наращивать силы для захвата власти. Вместо этого Коминтерн и компартия Германии вели политику разъединения рабочего класса и отпугивания мелкой буржуазии, чем способствовали росту сил на стороне фашизма.

Сталинская экономическая политика в СССР привела к тому, что индустриализация и коллективизация сопровождались резким ухудшением материального положения рабочих, разорением крестьянства, сокращением поголовья скота, что тоже вело к дискредитации социализма.

Все это — при одновременном росте бюрократизма и увеличении доли чиновничества в национальном доходе — вело к

апатии рабочих, к потере материальной заинтересованности крестьян. И все это сопровождалось политикой репрессий по отношению к идейной и революционной части партии, разгромом старой гвардии — носительницы традиций большевизма.

Вот что ослабило советский строй, сделало его непривлекательным для пролетариата западноевропейских стран, способствовало стабилизации капитализма в западноевропейских странах.

Тот факт, что даже при сталинском «социализме» лидеры капиталистического мира вынуждены были идти по пути улучшения своего общества — улучшать материальные условия жизни рабочих, внедрять элементы планирования в экономику и др., — само по себе говорило о наступления новой эры и о том, что капитализм принимал меры, чтобы отдалить ее.

Теория Ленина о наступлении эпохи распада капитализма продолжает оставаться верной и сейчас, несмотря на длительную затяжку мировой революции. Это подтверждается непрерывными кризисными явлениями в капиталистической экономике, постоянными противоречиями и конфликтами внутри капиталистического общества, между капитализмом и социализмом, между капитализмом и третьим миром.

Как показала живая жизнь, путь перехода от капитализма к социализму не так прост. Как и при переходе от феодализма к капитализму, процесс идет не по восходящей прямой, как думали многие социалисты, а зигзагами. Замедленность движения к социализму объясняется тем, что идея диктатуры пролетариата была дискредитирована опытом СССР, Китая, ГДР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Албании и других стран.

Сталинский «путь к социализму» не сумел убить самое идею социализма, но надолго скомпрометировал движение к социализму через диктатуру пролетариата, провозглашенное Лениным. Теперь компартии ряда европейских стран так же, как и социалистические партии, стоят за переход к социализму мирным, парламентским путем.

Владимир Ильич, в полном соответствии с учением Маркса-Энгельса, считал, что начало первой фазы социализма наступит только тогда, когда будет покончено с капитализмом во всем мире — или, по крайней мере, в основных капиталистических странах. Тогда уже не потребуется государство для охраны социалистического общества от окружающих его капиталистических государств. «Вооруженные рабочие» будут только охранять народ от «хранителей традиций капитализма» — воров, насильников, мошенников и т. п.

После образования социалистического общества «все

граждане должны работать поровну и получать поровну», «все общество будет одной конторой с равенством труда и равенством платы».

«Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она станет ненужной».

После того, как «все научатся управлять и будут на самом деле самостоятельно управлять общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль» за уклоняющимися от гражданских обязанностей, «отпадет необходимость государства, и оно быстро начнет отмирать».

Победа социализма значила для Ленина не только ликвидацию буржуазии и организацию социалистического производства, но и целый комплекс мероприятий для расчистки «гнусностей и мерзостей капитализма». Вовлечение всех граждан в управление государством и хозяйством, развитие подлинной демократии, завершение социализма связывались для Ленина с коренной перестройкой всей жизни общества в экономическом, нравственном и интеллектуальном отношении.

Сталин не только не организовал борьбу широких масс против «мерзостей капиталистической эксплуатации», но еще увеличил количество этих мерзостей, создав еще более опасную касту бюрократов и привилегированных тунеядцев. Воровство, коррупция, мошенничество при Сталине не только не сократились, но стали еще более массовым явлением, чем при капитализме.

Сталин считал, что поскольку наша собственная буржуазия подавлена, а средства производства обобществлены, постольку строительство социализма завершено. Между тем, по мнению основоположников научного социализма, диктатура пролетариата полностью сохраняет свою роль не только для подавления собственной буржуазии, но и для того, чтобы сломить сопротивление мировой буржуазии.

На XVI съезде партии Сталин снова возвратился к вопросу о строительстве социализма в одной стране. Рабочий класс нашей страны, говорил он, хочет знать, для чего идет он на трудовые усилия, на трудовой подъем. «Отнимите у него уверенность в возможности построения социализма, и вы уничтожите всякую почву для соревнования, для трудового подъема, для ударничества», — говорил Сталин.

В этом проявилось его высокомерие, его неверие в способность рабочего класса осознать свои классовые задачи, рабочих нужно поманить конфетой — вот в чем смысл цинического утверждения Сталина.

Между тем, если бы рабочим откровенно сказали, что наш

строй не является еще социализмом, а является диктатурой пролетариата, осуществляемой коммунистической партией, но привлекали бы их всерьез к управлению страной и производством; если бы политика партии вела к равенству труда и равенству оплаты; если бы репрессии против политических противников не росли, а сокращались; если бы Сталина не превратили в божество; если бы с рабочими говорили так же откровенно, как при Ленине, — если бы все это осуществилось, то несравненно легче поднимались бы рабочие на подлинное соревнование и ударничество.

Массы трудящихся не только не привлекались к управлению, как этого добивался Ленин, но, наоборот, систематически отстранялись от него. Вместо этого была введена система выдвижения передовиков, построенная на подкупе привилегиями, славой, приближением к «божеству» и т. д. Таким образом была создана привилегированная прослойка «выдвинувшихся» из рабочего класса, ставшая опорой Сталина в массах. С излишествами не только не боролись, излишества использовали для привлечения кадров на свою сторону.

О том, как под влиянием теории социализма в одной стране менялась психология руководителей советской страны, можно судить по речи С. М. Кирова на XVII съезде партии. Вот широко известная цитата из этой речи:

«Успехи, действительно, у нас громадные. Черт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить!»

Эти вырвавшиеся из глубины души слова свидетельствуют, что Киров упоен успехами, достигнутыми Россией. Предел его мечтаний лежит в национальных рамках. Первоначальная цель Октябрьской революции — социализм во всем мире уже забыта Кировым. Он уже не задумывается над тем, что на международной арене пролетариат терпит поражение, не акцентирует на том, что в Германии к власти пришел фашизм… Теория «социализма в одной, отдельно взятой стране» выступает здесь перед нами во всей своей национальной ограниченности и хвастливой самоуверенности.

«Что это — глупость? — спрашивает Троцкий и отвечает: — Нет, этот человек не глуп и притом он выражает не только свои особые чувства. Оратор, как и его слушатели, забывает о всем остальном мире: они действуют, думают и чувствуют только „по-русски“ и даже в этих рамках по-бюрократически».

Вот это и есть то, что мы называли перерождением партии, потерей революционной перспективы, увлечением сегодняшним днем. Вот это и есть то, что левая оппозиция называла «национальной ограниченностью».

г) Индустриализация и коллективизация деревни

Одним из основных разногласий было разногласие по вопросу об индустриализации и о коллективизации крестьянских хозяйств.

В 1923–1927 годах в деревне происходили глубокие процессы дифференциации. Кулачество завоевывало одну позицию за другой, сосредоточивало в своих руках основные средства сельскохозяйственного производства и розничную торговлю, держало в экономической зависимости основную массу бедноты и примыкавших к ней середняков. Городские и сельские нэпманы, пользуясь товарным голодом в стране и неповоротливостью государственной и кооперативной торговли, обогащались за счет резкого повышения розничных цен по сравнению с оптовыми. Кулаки обогащались и проникая всяческими путями в руководство кооперацией.

Опасность состояла в том, что кулак мог повести за собой середняка. Кулаки, а за ними и зажиточные середняки, саботировали продажу хлеба государству. Вместо смычки рабочего класса с бедняком и середняком мы стояли перед опасностью смычки кулака с середняком, которая со временем могла перерасти в политическую опасность для диктатуры пролетариата.

Центральный Комитет партии и его вожди Сталин и Бухарин не видели тогда в росте и укреплении кулака опасности для революции. Они считали, что при наличии власти в руках рабочего класса рост экономики деревни и ее обогащение будут только способствовать экономическому могуществу пролетарского государства.

Объединенная оппозиция в своей «Платформе», поданной XV съезду партии, предлагала следующую программу:

увеличить налоговое обложение кулаков, зажиточных середняков (около 10 % населения деревни) и городских нэпманов с целью ограничить рост капиталистических элементов и накопить в руках государства средства для индустриализации страны;

повысить оптовые цены на промышленные товары широкого потребления и тем уменьшить образующийся в условиях товарного голода разрыв между оптовыми и розничными ценами (оптовая торговля находилась в руках государства, а розничная — в руках частника). Всю конъюнктурную разницу оппозиция предлагала класть в карман государства, а не частника, и образующиеся накопления также направлять на индустриализацию;

чтобы обеспечить эффективную смычку с крестьянством и оборону страны, усилить темп индустриализации, развивая в первую очередь тяжелую индустрию, в том числе тракторное и другое сельскохозяйственное машиностроение;

на базе развертывания индустриализации усилить кооперирование крестьянских хозяйств, в первую очередь — хозяйств бедноты, изолируя ее от кулаков, кредитуя приобретение колхозами сельскохозяйственных машин, наглядно показывая середнякам преимущества крупного коллективного хозяйства и таким образом добровольно вовлекая их в колхозы.

Оппозиция предлагала также освободить от налога 40 % крестьян-бедняков, установить льготы на их кредитование и обеспечить преимущественное снабжение их сельскохозяйственными орудиями.

Оппозиция утверждала, что политика партии в деревне должна строиться исходя из известной формулы Ленина: «Уметь достигать соглашения с середняком, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту».

Оппозиция считала, что для победоносного строительства социализма и сохранения за пролетариатом руководящей роли необходимо систематически повышать долю пролетариата в национальном доходе страны.

Так, с четырех сторон — путем ограничения эксплуататорских элементов (кулака и нэпмана), путем индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства, путем повышения доли рабочего класса в национальном доходе страны и увеличения его роли в экономике и политике — предлагал оппозиционный блок укрепить социалистические позиции пролетарского государства и смычку его с основной массой крестьянства — беднотой и середняками.

Пятнадцатый съезд партии по рекомендации Центрального Комитета 16 декабря 1927 года отверг оппозиционную программу. А в феврале 1928 года, т. е. меньше чем через два месяца после окончания съезда, Политбюро уже вводит экстраординарные меры по обложению сверхналогом не 10, а 15 % населения деревни и повышает оптовые цены на промышленные товары в размере значительно большем, чем предлагала оппозиция.

На апрельском пленуме ЦК 1928 года эти экстраординарные меры утверждаются. А затем от пленума к пленуму Центральный Комитет все дальше отклоняется от выработанной в борьбе с оппозицией и провозглашенной XV съездом политики либерального отношения к НЭПу и поощрения кулачества. Продолжая держать оппозиционеров в тюрьмах и ссылках,

Центральный Комитет в то же время беззастенчиво переписывает в свои документы пункт за пунктом из «Платформы» оппозиции. Так, если на XV партконференции и на XV съезде в интересах смычки с крестьянством отрицалась необходимость преимущественного развития тяжелой промышленности, то теперь, меньше чем через год, именно тяжелая промышленность признается главным фактором преобразования деревни.

Одной из наиболее распространенных фальшивок, подброшенных Сталиным в разгар внутрипартийной борьбы и продолжающих употребляться и сейчас, является утверждение о непонимании якобы Л. Д. Троцким ленинской политики по отношению к среднему крестьянству.

Казалось бы, такая фальшивка должна была сама собой отпасть после опубликования в 5-м издании Собрания сочинений В. И. Ленина его ответа на «Запрос крестьянина» (Ленин, т.37, стр. 478–479). Однако, в примечании к этому письму редакция ПСС пишет: «После победы Октябрьской социалистической революции Троцкий некоторое время формально (?) соглашался с политикой партии по крестьянскому вопросу. Такой характер носит и упоминаемое В. И. Лениным письмо Троцкого к крестьянам-середнякам» (ПСС, т.37, стр.621).

Фальсификаторы из Института марксизма-ленинизма лучше, чем Ленин, знают, что он, Ленин, хотел сказать. Ленин говорит, что никогда разумный социалист, а не только коммунист, не был против соглашения со средним крестьянином, а сегодняшние «марксисты-ленинисты» в полном согласии со сталинской фальшивкой пытаются представить дело так, будто Троцкий только «некоторое время», да и то формально соглашался с Лениным по вопросу о крестьянстве.

Пожалуй, Ленин все-таки лучше знал, кто с ним и в чем соглашался. И по этому поводу стоит вспомнить то, что говорил он в заключительном слове на X съезде партии, которому, как известно, предшествовала бурная дискуссия. «Два коренных вопроса, — говорил Ленин, — должны были быть разрешены единодушно, и у нас по вопросу об отношении авангарда пролетариата к его массе и об отношении пролетариата к крестьянству разногласий не было» (подчеркнуто нами).

д) Разногласия по внутрипартийным вопросам

В то время как большинство ЦК вело непрерывную пропаганду против оппозиции, искажая ее взгляды и приписывая ей различные криминальные дела, оппозиция была лишена

возможности вести открытую борьбу за свои взгляды. Разумеется, всякую возможность для открытых выступлений на партийных собраниях оппозиция использовала, но таких возможностей становилось все меньше. Поэтому мы вынуждены были пойти по пути создания фракции. Отсюда вытекало и все остальное: устройство фракционных собраний, издание подпольной литературы, создание на фабриках и заводах кружков по изучению платформы оппозиции и т. д.

Внутрипартийная борьба принимала все более острые формы. Однако оппозиция не смогла завоевать на свою сторону сколько-нибудь значительной массы членов партии. Слишком плотен был аппаратный заслон, установленный сталинским ЦК, и к партийным массам, особенно к партийным массам провинции, оппозиция пробиться не смогла.

Оставшись в меньшинстве, оппозиция накануне созыва XV партконференции, 16 октября 1926 года подала заявление в ЦК. Заявление, текст которого был согласован с ЦК, являлось документом, на основе которого стороны пришли к соглашению об установлении в партии длительного мира.

Но Сталин не был заинтересован в таком мире: наоборот, он торопился вышибить оппозицию из партии. Поэтому он беззастенчиво нарушил принятое соглашение и на первый очередной пленум ЦК вынес свой доклад об оппозиции. Протестуя против вероломства Сталина, Троцкий предупреждал его сторонников, что сталинский курс приведет к разрушению партии, к смертельной опасности для революции. «Генеральный секретарь, — говорил Троцкий, — выдвигает свою кандидатуру на пост могильщика революции».

Троцкий говорил, что Сталин использует апатию, царящую в массах; народ склоняется к поддержке сталинского курса в надежде на обеспечение в стране длительного мира. В разговоре со своими единомышленниками Троцкий как-то заметил, что революционеров, как правило, ожидает либо судьба Ленина, либо судьба Карла Либкнехта, и что его и его сторонников, видимо, ожидает судьба Либкнехта.

«Сталин, — говорил Л. Д. Троцкий, — ведет к физическому истреблению оппозиции; сегодня они фальсифицируют наши слова, завтра наши дела — теми же средствами, которые применялись к большевикам в июле 1917 года. Только слепые не видят этого, только фарисеи отрицают это».

После открытого нарушения Сталиным условий мира и начатой им атаки оппозиции борьба внутри партии приняла еще более резкий характер. В условиях нападения Сталина оппозиции заткнули рты и запретили ей защищать свои взгляды внутри

партии. Именно тогда оппозиция была вынуждена перейти к нелегальным средствам борьбы: выступление на беспартийных собраниях (известны такие выступления на заводе «Авиаприбор», в МВТУ, МГУ и др.), печатание листовок и «Платформы» оппозиции в подпольных типографиях, выступления Л. Д. Троцкого в Москве и Г. Е. Зиновьева в Ленинграде во время демонстрации 7 ноября 1927 года, и др.

Это выступление в день десятой годовщины Октябрьской революции ЦК и ЦКК использовали, чтобы исключить Троцкого и Зиновьева из партии накануне XV съезда, назначенного на ноябрь 1927 года. Таким образом предотвращалось их выступление на съезде с разоблачениями предательства Сталиным и Бухариным китайской революции и создания ими в партии диктаторского режима.

Выступая при исключении его из партии на пленуме ЦКК, Л. Д. Троцкий говорил:

«Мы будем критиковать сталинский режим, угрожающий завоеваниям Октябрьской революции, пока вы не заткнете нам рты.

Термидорианцы тоже ударяли по левым якобинцам при криках „Отечество в опасности!“, обвиняли левых как агентов Питта, так же, как оппозицию называют агентами Чемберлена. Не все еще потеряно, еще имеются в партии гигантский революционный потенциал, идеи и традиции, унаследованные от Ленина. Вы растранжирили большую часть этого капитала и заполнили его дешевыми суррогатами, но остается еще запас чистого золота.

Пусть правящая группа не торопится принимать решения, чтобы не пришлось сказать позже: мы участвовали с теми, от кого должны были обезопасить, и отсекли тех, с кем должны были вместе участвовать».

Сегодня, через 50 лет, можно оценить силу предвидения Л. Д. Троцкого.

Сталин, выдвинувший свою кандидатуру на пост могильщика революции, стал ее подлинным могильщиком. Он разрушил партию Ленина и создал новую партию по своему образу и подобию. Троцкого действительно постигла судьба Карла Либкнехта, и большинство участников оппозиции тоже были физически уничтожены Сталиным. Но не только они. Сталин истребил и большинство своих единомышленников, обвинив их в троцкизме. И, вероятно, многие из тех, кто помогал Сталину громить оппозицию, — такие, как С. Коссиор, Чубарь, Постышев, Эйхе, Кабаков, Хатаевич, Рудзутак и другие, — вспоминали в сталинских тюрьмах и лагерях вещие слова Троцкого: «Мы

участвовали с теми, от кого должны были обезопасить, и отсекли тех, с кем должны были вместе участвовать».

В момент исключения его из партии, Троцкий, хоть и с большим опозданием, внял призыву А. А. Иоффе и других единомышленников. Выступая на заседании ЦИК, он сказал: «Всякая группа, стоящая перед дилеммой, нужно ли во имя дисциплины умолкнуть или продолжать борьбу за возрождение, несомненно изберет последнее и скажет: к черту дисциплину, подавляющую жизненные интересы движения».

Все это так. И все же неизбежно возникает вопрос: почему вожди оппозиции так долго подыгрывали Сталину? Почему тогда, когда опытным политикам уже не могло быть не ясно, куда ведет партию и страну Сталин, вожди оппозиции шли ему на уступки? Почему подавали покаянные заявления сначала 16 октября 1926 года, затем 8 августа 1927 года и, наконец, на XV съезде партии?

Такая тактика вызывала недоумение, возмущение и протесты со стороны рядовых оппозиционеров и со стороны коммунистов, примыкавших к оппозиции в зарубежных компартиях.

В марте 1928 года, отвечая на письмо европейского коммуниста Урбанса, не понимавшего, как он выражался, покаянного стиля русских коммунистов, Л. Д. Троцкий писал:

«Что касается ваших многочисленных и резких критических замечаний о наших „заявлениях“, то вы обнаруживаете ими непонимание одной простой вещи, что все эти заявления не были нашими пропагандистскими документами, а были публично отданными приказами о временном отступлении. Судить о них надо, следовательно, не путем „разбора текстов“, а анализом политической обстановки, при которой проводилось отступление. Вопрос должен стоять так: неизбежно ли было отступление в соответствующий момент, отмеченный в заявлении, принесло ли в общем соответствующее заявление пользу оппозиции или вред».

Но это объяснение неудовлетворительно. В тактике покаянных заявлений фиксировалась не только беспринципность, но и недальновидность вождей оппозиции. Она приносила оппозиции не пользу, а вред, давая в руки Сталина козыри в виде признаний своими противниками их ошибок.

Среди оппозиционных течений были и такие, как «сапроновцы» или «децисты», которые считали все эти заявления троцкистской оппозиции капитулянтством.

Так, в своем письме в «Правду» один из вождей «децистов» В. М. Смирнов писал:

«Нынешнее правительство, действующее под вывеской советской власти, которую оно на деле уничтожило, является враждебным пролетариату, и пролетариат должен и будет

бороться против него за свою диктатуру, за подлинную власть Советов».

Это крайняя точка зрения. В. М. Смирнов забежал вперед и давал оценку наметившейся тенденции как уже совершившемуся факту. Но и в рядах троцкистской оппозиции существовал такой взгляд, что официальное партийное руководство уже переходит роковой исторический рубеж, и путь внутрипартийных реформ становится все менее надежным.

Так или иначе, тактика уступок, принятая руководством оппозиции, была ошибкой. Не принося оппозиции передышки, на которую она рассчитывала, эти заявления лишь способствовали потере авторитета вождей оппозиции в партийных низах, в рабочих массах, которые не понимали смысла этих зигзагов.

Если внимательно проанализировать отчетные доклады Сталина и Орджоникидзе XV съезду и прения по этим докладам, создается впечатление тщательно разыгранного сценария, в котором заранее размечено, кому что говорить, когда и какие подавать реплики, как не допустить, чтобы ораторы-оппозиционеры говорили об основных вопросах, об основных разногласиях. И режиссеру это удалось. Ни в докладах Сталина и Орджоникидзе, ни в выступлениях единомышленников Сталина не было даже попытки дать анализ основных экономических и политических разногласий. Все выступления, все реплики, вся сила огня были направлены против фракционной деятельности оппозиции, против расшатывания ею основных устоев большевизма — дисциплины и единства.

Попытки, выступавших на съезде оппозиционеров — Х. Г. Раковского, Л. Б. Каменева, И. Т. Смилги, Н. И. Муралова, Евдокимова, Бакаева — привлечь внимание делегатов к содержанию программы оппозиции успеха не имели. Практически им не давали говорить, осыпая их градом реплик.

Сталин сделал все, чтобы сначала отсечь вождей оппозиции от руководства партией, а затем и всех оппозиционеров исключить из партии как возбуждающих недовольство, «смутьянов». Разумеется, для Сталина и речи не могло быть, чтобы оставить вождей оппозиции в ЦК. Когда Каменев в своем выступлении сказал, что если оппозицию сохранят в рядах партии, она будет помогать ей, будет сигнализатором, Сталин в своем заключительном слове ответил на это так: «Говоря о себе как о сигнализаторах, оппозиционеры претендуют тем самым на руководство партией, рабочим классом, страной. Спрашивается, на каком основании?»

Вот это больше всего беспокоило Сталина — претензии на руководство. Он сделал все, чтобы отстранить близких к Ленину

вождей партии от руководства, а они, оказывается, еще на что-то претендуют. Но и отстранить ему было мало, ему нужно было скомпрометировать, унизить, поиздеваться. Так, говоря об отказе оппозиционеров от своих взглядов, Сталин сказал: «Не впервые им приходится отказываться от своих взглядов, — почему бы им не отказаться от них еще разик?» (Стеногр., стр. 412–416). Разве в этих словах не слышится уже голос будущего режиссера судебных процессов?

Требования отречься от своих взглядов в 1927–1928 году, как и требования признаться в не совершенных преступлениях в 1936–1938 годах, нужны были Сталину для одной и той же цели — лишить своих противников чести, авторитета, растоптать и унизить их, оставив его одного всегда правым и непогрешимым. Не интересы партии, не интересы революции, а далеко идущие замыслы диктатора руководили им.

Поддержанное съездом требование Сталина к оппозиции отречься от своих взглядов противоречило всему строю ленинской партии, всем ее принципам.

Исключение из партии большого количества оппозиционеров за фракционную работу при том, что оппозиции было отказано в напечатании — в порядке предсъездовской дискуссии — ее платформы и тезисов, свидетельствует о том, что нарушение оппозиционерами партийной дисциплины было вызвано, можно даже сказать спровоцировано сталинской фракцией, не давшей оппозиции изложить свои взгляды партийным массам.

Если бы ЦК дал указания опубликовать платформу и тезисы оппозиции в печати (как это было при Ленине даже в обстановке гражданской войны), разве стали бы оппозиционеры печатать их на ротаторах и пишущих машинках?

Как стоял на съезде вопрос о фракциях?

Вопрос о фракционности и дисциплине был выдвинут руководителями ЦК на первый план и затмил все остальные вопросы. Причем и в речах Сталина и Рыкова, и в речи Каменева усиленно подчеркивались недопустимость и вредность фракционности.

Я думаю, что и отношение самой оппозиции к этому вопросу было недостаточно четким. Оппозиция оправдывалась. На всех пленумах ЦК, конференциях и съездах оппозиционеры доказывали, что принципиально они против фракционности, что они вынуждены прибегать к фракционный методам только потому, что им не дают отстаивать свои взгляды. В такой формулировке чувствовалась неуверенность оппозиции в правоте и законности своих действий.

Между тем, при нормальном положении, в партии, какой она

была, скажем, при Ленине, все фракции во время внутрипартийной борьбы пользуются одинаковыми правами в смысле использования партийной печати, выступлений на партсобраниях и т. д. Фракции были нужны партии, потому что именно путем споров между фракциями можно было организовать эффективное и откровенное обсуждение различных взглядов.

В. И. Ленин, выступая против фракций, не отрицал правомерности фракционной борьбы, он лишь считал, что к этому крайнему методу следует обращаться в тех крайних же случаях, когда имеются острые принципиальные разногласия.

При Ленине в важные переломные периоды дискуссии внутри партии происходили по платформам, и это считалось совершенно естественным и закономерным. Так было во время борьбы по вопросу о Брестском мире, так было и во время дискуссии о профсоюзах. Запрещение фракций X съездом партии было временным мероприятием, вызванным остротой момента, в частности Кронштадтским мятежом.

В брошюре «Кризис партии», написанной в январе 1921 года, Владимир Ильич писал:

«Если есть коренные и глубокие разногласия, — могут сказать нам, разве не оправдывают они даже самых резких и фракционных выступлений? Если надо сказать новое и непонятное, не оправдывает ли это иногда даже раскола? Конечно, оправдывает, если разногласия действительно крайне глубоки и если исправления неправильного направления политики партии или рабочего класса нельзя достигнуть иначе». (ПСС, т.42, стр.275)

Второй раз Ленин выступил по вопросу о фракциях на X съезде, при рассмотрении и утверждении резолюции «О единстве партии».

Д. Б. Рязанов при обсуждении этого вопроса внес поправку к резолюции, которая гласила: «Осуждая самым решительным образом всякую фракционность, съезд в то же время высказывается так же решительно против выборов на съезд по платформам».

Владимир Ильич выступил против предложения Рязанова.

«Я думаю, — сказал он, — что пожелание т. Рязанова, как это ни жаль, неосуществимо. Лишить партию и членов ЦК права обращаться к партии, если вопрос коренной вызывает разногласия, мы не можем. Я не представляю себе, каким образом мы можем это сделать! Нынешний съезд не может связывать чем-либо выборы на будущий съезд: а если будет такой вопрос, как, скажем, заключение Брестского мира? Вы ручаетесь, что не может

быть таких вопросов? Возможно, что тогда придется выбирать по платформам… Я думаю, что запретить это мы не в силах… Это чрезмерное пожелание, которое невыполнимо и которое я предлагаю отвергнуть». (Стен. отчет X съезда РКП(б), М.1963, стр.540)

Но именно такое положение создалось в партии накануне XV съезда. Опасность, все более грозно нависавшая над партией, была куда более серьезна, чем фракционность и нарушение дисциплины. Это была та опасность, на которую обратил внимание в своем завещании Ленин и которой пренебрег ЦК опасность сосредоточения в руках Сталина «необъятной власти». Это влекло за собой, как вскоре подтвердила жизнь, сползание с пролетарской линии, ликвидацию ленинских норм и установление личной диктатуры.

Тем не менее XV съезд, даже не пожелав разобраться, откуда грозит опасность, во главу угла поставил вопрос о дисциплине и борьбе с фракционностью. Запретив, как уже сказано выше, печатание платформы оппозиции в партийной печати, ЦК санкционировал не только исключение из партии, но и арест директора типографии «Красный пролетарий» Фишелева, «самовольно» напечатавшего платформу.

Выступая на XV съезде, Рыков и Сталин, говоря об отречении от своих взглядов, проводили аналогию с обстановкой X съезда.

Аналогия эта не выдерживает критики. На X съезде никто не требовал от «Рабочей оппозиции» отречения от своих взглядов — требовали только отказа от их пропаганды. Сталин же и разделявшие его концепцию делегаты XV съезда в своих выступлениях и репликах требовали от оппозиционеров средневековых покаяний. Современные историки намеренно обходят, игнорируют эту разницу.

Нужно совершенно забыть или никогда не знать атмосферу, внутрипартийный климат, существовавший при Ленине, чтобы сравнивать с ней внутрипартийную атмосферу, созданную сталинским руководством.

«Рабочая оппозиция» расходилась с большинством партии по программным вопросам, она утверждала, что не партия, а профсоюзы являются авангардом пролетариата. Ленин определил это течение не меньшевистским, как назвал его Сталин, а «анархо-синдикалистским», и X съезд признал несовместимость пропаганды взглядов «Рабочей оппозиции» с принадлежностью к коммунистической партии.

Оппозиция же 1926–1927 г. стояла на программных позициях большевизма, и ни один из выступавших на XV съезде ораторов от большинства не смог опровергнуть этого, не смог доказать

выдвинутые против оппозиции обвинения в «меньшевистском уклоне».

Взгляды мясниковской группировки, которая защищала «свободу печати от монархистов до анархистов включительно», тоже не имели ничего общего с большевизмом и не выдерживают сравнения с взглядами оппозиции 1926–1927 годов.

Но разве можно сравнивать отношение Сталина к оппозиционному блоку с отношением Ленина к «Рабочей оппозиции» и даже к «группе Мясникова»?

Достаточно ознакомиться с письмом Ленина к Мясникову от 5.VIII.1921 года (ПСС, т.44, стр. 81–82), чтобы убедиться, с какой внимательностью и предупредительностью относился Ленин к своему идейному противнику. Владимир Ильич писал Мясникову:

«Оторванность комячеек от партии? Есть. Зло, бедствие, болезнь. Есть. Тяжелая болезнь. Лечить ее надо не „свободой“ (для буржуазии), а мерами пролетарскими и партийными. То, что вы говорите о поднятии хозяйства, об автоплуге и прочем, о борьбе за „влияние“ на крестьянство и т. д., содержит в себе много верного, много полезного. Отчего бы вам не выделить это? Мы сойдемся и будем работать дружно, в одной партии. Польза будет громадная».

Разве Ленин предлагал исключить из партии «Рабочую оппозицию», как проделал это Сталин с ближайшими соратниками Ленина? Нет, хотя взгляды «Рабочей оппозиции» отклонялись от программы партии.

Приведенная Рыковым на XV съезде партии выдержка из резолюции X съезда, относящаяся к «Рабочей оппозиции», приведена им не полностью. Полностью она выглядит так:

«Съезд РКП(б), решительно отвергая указанные идеи, выражающие синдикалистский и анархический уклон, постановляет:

1. Признать необходимой неуклонную и систематическую борьбу с этими идеями;

2. Признать пропаганду этих идей несовместимыми с принадлежностью к Российской коммунистической партии;

3. Поручить ЦК партии строжайшее проведение в жизнь этих своих решений. Съезд указывает вместе с тем, что в специальных изданиях, сборниках и т. п. можно и должно быть уделено место для наиболее обстоятельного обмена мнений членов партии по всем указанным вопросам». (Стен. отчет X съезда, стр.576)

Вот именно эту последнюю фразу и опустил Рыков.

Из стенограмм X съезда и из приведенного текста его решения явствует, что:

а) X съезд не исключил «Рабочую оппозицию» из партии и не

требовал от ее членов произнесения покаянных речей;

б) X съезд не только разрешил, но даже рекомендовал обмен мнениями «в специальных изданиях, сборниках и т. д.».

Можно ли сравнивать отношение к оппозиции X съезда, руководимого Лениным, и XV-го, руководимого Сталиным? Ведь ни накануне XV съезда, ни на самом съезде не было допущено никакого «обмена мнений», оппозиции заткнули рот, всех оппозиционеров исключили из партии, а затем постепенно передали в распоряжение органов ОГПУ и отправили в ссылку. А ведь в 1927–1928 году в стране не было ни голода, ни Кронштадтского восстания!

Ленин и возглавляемый им ЦК ни на X-м, ни на XI-м съезде не спешил с исключениями из партии, хотя оппозиция и после X съезда продолжала вести фракционную работу. Наоборот, ЦК делал все, чтобы облегчить оппозиции постепенное сближение с партией: выдвигал оппозиционеров на руководящую работу (Шляпников впервые был избран в ЦК именно на X съезде), доверял им руководство чисткой партийных организаций в ряде крупных центров страны, и т. п.

Сталин делал все наоборот. Ленин рекомендовал X съезду избрать в ЦК двух членов «Рабочей оппозиции». Сталин, не дождавшись XV съезда, в канун открытия дискуссии исключил из партии двух руководителей оппозиционного блока — Троцкого и Зиновьева. А ряд известных оппозиционеров, в том числе и бывшие члены ЦК, и герои гражданской войны (как, например, Мрачковский) были посажены в тюрьму или отправлены в ссылку.

Второго декабря 1927 года открылся XV съезд. На другой день, 3-го декабря более 120 ответственных представителей оппозиции обратились к съезду с предложением установить в партии мир. В основу этого мира подписавшиеся предлагали положить следующие принципы:

1. Прекращение всякой фракционной работы, роспуск всех фракционных организаций в РКП(б) и в Коминтерне.

2. Подчинение решениям съезда.

Подписавшиеся выразили свое непоколебимое решение пресекать любую попытку раскола и организации второй партии, как противоречащую учению Ленина и обреченную на гибель.

В то же время подписавшиеся представители оппозиции твердо заявили, что они не могут отказаться от взглядов, в правильности которых они уверены и которые изложены ими перед партией в платформе и в тезисах.

«Мы, — писали в своем заявлении 121 оппозиционер, — будем работать для партии, защищая свои взгляды в строгих рамках устава и решений партии, что является правом каждого

большевика, зафиксированным в ряде основных решений съездов при Ленине и после него». В заключение подписавшиеся заявляли: «Перед съездом и во время съездовской дискуссии мы боролись за свои взгляды со всей твердостью и решительностью. Решив подчиниться съезду, мы с той же твердостью и решительностью проведем это в жизнь, как верные солдаты большевистской пролетарской армии».

В ходе обсуждения текста «Заявления 121» в оппозиционном центре возникли серьезные разногласия между троцкистами и зиновьевцами. Троцкий и его единомышленники были против капитулянтских ноток, звучавших в «Заявлении», в частности — против приведенного нами выше заключительного абзаца. Но во избежание раскола троцкистская сторона пошла на некоторые уступки.

Съезд рассмотрел «Заявление 121» и вынес следующее решение: «Принимая во внимание, что разногласия между партией и оппозицией из тактических переросли в программные, что троцкистская оппозиция объективно стала фактором антисоветской борьбы, XV съезд объявляет принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в рядах большевистской партии». (XV съезд, стен. отчет, т. II, стр. 1434)

После принятия съездом этой резолюции, 18 декабря 1927 года на заседании оппозиционного центра произошел раскол в оппозиции. Часть оппозиционеров во главе с Зиновьевым и Каменевым решила капитулировать, и 19 декабря они подали новое заявление в президиум съезда. В этом заявлении они «приняли к исполнению требование съезда об идейном и организационном разоружении», иначе говоря — отказались от своих взглядов. Вскоре к ним присоединились и некоторые троцкисты: Г. Пятаков, Л. Серебряков, Дробнис.

После раскола оппозиции троцкистская группировка подала за подписями Смилги, Муралова, Раковского и Радека заявление XV съезду от имени всей оппозиции. В этом заявлении более резко, чем в заявлении 121-го, подчеркивалась приверженность платформе оппозиции.

19 декабря XV съезд вынес решение по поводу «Заявления 23-х» (зиновьевцев), в котором говорится:

«1. Не рассматривать заявления исключенных из партии Каменева, Зиновьева и др., внесенное 19 декабря 1927 года, ввиду того, что XV съезд уже исчерпал вопрос об оппозиции в резолюции от 18 декабря.

2. Предложить ЦК и ЦКК принимать заявления исключенных из партии активных деятелей бывшей оппозиции лишь в

индивидуальном порядке и принимать решения по заявлениям лишь спустя шесть месяцев после подачи заявления при условии, что: а) поведение подавших заявление соответствует обязательствам, взятым на себя авторами заявлений; б) сами заявления б. оппозиционеров вполне отвечают требованиям XV съезда и, следовательно, исходят из отказа от „платформы 83-х“, „платформы 3 сентября“ и „платформы 15-ти“».

Заявления оппозиции, даже такие крайне капитулянтские, как заявление 23-х зиновьевцев, уже не могли смягчить Сталина. Эволюция коммунистической партии, двигавшейся по пути сползания с марксистских позиций на путь единоличной диктатуры, продолжалась. Наоборот, капитуляция зиновьевцев только укрепила Сталина в его намерении и придала ему уверенности.

17. Арест, тюрьма и ссылка

Массовые аресты оппозиционеров начались вскоре после съезда. Оппозиционный центр оповестил нас о принятом Политбюро решении: всех активных оппозиционеров арестовать и отправить на три года в административную ссылку. Будучи предупреждены мы могли подготовиться к обыскам, в частности — изъять из квартир всю нелегальную литературу.

Высылали оппозиционеров в отдаленные места Сибири и Средней Азии. Лидеров вызывали в ОГПУ и зачитывали им соответствующее решение коллегии ОГПУ. Так были вызваны Х. Г. Раковский, К. Б. Радек, И. Т. Смилга, И. Н. Смирнов, Е. А. Преображенский и многие другие.

Несколько иначе обстояло дело с Троцким. Ему объявили у него на квартире, что его направляют в ссылку в город Верный (ныне Алма-Ата). Ему предоставили отдельный вагон, в котором, кроме него и ехавших вместе с ним членов семьи, разместились его личный архив, библиотека и все необходимые ему вещи (включая охотничий инвентарь и собаку, по поводу которой было много острот в тогдашних газетах).

Высылка Троцкого была назначена на 7 января 1928 года. Поезд, к которому должны были прицепить его вагон, отходил с Казанского вокзала, и к назначенному времени там собралась огромная толпа, не меньше 6–7 тысяч человек, конечно, преимущественно оппозиционеров. Поезд стоял на линии, но вагона с Троцким и его семьей не было. Мы решили, что Троцкого спрятали в одном из вагонов, и отдельные товарищи стали обходить один вагон за другим. Но Троцкого не было. Тогда демонстранты легли на рельсы и задержали поезд на два часа, до тех пор, пока, созвонившись с квартирой Троцкого, не узнали, что все дома, потому что никто за ними не приезжал.

Приехала за ним группа чекистов во главе с Дерибасом на другой день. Возмущенный обманом, Троцкий отказался открыть им дверь. Дверь взломали. Троцкий отказался добровольно ехать с ними. Тогда, обратившись к охране, Дерибас воскликнул:

— Товарищи, послужим Советскому Союзу, потащим Троцкого в машину!

— Контрреволюции вы служите, а не Советскому Союзу, — ответил Троцкий, которого на руках потащили в машину.

Троцкого и членов его семьи посадили в машину, вывезли на какую-то станцию окружной железной дороги, где его ожидал вагон. Затем этот вагон вывезли на Казанку, где прицепили к поезду, идущему в Среднюю Азию.

За мной пришли вечером 8 января. Три вооруженных чекиста, явившиеся на квартиру, предъявили ордер на обыск и арест. Обыск длился несколько часов, кое-что у меня взяли, но основная литература была спрятана. Повезли меня на Лубянку, 2 (ныне площадь Дзержинского), в комендатуру, расположенную в первом этаже главного здания ОГПУ. Там я случайно встретился с несколькими оппозиционерами из нашего института. То есть они попали туда не случайно, а так же закономерно, как я. Случайной была только наша встреча, потому что тюремная система на Лубянке, 2 была построена так, чтобы арестованные ни в коем случае не могли встретиться. Но гепеушники еще не были тогда так подготовлены к массовым арестам, как впоследствии, а в тот день в Москве были произведены такие массовые аресты оппозиционеров, что комендатура не сумела обеспечить полную изоляцию заключенных.

Как я узнал потом, в тот день были арестованы и почти все оппозиционеры-плехановцы: В. Мишин, П. Поддубный, И. Ефретов, Я. Каганович, Кучин, Шабхи и многие другие.

Привезли меня на Лубянку в полночь и сразу приступили к личному обыску, фотографированию, «игре на пианино» (снятие отпечатков пальцев) и прочим процедурам, которые так точно и с такой художественней силой описаны А. И. Солженицыным в его «Круге первом».

Операции по «обработке» заключенного ничем не отличались в 1928 году от тех, которым подвергся в 40-х годах арестованный дипломат Иннокентий из солженицынского романа. Разница была в переживаниях. Иннокентий, до самого момента ареста принадлежавший к «элите» и вовсе не собиравшийся бороться с этим строем, был ошеломлен самым фактом ареста и грубым обращением с ним. Мы, оппозиционеры, арестованные чуть не на двадцать лет раньше, знали, на что мы идем и с кем боремся, и были готовы ко многому.

И все-таки — не ко всему. Меня поразила система унижения человеческого достоинства, уже тогда применявшаяся советским государственным строем, в создание которого и я внес свою лепту. Несмотря на мою психологическую подготовленность к аресту, на меня произвело глубокое впечатление заглядывание обыскивающего в задний проход и еще большее — поведение женщины-врача.

Когда меня привели к ней, я увидел молодую, привлекательную женщину. Но обратилась ко мне эта «женщина» с такими словами:

— Брюки вниз, рубашку вверх. Поднимите член, нажмите, отпустите, одевайтесь.

Вот это меня ошеломило. Эти слова, это каменное выражение лица, этот бесцветный, казенный голос… Проделывая все приказанные мне манипуляции, я позволил себе заметить:

— Вы не врач, а тюремщик!

Она презрительно взглянула на меня. А я, уходя, думал: ведь все это должно унижать ее больше, чем меня! Зачем же она идет на это? Неужели только из-за тех благ, которыми одаряют ее «органы»?

И в комендатуре, и в камере, и в коридорах, по которым арестованного ведут на допрос, на оправку, в баню и в другие места, ему запрещается громко говорить. Мы, бывшие члены партии, попавшие в 1928 году в советскую тюрьму, этим правилом намеренно пренебрегали. Каждый раз, проходя по коридору, мы выкрикивали свои фамилии и спрашивали, кто здесь из Плехановки?

Я не переоцениваю нашу смелость: ведь тогда еще никого не били и не пытали. А посадить всех в карцер не было возможности: тюрьму переполняли оппозиционеры, и все они вели себя так же. «Попки» и тюремная администрация не знали, что с нами делать: мы ломали строго установленный тюремный режим. Единственным выходом было быстрее заканчивать следствие и вышибать нас с Лубянки в Бутырскую пересыльную тюрьму.

После обыска, осмотра и прочего меня отправили в знаменитую «внутреннюю тюрьму», здание которой до революции было гостиницей.

Основное здание ВЧК-ОГПУ, выходящее на площадь Дзержинского, принадлежало до революции Обществу государственного страхования (сокращенно «Госстрах»). (Здесь, на Лубянке, я впервые услышал остроту: «Раньше был Госстрах, а теперь — Госужас»). Во внутреннем дворе помещалась гостиница для приезжавших в командировки чиновников Госстраха. После того, как ее превратили в тюрьму, здание соединили крытым переходом с основным домом, где размещался аппарат ГПУ, в том числе и следователи. На стыке перехода с основным зданием установили пост, который каждый раз фиксировал записью в книге передачу заключенного следственным органам, а по возвращении со следствия снова делал запись, сопровождаемую распиской заключенного.

Во внутренней тюрьме меня сначала повели в баню (тоже очень точно описанную Солженицыным), а потом в камеру, куда вскоре принесли койку, матрац, одеяло, пуховую (роскошно жили тогда заключенные!) подушку, две простыни, полотенце и эмалированную кружку.

В камере, когда меня туда привели, находилось пять человек.

Пока я там находился, количество менялось — от трех до восьми. Если коек было шесть, они располагались вдоль стен, если больше, лишние ставили посреди камеры, напротив двери, и, конечно, была в камере «параша».

Окно, во всю его высоту, изолировал от двора и от соседних окон щит. Все трубы были ограждены, и перестукивание таким образом исключалось.

Забыл рассказать, что прежде чем попасть в камеру, заключенный, по ходу «обработки», время от времени попадал в так называемый «бокс» — крохотную одиночную камеру, без параши, иногда приспособленную только для сиденья, иногда имеющую вделанный в стену топчан. Опытный заключенный, попав в бокс, сразу догадывается, что это — временное помещение (нет ни окна, ни «параши»). Неопытный же, как Иннокентий, и впрямь может подумать, что это одиночная камера.

В камеру я явился около пяти часов утра, и пока меня вводили, приносили койку, пока я стелил — все, конечно, проснулись. Но было не до разговоров, я улегся и заснул, хотя через час прозвучал подъем. Впрочем, тогда это ничем особенным не грозило: в 1928 году разрешалось и спать днем, и читать лежа.

Утром я познакомился с соседями. Один из них, военный (у него на петлицах остались следы двух ромбов), китайский коммунист, учился в Академии генерального штаба СССР. Он прекрасно говорил по-русски и рассказал мне, что сидит по подозрению в шпионаже в пользу Японии, но что несколько дней назад у него было свидание с начальником Генштаба Егоровым, и тот сказал, что его скоро освободят. С ним было интересно разговаривать, мы обсудили многие политические проблемы, причем оказалось, что по китайскому вопросу он полностью солидарен с Троцким.

Я договорился о ним, что если он освободится, то зайдет к моей жене и расскажет ей, что я здоров, бодр и вовсе не унываю. Действительно, его через несколько дней освободили, и как я потом узнал, он зашел к Розе и все ей рассказал.

Сидел со мной в камере и заключенный совсем другого рода — крупный профессиональный бандит, из «могикан» этого дела. По внешнему виду, по манерам, языку это был вполне интеллигентный человек, владевший, кстати, кроме русского, французским и итальянским языками. Сидел он, как рассказал мне, за крупную аферу, и ему грозил расстрел. Выдал его бывший член его группы по кличке «Ромка», который «ссучился», стал работать на ОГПУ и «накрыл» его в дачном поселке, где он «гулял» с элегантными дамами. Дальше, судя по его рассказу,

разворачивалась типичная уголовная романтика. Оперативники на нескольких машинах окружили дом, стоявший «на стреме» сообщил об опасности, чекисты вошли во двор, он со второго этажа открыл по ним стрельбу и ранил нескольких человек. Но и его тяжело ранили в ногу, взяли, положили в больницу, вылечили и начали следствие.

Он говорил, что начальник отдела ГПУ, занимавшегося борьбой с бандитизмом, некий Вуль, сам бывший крупный бандит, «завязавший», предлагает ему, моему соседу, тоже «ссучиться» и идти на работу в его отдел. Вот теперь он должен решать: или в «бандотдел», или под расстрел.

Через несколько дней его забрали от нас. Как он решил — не знаю.

Расстреливали, по словам заключенных, в подвале нашей «внутренней» тюрьмы. Заключенного, приговоренного к расстрелу, вели в подвал, и шедший сзади чекист стрелял ему в затылок.

Третьего арестованного, украинца из Галиции, обвиняли в шпионаже. Следствие уже закончилось, и он ждал суда.

Через несколько дней в камере появился еще один заключенный по фамилии Иоффе. Это была колоритная фигура. Могучего сложения и необъятной толщины, с огромным животом и соответствующего объема противоположным местом, веселый и неунывающий, он появился в камере с чемоданчиком в руках, и вид у него был такой, будто он приехал на курорт.

Крупный делец-нэпман, Иоффе занимал пост председателя смешанного (с участием государственного капитала) акционерного общества по добыче, переработке и продаже рыбы. В Москве, в Охотном ряду (там, где сейчас здание Госплана СССР) у него был фирменный рыбный магазин, а в Астрахани — рыбные промыслы с заводом, производившим консервированную, копченую и соленую сельдь, белугу, осетрину, севрюгу и стерлядь. Ворочал он миллионами.

Во внутренней тюрьме Иоффе сидел не один раз, хорошо знал все порядки, и так как всегда, по его словам, выходил сухим из воды, был уверен, что и сейчас отделается легким испугом. Ныне его обвиняли в небольшом мошенничестве, которое могло дать ему большую прибыль: в том, что в каждую бочку сельди, проданной государству, он влил по лишнему ведру воды. При крупной партии сельди это могло составить большую сумму. Иоффе, впрочем, уверял, что обвинение ложное и что воды было влито ровно столько, сколько полагается по рецепту.

В чемоданчике, который ему, в порядке исключения, разрешили взять в камеру, кроме белья, лежали всякие съедобные

деликатесы, а главное несколько блоков хороших папирос по 100 штук в каждом. Это тоже было исключение: у нас пачки вскрывали, и папиросы передавали нам навалом.

— Курите, — сказал он, широким жестом кладя блок папирос на стол, курите, не стесняйтесь. Выкурим — мне следователь еще передаст… И, закрывая чемоданчик, сказал:

— Вот, как прихожу из тюрьмы домой, так сразу заполняю его тем, что мне в тюрьме может понадобиться. Пусть стоит наготове…

Пробыл я на Лубянке недолго, недели две-три. Когда меня вызвали к следователю, я заявил ему, что ГПУ не имеет права вмешиваться во внутрипартийные разногласия и отказался давать показания. На этом мои встречи со следователем закончились, и через некоторое время меня перевели в Бутырскую тюрьму.

Здесь была другая обстановка. Камера огромная, людей много, не койки, а нары, постельного белья нет — спят или на голых досках, или на своем тряпье, под потолком — тусклая лампочка, облепленная пылью и грязью. Воздух — смесь гнилых овощей, пота, человеческих испарений и вони от параши. Меня ввели в камеру ночью, и увидев представшую передо мной картину, я от неожиданности остановился, надзиратель легонько подтолкнул меня в камеру и закрыл за мной дверь. Я продолжал стоять.

Кто-то с нар тихо подозвал меня. Я подошел.

— Пятьдесят восьмая? Оппозиция? — так же тихо спросил человек.

— Да, — ответил я.

— Садитесь (он подвинулся). Давно арестованы?

— Восьмого января.

Человек подвинулся еще, выделив мне полоску на нарах, чтобы можно было улечься боком, и посоветовал заснуть.

Я лег, но заснуть не мог

Утром, когда обитатели камеры проснулись, я постепенно составил себе представление о них. Большинство в нашей камере составляли растратчики, взяточники, проворовавшиеся и профессиональные уголовники («урки»), их было немного, но они терроризировали остальных и особенно преследовали политических. Меня они, естественно, встретили враждебно и явно искали случая наброситься. Но мы договорились с моим соседом, сплотили вокруг себя остальных (в том числе и нескольких религиозников, которых тоже особенно преследовали урки) и встретили нападение организованным отпором. После того, как мы их загнали под нары, урки присмирели и к нам больше не приставали. Жаль было среди них только молодых.

Помню молодого паренька, почти подростка, сидевшего, подвернув ноги, на нарах и вдруг запевшего слабым, почти детским голоском:

В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла
И родному своему сыну
Передачу принесла.

В 1928 году в Бутырской тюрьме на окнах еще не было козырьков. Поэтому оппозиционеры — а они были во всех камерах — связывались друг с другом через окна. Увидеть друзей и знакомых в окнах можно было и во время ежедневной получасовой прогулки. Кроме того, нам удалось наладить связь со всеми камерами через арестантов-бытовиков, разносивших пищу: они исправно передавали наши записки. Бесперебойно работал и тюремный телеграф: перестукивание по водопроводным трубам.

Так в течение двух-трех недель была подготовлена голодовка оппозиционеров, находившихся в Бутырской тюрьме. Мы предъявили такие требования:

Содержать всех политических заключенных отдельно от уголовников;

Улучшить пищу;

Ускорить отправку оппозиционеров в ссылку.

При невыполнении наших требований в течение 3-х дней мы объявляли голодовку.

Текст заявления мы согласовали друг с другом, подали одновременно вечером, на проверке, и передали его на волю. Московская подпольная оппозиционная группа выпустила по этому поводу листовку.

Однако голодовка не состоялась. За день до истечения объявленного нами срока нас поторопились вывести из камер на так называемый вокзал Бутырской тюрьмы, где нас должны были рассортировать по направлениям и местам ссылки.

Каждому из нас объявили решение Особого Совещания: по статье 58 п.10 принудительная ссылка сроком на три года. Затем дали свидание на полчаса. Ко мне, конечно, пришла жена, принесла мне вещи и продукты на дорогу, рассказала, что делается в Москве и сообщила, что меня отправляют в Среднюю Азию.

После этого меня, уже с вещами, вернули на вокзал Бутырской тюрьмы. Здесь уже были все наши, мы встречались и прощались с друзьями по оппозиции, узнавали, кто как «сидел», кто куда выслан. Узнали здесь и о том, кто из наших бывших

единомышленников не выдержал нажима и стал «сотрудничать» с чекистами: рассказывать о своих связях, о местах хранения литературы и множительных аппаратов, и т. п. Здесь же на ходу давались поручения тем, кого еще не вызвали на свидание: передать на волю фамилии предателей.

На «вокзале» Бутырок я успел увидеть своих друзей по институту: Ефретова, Бригиса, Я. Кагановича, Мишина и других.

…Началась отправка. Вскоре вызвали меня и со мною еще шесть не знакомых мне оппозиционеров, среди них одна женщина. Нас посадили в машины, привезли на Казанский вокзал и ввели в помещение транспортного отдела ГПУ. Там нас ожидал начальник Главного политического управления ОГПУ Агранов, который, как оказалось, провожал всех, уезжающих в ссылку с этого вокзала.

Агранов обратился к нам со следующей информацией:

— Вы едете в Ташкент. Там явитесь в распоряжение П. П. ОГПУ по Средней Азии, который распределит вас по местам ссылки. Поедете вы в обычном плацкартном вагоне в сопровождении работников ОГПУ. Старшим из них я назначаю такого-то, который несет ответственность за вашу поездку. Ему дано указание обеспечить вам возможность выходить на остановках из вагона, гулять по перрону, делать покупки в ларьках, ходить в буфет и ресторан. Все это при том условии, что вы не будете общаться с пассажирами ни в поезде, ни на платформах, говорить о том, что вы едете в ссылку, устраивать шум и дебоши. В противном случае охрана запретит вам выход из вагона. При нежелании выходить охрана обязана делать для вас необходимые покупки.

— Сейчас, продолжал Агранов, — вам выдадут по ведомости по 30 рублей на дорожные расходы. По постановлению коллегии ОГПУ на месте ссылки неработающие ссыльные будут получать пособие по тридцать рублей в месяц. Работающие пособия получать не будут.

Нам выдали пособие и повели нас в вагон, где уже лежали наши вещи. Перрон был пуст — очевидно, провожающим в этот раз было запрещено выходить к поезду. Но наши жены стояли в каком-то закуточке — они все-таки узнали время отхода поезда. Когда мы проходили в вагон, Роза окликнула меня. Узнав, что наши близкие здесь, мы стали требовать, чтобы их пустили к нам, и Агранов, видимо, боясь шума, разрешил это. Мы прощались с ними на перроне до второго звонка. Потом раздался звонок, мы вошли в вагон — и поезд тронулся.

В пути все мы систематически нарушали установленные для нас правила. Особенно отличалась этим Ида Шумская. На

остановках она все время ходила по платформе и говорила пассажирам, что мы — старые члены партии, истинные ленинцы, что нас везут в ссылку, что Сталин — термидорианец, и прочее. При смене паровозной бригады она подходила к паровозу и сообщала новой смене, кто мы такие, в каком вагоне едем, как нам предложили участвовать в обмане масс и никому не говорить, куда нас везут. Она стыдила машинистов, что они, вольно или невольно, участвуют в расправе над большевиками.

Сначала мы делали то же самое, правда, с меньшим надрывом, чем Ида. Но наши демонстрации ни на кого особого впечатления не производили — и постепенно не только мы, но и Ида Шумская, прекратили спектакль.

В Ташкент мы приехали поздно вечером, и нас прямо с вокзала отвезли в гостиницу. Представитель комендатуры ГПУ сообщил нам, что мы свободны, только завтра утром должны явиться в П. П. ГПУ для регистрации и получения направления на место ссылки.

Стоял март. В Москве при выезде было холодно, в Оренбурге нас задержали снежные заносы, а здесь, в Ташкенте, было тепло. Мы погуляли по улицам, легли спать, а утром, до явки на регистрацию, решили сходить на ташкентский базар. Съели шашлык в чайхане, купили огромную, весом килограмм 18, чарджуйскуто дыню и торжественно съели ее в гостинице. Потом всей компанией отправились в ГПУ.

(Я рассказываю, вспоминаю все это и думаю: боже мой, что за идиллическое, младенческое, патриархальное было время! А ведь сами себе мы казались героями… Если бы мы знали, что нас ждет впереди!)

В приемной я узнал, что начальником Ташкентского ГПУ является Бельский, переведенный сюда с Дальнего Востока, где он в мои дальневосточные времена был первым председателем Владивостокского губревкома. Когда-то мы хорошо знали друг друга…

Ко мне подошел комендант, который тоже меня помнил, тоже из дальневосточников, и сказал:

— Вас просит к себе товарищ Бельский.

Оказалось, что Бельский, просматривая списки высланных, увидел мою фамилию и послал коменданта проверить, тот ли это Абрамович, и если тот, то пригласить (пригласить!) меня к нему.

Я оказался «тот самый». Бельский встретил меня радушно, поздоровался, пригласил сесть и озабоченно спросил:

— Как ты попал в эту компанию?

— В такую компанию попасть не стыдно, — ответил я. — Лучше, чем участвовать в расправе со своими партийными

товарищами.

— Ого-го-го! — воскликнул он. — Знаешь что, брось ты это все. Вот тебе бумага, садись, пиши заявление — и езжай обратным поездом в Москву!

— Спасибо, не надо. Предпочитаю остаться в ссылке и вести борьбу с перерожденцами.

— Как хочешь, — сухо оказал Бельский и велел коменданту отвести меня к моим товарищам.

Все же при распределении он направил меня в один из лучших в климатическом отношении районов Средней Азии — в город Коканд. Поехало нас туда двое — я и Федя Пилипенко, децист.

Приехали мы в Коканд, с разрешения коменданта окротдела ГПУ оставили у постового вещи и пошли искать квартиру. По дороге зашли в шашлычную, с удовольствием поели шашлыка, который жарился тут же при нас и стали осматривать телеграфные столбы, на которых висело множество объявлений о сдаче квартир и комнат.

Шашлык, ароматный и вкусный, стоил дешево (10 копеек палочка, на которой было грамм сто мяса), зато квартиры — дорого. За комнату 15–20 метров просили 30 рублей в месяц. По тем временам 30 рублей получал малоквалифицированный рабочий, и на них жила семья. Пришлось нам с Федей все же снять комнату за тридцать рублей, в надежде, что впоследствии подыщем что-нибудь более доступное.

Вернулись в ГПУ, забрали вещи, оставили часовому, как нам сказали, свой адрес. Прочитали висевшее на лестнице объявление, из которого узнали, что ссыльные обязаны раз в неделю, в определенные часы, приходить «отмечаться», а также сообщать в комендатуру о всех изменениях адреса. Отнесли вещи домой, где хозяйка уже успела поставить и застелить кровати, отдохнули и пошли посмотреть город, где нам предстояло жить три года.

Город Коканд был некогда столицей Кокандского ханства, существовавшего с XVII века вплоть до насильственного присоединения ханства к Российской империи. В 1875 году в городе был дворец последнего хана Худояра, построенный за пять лет до падения ханства.

В 1928 году в г. Коканде жило около 50 тысяч человек. Город разделялся на старый — азиатский и новый — европейский. В азиатской части города были глинобитные дома, глядевшие на улицу слепыми стенами без окон (окна выходили только во внутренний двор, где проходила жизнь узбекской семьи), узкие кривые улочки, по которым могла проехать только местная

двухколесная арба.

Мы с любопытством разглядывали все это, но, собственно, и разглядывать было почти нечего. Глинобитные стены, верхушки деревьев за ними. Ни приступочек, ни скамеечек у домов, даже где вход в них — непонятно. И почти никого на улицах.

Нам захотелось посмотреть, каков узбекский дом внутри, и мы, недолго думая, перелезли через забор. Что тут поднялось! Во дворе было несколько женщин, старых и молодых, они что-то варили. Увидев нас, они подняли страшный крик. На крик сбежались мужчины (женщины тут же исчезли) — глаза налиты кровью, машут ножами, что-то угрожающе кричат. Мы пытаемся объясниться, но ни они нас, ни мы их не понимаем. Дорого обошлось бы это нам с Федей, если бы не появился узбек, владевший русским языком. Мы объяснили ему, что злого умысла у нас не было, что мы только хотели посмотреть, почему окна не выходят на улицу. Недоразумение выяснилось, узбеки объяснили нам, почему нельзя постороннему мужчине входить во двор, мы объяснили, что даже не знали о присутствии здесь женщин — и все кончилось миром.

Конечно, и я, и Федя Пилипенко слышали, читали о мусульманских обычаях, о законах шариата, но представить себе это, пока не увидишь, трудно. Посторонний мужчина (все равно, русский или узбек) мог увидеть женщину, даже девочку старше десяти лет, только в чадре и чачване (длинный закрытый халат и густая волосяная сетка, закрывающая лицо), то есть не мог видеть вообще. Даже покупая невесту, он не видел ее, мог судить о ней лишь по рассказам матери или сестры. За все время моего пребывания в Узбекистане, с марта 1928 по август 1929 я не видел ни одной узбечки с открытым лицом.

За одним, впрочем, исключением. Восьмого марта 1929 года я в течение нескольких минут видел лица узбекских женщин. Советские органы поощряли снятие чадры (или паранджи, как ее называли в Средней Азии) и приурочивали это снятие к 8 марта. Женщинам, публично снимавшим чадру, делались ценные подарки — отрез на платье или пальто. Снятые паранджи тут же сжигались. Я видел, как это происходило. Узбечки приезжали на празднество вместе с мужьями, снимали с себя специально для этого надетую старую, бросовую чадру, получали подарки и тут же уезжали. Отъехав на небольшое расстояние, они вынимали и надевали другую, заранее припрятанную чадру. Но тех, кто открыл лицо без ведома мужа или отца, тогда еще беспощадно убивали.

По законам шариата девушка, выйдя замуж, становилась рабой своего мужа. Жен у него могло быть столько, сколько он

мог купить, причем любого возраста. Советские законы запрещали многоженство и устанавливали для Узбекистана брачный возраст женщины в 16 лет. Но официальных законов редко придерживались даже в городах, а уж в деревнях с ними и вовсе не считались. Продолжали продавать и покупать девочек, начиная с десяти лет, а в 12 лет многие уже рожали детей.

Так мы в первый же день познакомились с некоторыми местными обычаями. А на второй день ко мне домой пришел связной из окротдела ГПУ и передал мне вызов немедленно явиться к начальнику его Дементьеву.

Я пошел. Оказалось, что Дементьеву звонил Бельский и обязал его устроить меня на работу, что он, Дементьев, уже звонил управляющему треста Узбекнефть Васильеву, которому очень нужен начальник планового отдела, и теперь Васильев ждет меня.

Отнесся ко мне мой новый начальник очень доброжелательно. Усадил, закрыл дверь и прежде всего стал расспрашивать о внутрипартийных делах, о программе оппозиции, о том, как протекала борьба в Москве и прочее. Чувствовалось, что он отнюдь не относится к оппозиционерам как к врагам, скорее наоборот.

Потом заговорили о моей работе, о штате отдела, об оплате. Оклад начальнику планового отдела (если бы он был вольный) полагался 350 рублей. Но мой оклад он должен был согласовать с начальником окротдела ГПУ.

Васильев тут же, при мне, позвонил Дементьеву, Тот предложил установить мне оклад 200 рублей.

— Может, установим ему все-таки двести пятьдесят? — сказал Васильев.

— Он что, у тебя в кабинете сидит? — спросил Дементьев.

— Нет, что ты, он в приемной, — подмигнув мне, ответил Васильев.

— Хватит ему двухсот, меньше будет помогать своей оппозиционной братве, — сказал начальник ГПУ и положил трубку.

Но и двести рублей были по тем временам большие деньги, особенно в Коканде. Фунт мяса стоил 30 копеек, десяток яиц — 10 копеек, масло — 66 копеек фунт. А овощи и фрукты почти ничего не стоили. Помидоры и баклажаны продавались по копейке за фунт, виноград — от 4 до десяти копеек. И промтовары еще были недороги — хороший костюм из ленинградского шевиота можно было купить за 45 рублей.

Да, ссылка для оппозиционеров была, что и говорить, привилегированная. Когда я познакомился с моими

подчиненными старшим экономистом и экономистом планового отдела, то узнал, что они тоже ссыльные, один меньшевик, другой эсер, пока не работали, получали пособия всего по 6 р. 70 копеек. А оппозиционерам сразу назначали по 30 рублей. Я же вообще всего один день был без работы.

Люди они оказались хорошие, интеллигентные, идейные. У меньшевика (забыл его фамилию) скоро кончался срок ссылки, и он собирался уезжать из Коканда. С эсером Романовым мы проработали вместе, пока меня выставили из Узбекнефти. Сначала он относился ко мне настороженно. Впрочем, он не скрывал своего удовлетворения тем, что большевики передрались между собой и держат своих бывших товарищей в тюрьмах и ссылках. Но прошло месяца два, и мы стали относиться друг к другу с уважением и доверием, бывали и в гостях. С ним жили жена и мать, обе эсерки, мать, кажется, с 1895 года.

Разумеется, хорошие личные отношения не отменяли наших разногласий. Нередко в свободное от работы время у нас происходили бурные дискуссии, в которых меньшевик и эсер объединялись против меня. Речь чаще всего шла о том, кто был прав в 1917 году, а также о том, почему большевики стали на путь преступления и насилий. Я тогда занимал ортодоксальную позицию и яростно боролся против двоих. Вскоре меньшевик уехал, его место в плановом отделе занял оппозиционер Дзиграшвили. Нас стало против Романова двое. Но скоро наши дискуссии кончились. Весной 1929 года срок ссылки Романова истек, и он уехал.

А ссыльные оппозиционеры все прибывали и прибывали в Коканд. Из Грузии явились бывший второй секретарь ЦК Грузии Сандро Туманишвили, секретарь Абхазского обкома Николай Акиртава, Глуховский; из Москвы Николаев, Бамдас и Власов; из Киева — Кофман, из Харькова — Роковицкий, и так далее. Особенно много было в Средней Азии оппозиционеров-грузин. В Ташкенте, в частности, отбывали ссылку братья Окуджава: Михаил — бывший первый секретарь ЦК Грузии и Николай — бывший прокурор Грузинской ССР.

Большая колония ссыльных оппозиционеров жила в Сибири; среди них Радек, Смилга, И. Н. Смирнов, Сосновский, Преображенский.

Оппозиционные колонии активно переписывались. ГПУ нисколько не препятствовало нашей переписке, ибо чекисты хотели знать, что думает и предпринимает оппозиция. Конечно, все наши письма перлюстрировались, с них снимались копии, которые направлялись в Москву и, тщательно обработанные его аппаратом, докладывались Сталину и Политбюро. Но письма к

нам и от нас вручались аккуратно. Могу судить об этом по тому, что и сам неоднократно получал ответы на свои письма — и не только от жены. Так я написал Давиду Борисовичу Рязанову и попросил его прислать нам полное собрание сочинений Плеханова и все философские произведения Маркса и Энгельса. Очень скоро я получил от него все книги, которые просил.

Но, конечно, официальной почтовой связи нам было недостаточно: мы ведь понимали, что все наши отправления контролируются ГПУ. Нужен был надежный связной — если не с Сибирью, то хотя бы с Ташкентом и Самаркандом, где были большие колонии ссыльных.

Я решился заговорить об этом с моим начальником, управляющим трестом Васильевым, который часто ездил в Ташкент и Самарканд и хорошо относился к оппозиционерам. И, действительно, Васильев согласился — и в течение нескольких месяцев все шло прекрасно: Васильев регулярно передавал наши письма и привозил нам письма и документы. Но, несмотря на всяческие инструкции и предостережения, Васильев все же «накрылся». Гепеушники проследили его и задержали в тот момент, когда он выходил от одного из ташкентских оппозиционеров, нагруженный материалами. Задержали, привели в комендатуру, обыскали — остальное ясно. Васильева исключили из партии и сняли с работы. Уволили, конечно, и меня.

К тому времени я давно уже был не один: еще в мае 1928 года ко мне приехала жена. Приехали жены и к другим ссыльным — к Акиртава, Николаеву, Туманишвили и другим. К Туманишвили, кроме жены, приехали и две дочери — 18 и 16 лет. Жили ссыльные очень дружно, часто встречались, пели, играли в шахматы, спорили…

Когда ко мне приехала Роза, мы сняли комнату в хорошем доме, с большими окнами и балконом, выходившим в густой тенистый сад. Летом в Коканде жара в тени доходила до 45°, а на солнце — до 65–70, но в нашей комнате всегда царила прохлада. Комната была огромная — метров пятьдесят — но совершенно пустая: в ней стояли только две койки, стол и четыре стула. В нескольких минутах ходьбы от нашей квартиры располагался кокандский рынок, своим изобилием и красочностью поражавший даже ссыльных, приехавших с Украины, из Армении и Грузии. На него можно было ходить, как на выставку натюрмортов: любоваться яркими красками самодельных узбекских тканей, пестрыми халатами, узорчатыми тюбетейками и поясами, а главное — овощами и фруктами. Все оттенки красного, желтого, оранжевого, синего, зеленого, лилового сверкали и переливались

в грудах помидоров, гранат, персиков, винограда, дынь и арбузов, вишен, черешен, слив, инжира. Горами лежали кукуруза, рис, изюм, урюк.

Стоило все это так дешево, что, покупая на базаре 10–12 килограммов овощей и фруктов, мы затрачивали копеек 80, максимум рубль. А готовить наши жены-южанки умели.

За время ссылки мы с Розой (уехав через некоторое время в Москву, она вскоре вернулась в Коканд уже в качестве ссыльной) переменили несколько квартир. Под конец нам повезло: когда окончивший срок ссылки Романов уехал из Коканда, он передал мне, с согласия комендатуры ГПУ, свою комнату в коммунальной квартире, принадлежавшей исполкому. За такую комнату, снятую у частного хозяина, мне пришлось бы платить 35–40 рублей в месяц, а здесь она обходилась всего в два рубля. Это было как нельзя более кстати, ибо вскоре произошли «провал» Васильева и мое увольнение — и мы с Розой как два ссыльных стали получать 60 рублей в месяц. Не так уж это было мало, но, несмотря на дешевизну квартиры и продуктов, нам не хватало. Но и тут повезло: как раз в это время происходила перепись скота — и статотдел искал работников для обработки материалов переписи.

На эту временную работу нас с Розой охотно взяли, и мы неплохо зарабатывали, пожалуй, больше, чем я получал в тресте. За обработку одной карточки статотдел платил 15 или 20 — точно не помню — копеек. Мы брали домой по 1000 карточек и, не спеша, обрабатывали их за две недели. В нашей такой же большой и такой же пустой комнате мы раскладывали карточки на полу по графам. Я ползал по полу и обсчитывал карточки по каждой графе, а Роза записывала итог в соответствующую колонку сводного бланка.

Это все были дела бытовые, касавшиеся хлеба насущного. Но, разумеется, главным содержанием нашей жизни, главным предметом размышлений были дела политические.

После того, как наша ссыльная колония наладила связь с другими колониями, мы получили два документа, помещенные в газете «Правда» 15 января 1928 года.

В этих документах была изложена тактика оппозиции, принятая центром после раскола троцкистско-зиновьевского блока и капитуляции зиновьевской группировки, а также письма Зиновьева и Каменева по поводу этих расхождений. В этих двух документах рассматривался вопрос о том, приведет ли исключение оппозиции из партии и ее отказ подчиниться решениям съезда к образованию второй партии?

Обе части расколовшегося блока, ссылаясь на Ленина, решительно высказывались против создания второй партии. Но

мотивировали они это по-разному.

Зиновьев и Каменев в своем письме в «Правду» писали:

«Мы разошлись с группой Л. Д. Троцкого непосредственно по вопросу о полном и действительном подчинении XV-му съезду. Или подчинение всем требованиям XV-го съезда и твердое решение сработаться с большинством партии или путь второй партии — вопрос стоял и стоит только так. (подчеркнуто мной)

…Исключение оппозиции из партии обозначает на деле создание второй партии и неизбежность провозглашения неудачи, краха и конца Октябрьской революции.

…Вне ВКП(б) нашим ленинским идеям грозит только одно — вырождение и гибель».

Иначе расценивал положение и самый отход Зиновьева и Каменева от оппозиции Л. Д. Троцкий. Он считал, что Зиновьев и Каменев в 1927 году так же испугались разрыва с советской бюрократией, как в 1917 году они испугались разрыва с мелкобуржуазной демократией. И это было тем более «не случайно», что советская бюрократия на три четверти состояла из тех самых элементов, которые в 1917 году пугали большевиков неизбежным провалом Октябрьской «авантюры». Капитуляцию Зиновьева и Каменева перед XV съездом, в момент разгрома большевиков-ленинцев, Троцкий воспринимал как чудовищное вероломство. В этой капитуляции он видел закономерность не только психологическую, но и политическую, так как в ряде основных вопросов марксизма (пролетариат и крестьянство, «демократическая диктатура», перманентная революция) Зиновьев и Каменев стояли между сталинской бюрократией и левой оппозицией.

Теоретическая бесформенность, говорил Троцкий, как всегда, неотвратимо мстила за себя на практике. Он считал, что при всем своем агитаторском радикализме Зиновьев всегда останавливался перед действительными выводами из политических формул. Борясь против сталинской политики в Китае, Зиновьев до конца противился разрыву компартии с Гоминданом. Примкнув к борьбе против термидорианских тенденций, он заранее давал самому себе обет — ни в коем случае не доводить до исключения из партии. В этой половинчатости была заложена неизбежность крушения.

«Все, кроме исключения из партии», означало: бороться против Сталина в пределах, разрешенных Сталиным.

После капитуляции, говорил Троцкий, Зиновьев и Каменев делали все, чтобы вернуть себе доверие верхов и снова ассимилироваться в официальной среде.

Зиновьев примирился с теорией социализма в одной стране,

снова стал разоблачать «троцкизм» и даже пытался кадить фимиам Сталину лично.

В одном из двух напечатанных в «Правде» документов Троцкий писал:

«…Надо ясно понять, что откол капитулянтов от оппозиции ставит на проверку все элементы международной оппозиции.

С оппозицией ВКП или с капитулянтами? Так и только так должен ставиться вопрос по отношению к каждой отдельной группе в Европе и к каждому отдельному оппозиционеру…»

Одна или две партии? — спрашивал Троцкий. И отвечал: мы против второй партии и против IV Интернационала самым непримиримым образом.

Специфические условия СССР он также оценивал под международным углом зрения.

С точки зрения международного рабочего класса в целом, считал он, оппозиция поставила бы себя в безнадежное положение секты, если бы позволила сдвинуть себя на позиции IV Интернационала, враждебно противостоящего всему тому, что связано с СССР и Коминтерном. Дело идет о завоевании Коминтерна, говорил он. Разногласия достаточно глубоки, чтобы оправдать существование левой фракции.

А прав ли был Зиновьев, утверждавший, что образование второй партии, как и длительное существование фракции внутри правящей партии, должно неизбежно привести к краху Октябрьскую революцию? Из такой постановки вопроса неизбежно вытекало, «что оппозиция в целом и отдельные ее сторонники должны (якобы в интересах партии, а на самом деле — в интересах ее случайно оказавшегося у руля руководства) безоговорочно подчиниться требованиям этого руководства». Принимая такое решение, Зиновьев и Каменев знали, что Сталин и его ближайшее окружение ничем не доказали своей правоты, своего теоретического, политического и морального превосходства, своей преданности интересам революции. Наоборот, они знали предупреждение Ленина, что «сей повар будет готовить острые блюда», знали ленинскую рекомендацию удалить его с поста генерального секретаря. И тем не менее отдали себя и шедшие за ними массы в безоговорочное подчинение Сталину.

Правда, Зиновьев делал оговорку. В одном только случае, считал он, большевик может идти на создание второй партии: если он пришел к убеждению, что «термидорианские» тенденции, несомненно имевшиеся в стране, одолевают партию и власть, что рабочий класс утерял руководство революцией, что Октябрьская революция исчерпала себя, и СССР перестал быть движущей

силой мировой революции.

Но это была непоследовательная оговорка. Ибо ждать момента, когда термидор завершится, значило стать на путь помощи термидорианцам. Такие процессы, как перерождение партии и отдельных людей, происходят постепенно и подспудно, а вскрываются неожиданно, когда противодействовать им уже поздно, когда все уже свершилось. Политический деятель крупного масштаба должен уметь обнаруживать такие тенденции и противодействовать им тогда, когда они еще скрыты от глаз, маскируются, принимают самые неожиданные формы — как это и было в нашей стране. Где же для политического деятеля тех лет был критерий, которым он мог руководствоваться при определении момента перехода от тактики поддержки режима к тактике борьбы с ним?

Для объединенной оппозиции таким критерием стало отношение к теории строительства социализма в одной стране. Это достаточно убедительно доказано дискуссией, которую вели со Сталиным в 1926 году, на VII Пленуме ИККИ, Троцкий, Зиновьев и Каменев. Капитулянтская позиция, занятая Зиновьевым и Каменевым менее двух лет спустя на XV съезде, послужила началом их линии, которая протянулась вплоть до судебных процессов 1936–1938 годов. Если в 1927 году они «в интересах партии» подчинились требованиям Сталина, порвали с оппозицией, отказались не только от защиты своих взглядов, но и от самих взглядов, — то совершенно логично было полностью подчиниться Сталину и в 1936–1938 годах. Очевидно, к этому времени партия, по мнению Зиновьева и Каменева, все еще не переродилась — и поэтому «в интересах партии» следовало признать себя врагами народа и исчезнуть с политического горизонта и из жизни.

Троцкий в момент раскола оппозиции тоже был противником создания второй партии. Но, видя зримые признаки сползания руководства с ленинского пути, он считал необходимым продолжать фракционную борьбу для завоевания масс в ВКП(б) и в Коминтерне. Только после убийства Кирова и фабрикации процессов Троцкий, в книге «Революция, которую предали», поставил вопрос о создании IV Интернационала.

18. Бухаринская оппозиция

Вскоре после XV съезда партии определились разногласия внутри сталинско-бухаринского блока и началась открытая борьба против «правого уклона». После этого вскрылись и противоречия внутри левой оппозиции главным образом, по вопросу об отношении к разногласиям внутри Центрального Комитета. Споры начались осенью 1928 года, усиливались с каждым месяцем, по мере развертывания борьбы внутри ЦК.

Правая часть оппозиции, во главе с Радеком, Преображенским и Смилгой, стала утверждать, что оппозиция ошибалась, обвиняя в термидорианском перерождении Сталина, что роль термидорианцев выполняла и продолжает выполнять бухаринская группировка и ее вожди — Бухарин, Рыков, Томский, Угланов и другие. Линия же ЦК по мере развертывания борьбы с правыми выправляется, становится ленинской и с каждым днем приближается к платформе, поданной оппозицией XV съезду — особенно по таким вопросам, как политика партии в области индустриализации страны и в крестьянском вопросе.

Левая же часть оппозиции предостерегающе подчеркивала, что зигзаг Сталина влево и его борьба с правыми проходят при продолжении и усилении курса на «строительство социализма в одной стране», при продолжении и усилении репрессий в отношении левой оппозиции, члены которой содержатся в тюрьмах и ссылках. Индустриализация, говорили левые, сопровождается резким снижением уровня жизни рабочего класса, снижением его доли в национальном доходе, подавлением активности масс, зажимом внутрипартийной демократии. В деревне, утверждали они, проводится неплановая и непродуманная политика, экстраординарные меры приводят к затруднениям при заготовках хлеба, а коллективизация проводится путем усиленного административного нажима.

Начало разногласий между сталинской и бухаринской группировками относится к январю 1928 года, хотя выявились они несколько позднее, согласно официальным партийным документам — перед июльским пленумом ЦК 1928 года (см. Резолюции КПСС, т. II, стр.508).

Фактически же через восемнадцать дней после окончания XV съезда (он закончил свою работу 19 декабря 1927 года) Сталин в письме Политбюро от 6 января 1928 года отменяет утвержденную съездом линию и проводит в деревне ряд экстраординарных мер — против решений съезда и без ведома Центрального Комитета. Апрельский пленум ЦК и ЦКК одобрил письмо Политбюро от

6.1.1928 задним числом, заявив в своем решении: «…мы можем с полным основанием констатировать, что указанные мероприятия в партии, в известной своей части носившие чрезвычайный характер, обеспечили крупнейшие успехи в деле усиления хлебозаготовок».

Но срыв зажиточным крестьянством хлебозаготовок осенью 1927 года стал известен Политбюро не в январе 1928 года, после съезда, а был известен до съезда (в частности, об этом предупреждала ЦК и оппозиция). Однако до окончания съезда Сталин не мог пойти на изменение политического курса, чтобы не лишиться поддержки бухаринской группы, необходимой ему для разгрома левой оппозиции. Резкое изменение Сталиным политического курса после съезда свидетельствует о заранее разработанной им стратегии поочередного отсечения от партии всех вождей, руководивших ею вместе с Лениным.

Если при других аналогичных ситуациях Сталин не спешил с отсечением своих идейных противников, то борьбу против правых он форсировал, потому что его подпирал общехозяйственный кризис и кризис хлебозаготовок. Таким образом, меньше чем через три недели после окончания съезда проводятся чрезвычайные меры в отношении крестьянства, о которых не было доложено съезду: принудительно изымаются излишки хлеба не у 10 % (как прелагала оппозиция), а у 15 % крестьянских дворов. Но это не дало желаемых результатов. Гибель озимых на Украине и частично на Северном Кавказе сузила возможности хлебозаготовок — и принудительные изъятия проводятся вторично. Двукратное проведение экстраординарных мер в течение первого полугодия 1928 года вызвало ряд восстаний крестьян. В резолюции пленума ЦК, говорилось:

«все это создало почву для… административного произвола в заготовительных районах, нарушения революционной законности, частичного применения методов продразверстки (обход дворов, закрытие базаров, незаконные обыски и т. д.).

Эти мероприятия вызвали недовольство среди всех слоев крестьянства, выразившиеся в выступлениях протеста против административного произвола в ряде районов, облегчили капиталистическим элементам в деревне возможность использовать это недовольство против Советской власти, частично оживили деятельность контрреволюционных элементов и дали повод для разговоров об отмене НЭПа». (КПСС в резолюциях, т. II,стр.515)

Волнения крестьян, недовольство в партийном аппарате, атаки бухаринской группы, — все это заставило Сталина временно отступить. Как всегда, он трусливо свалил всю вину за

чрезвычайные меры и административный произвол на местные органы. В ответ на обвинения в отходе от линии, принятой на XV съезде, Сталин отвечал словами резолюции июльского пленума ЦК 1928 года: «Центральный Комитет партии при введении чрезвычайных мер со всей решительностью подчеркнул их временный характер, и если, несмотря на это, возникли толкования этих мер, то такие толкования свидетельствуют лишь о том, что на отдельные прослойки партии до сих пор оказывает влияние чуждая ей идеология» (там же, стр. 515).

Переговоры Бухарина с Каменевым сначала велись через Сокольникова, который сообщил Каменеву, что внутри ЦК и старой гвардии идет расслоение на зиновьевцев, бухаринцев и сталинцев. Сталин, в связи с взятым им «левым» курсом хвастал, что на его сторону перейдет большая группа троцкистов и зиновьевцев. Бухарин говорил, что Сталин целиком перешел на позиции Е. А. Преображенского насчет эксплуатации крестьянства. Отсюда, по словам Бухарина, безграмотный идиотский вывод Сталина, что по мере продвижения к социализму растет сопротивление, и только твердое руководство может удержать в этих условиях власть.

— Сталин не остановится ни перед чем, — говорил Бухарин, — его политика ведет к гражданской войне, он утопит восстание в крови и объявит нас защитниками кулака.

Бухарин сообщил Каменеву, что в течение 1927 и первой половины 1928 года ГПУ подавило 150 крестьянских восстаний.

Встреча Бухарина с Каменевым состоялась накануне июльского пленума ЦК, на котором, под влиянием крестьянских волнений, правым удалось частично добиться отступления Сталина на прежние позиции, выработанные совместно с Бухариным к XV съезду.

Л. Д. Троцкий убеждал своих колеблющихся единомышленников, что линия Сталина на индустриализацию и коллективизацию ненадежна и неустойчива.

Все как будто говорило о том, что на пленуме ЦК верх взяли правые. Экстраординарные меры были отменены. Сталин клялся, что стоит на платформе XV съезда партии. Запретили обыски и реквизиции зерна, отменили принудительную подписку на займы. Хлебные цены были подняты на 20 %. Создавалось впечатление, что Сталин отказался от «левого» курса, что линию диктуют правые.

Капитулянты из числа троцкистов и зиновьевцев, делавшие ставку на «левый курс» Сталина, были разочарованы.

Троцкисты-ортодоксы считали, что угроза термидора нависла над партией с удвоенной силой, что повышение хлебных цен

осуществлено в интересах кулака, главного владельца хлеба, за счет снижений жизненного уровня рабочих.

Сталин внимательно следил за перепиской троцкистов и знал, что оппозиция раздирается внутренними противоречиями. Из этой же переписки он вывел заключение, что единственно правильным путем для выхода из кризиса является продолжение политики индустриализации и коллективизации. Дальнейший отход Сталина от установок и решений XV съезда партии произошел на ноябрьском пленуме ЦК 1928 года. Однако под влиянием правых и под давлением зажиточных слоев деревни ЦК во главе со Сталиным все еще продолжает отстаивать центристские позиции. Все еще считается, что развитие тяжелой промышленности возможно лишь при более быстром обороте легкой индустрии. Однако на апрельском пленуме ЦК 1929 года сталинская фракция пошла дальше по пути отхода от решений XV съезда и вступила на этой почве в открытый конфликт с бухаринской группировкой. В этот период бухаринская линия именуется уже «правым уклоном».

Ф. Ваганов в книге «Правый уклон в ВКП(б) и его разгром» пытается опровергнуть выдвинутое Бухариным, Рыковым и Томским обвинение в том, что в 1928–1929 годах ЦК отошел от политики, принятой XV съездом партии. Однако, при внимательном чтении этой книги легко заметить, что из приводимых им цитат выпирают прямо противоположные выводы.

На протяжении всего периода от XIII до XV съезда и Сталин, и Бухарин занимали ошибочную позицию, либерально толкуя НЭП, настаивая на постепенном, медленном развитии промышленности (по преимуществу — легкой, а тяжелой лишь в меру развития первой), ориентируясь на преимущественное развитие индивидуального хозяйства. Но вскоре все изменилось. Правда, резолюция, принятая Центральным Комитетом ВКП(б) на своем апрельском пленуме 1929 года, утверждала, что «партия в целом, как и тов. Сталин, всегда боролись и будут бороться против троцкистской теории военно-феодальной эксплуатации крестьянства». Но эта резолюция искажает действительное положение вещей вдвойне.

Во-первых, потому, что Сталин и его сторонники после разрыва с Бухариным последовательно проводили именно линию на военно-феодальную эксплуатацию крестьянства.

Во-вторых, потому, что Троцкий и все его единомышленники, кроме Преображенского, стояли за умеренное обложение середняков, усиленное обложение кулаков и полное освобождение от налогов бедноты.

Теория Преображенского «о первоначальном

социалистическом накоплении» за счет несоциалистической среды была отвергнута оппозицией.

После того, как Сталин взял на вооружение «левый» курс, он положил в основу своей политики именно эту теорию, и в этом, между прочим, Троцкий видел одну из причин извращения Сталиным линии оппозиции в хозяйственных вопросах.

Переход на новый курс был совершен Сталиным без какой бы то ни было попытки проанализировать ошибки прежнего курса, даже без упоминания об этих ошибках. Репрессии против всех оппозиций при этом усиливались. Когда Бухарин обвинил ЦК в «сползании к троцкистской позиции», проявившемся в том, что сразу после XV съезда было проведено дополнительное обложение крестьян на сумму в 400 миллионов рублей, — в резолюции ЦК это обвинение называется «неслыханным поклепом на партию». На самом деле Сталин не только «сполз» на линию оппозиции, но и далеко «переполз» через нее: ведь оппозиция предлагала только 200-миллионное дополнительное обложение, и это было отвергнуто XV съездом.

До какой степени противоречивы решения апрельского пленума ЦК 1929 года, видно хотя бы из следующих взаимоисключающих формулировок.

С одной стороны, резолюция обвиняет Бухарина в «недооценке новых форм смычки социалистической промышленности с сельским хозяйством, недооценке роли совхозов и колхозов при явной переоценке возможностей развития мелкого крестьянского хозяйства». С другой стороны, в этой же резолюции высказывается возмущение упреками Бухарина в адрес ЦК, который «не проводил будто бы решений пленумов ЦК о стимулировании индивидуального крестьянского хозяйства».

В резолюции утверждается, что «вся партия в целом признала в прошлом году, что налоговое обложение недостаточно, что сельхозналог мал, что его надо увеличить».

И в той же резолюции сказано: «Неправильно и фальшиво заявление Бухарина о том, что налоговое „переобложение“ является составной частью политики партии».

Как и в борьбе против троцкистской оппозиции, изменение политического курса происходило одновременно с принятием организационных «мер» против своего вчерашнего союзника, одновременно с запретом внутрипартийной критики, с запретом противникам выступать с изложением своих взглядов в печати и на собраниях. Естественно, что поставленные в такие условия бухаринцы выступили, обвиняя большинство ЦК в нарушении норм партийной жизни.

Одинаковые причины приводят к одинаковым следствиям.

Вчера левая оппозиция обвиняла ЦК в зажиме внутрипартийной демократии, а Бухарин, Рыков и Томский категорически отвергали эти обвинения. Сегодня эти же вожди правых, совместно со Сталиным разгромившие в 1923 году троцкистскую, в 1925 году — зиновьевскую, в 1926–1927 годах — объединенную левую оппозицию, предъявляли ЦК и прежде всего Сталину те же обвинения.

На XV съезде партии Бухарин, Рыков и Томский выступали особенно резко, угрожая тюрьмой участникам левой оппозиции, если они не прекратят фракционной деятельности.

Но ведь вождям правой оппозиции, опытным политикам, наблюдавшим за тем, как Сталин вероломно срывал все внутрипартийные соглашения, должно было быть ясно, что Сталину верить нельзя. И все-таки они его поддерживали и защищали против критики со стороны оппозиции. Вплоть до того, что на XIV и XV съездах Рыков и Томский доказывали: нет, не Сталин, а Троцкий и Зиновьев добивались единоличного руководства, а партия вообще никогда не допустит, чтобы кто-нибудь единолично управлял ею и страной. По-видимому, они считали, что смогут обуздать Сталина и при его содействии осуществить свою программу социалистического строительства в СССР. Только это может в какой-то степени оправдать их слепую политику.

Впрочем, и то сказать — он был осторожен. Пока Сталин вел борьбу с левой оппозицией, он был исключительно внимателен к своим правым союзникам. Он горячо защищал Бухарина от нападок левой оппозиции. И даже в октябре 1928 года, уже выступая на пленуме МК и МКК с докладом «О правой опасности в ВКП(б)», то есть, готовя атаку на Бухарина и других, он (правда, не зная еще о свидании Бухарина с Каменевым) говорил:

«Есть ли в Политбюро какие-либо уклоны? В Политбюро нет у нас ни правых, ни „левых“, ни примиренцев с ними. Это надо сказать здесь со всей категоричностью. Пора бросить сплетни, распространяемые недоброжелателями партии и всякого рода оппозиционерами о наличии правого уклона… в Политбюро нашего ЦК». (Сталин, ПСС, т.11, стр.236)

А в это время он подготовлял решительный удар против правых, и именно тогда предстал перед Бухариным в своем подлинном обличье тирана, которое Бухарин нарисовал в беседе с Каменевым.

Поняв это, Бухарин и его друзья стали искать встреч с руководителями левой оппозиции. Правда, это было нелегко, ибо Бухарин понимал, как свежи еще следы его многолетней

коалиции со Сталиным и как велико в этой связи недоверие к нему левой оппозиции. А тут еще Сталин пустил слух, что Троцкий и Зиновьев присоединятся к нему для борьбы против правых. Об этом говорили в кулуарах Коминтерна и в кругах, близких к Центральному Комитету.

В беседе с Каменевым Бухарин предостерегал его против соглашения со Сталиным и предлагал объединить для борьбы с ним усилия всех внутрипартийных течений.

О своих встречах с Бухариным Каменев послал подробный отчет Зиновьеву в Воронеж и Троцкому в Алма-Ату. Он писал, что Бухарин в отчаянье, что он сломлен и считает, что партия находится на краю пропасти. Он приводил слова Бухарина текстуально:

— Он нас перехитрит. Он — новый Чингис-хан, он нас уничтожит… Если Сталин победит, не останется и помину о свободе. Корень зла в том, что партия и государство слились… Старые деления стали недействительными… Сейчас речь идет не о нормальном различии в политике, но о сохранении партии и государства и о самосохранении противников Сталина… Для него важны не идеи, он беспринципный политикан, жаждущий власти, он знает только месть и удар в спину. Надо объединиться для самозащиты…

Когда читаешь сейчас эти записи, видишь, что Бухарин, пожалуй, лучше всех других понимал Сталина и предвидел будущее.

Во всяком случае, ни Зиновьев, ни Каменев, ни даже Троцкий не вняли предостережениям Бухарина. В том же письме, в котором Каменев послал Троцкому запись своей беседы с Бухариным, он от своего и Зиновьева имени просил Троцкого написать заявление в ЦК с предложением возобновить совместную работу. Письмо полно оптимистической уверенности в скором возвращении к руководству партией. Вместо того, чтобы объединиться, как рекомендовал Бухарин, для борьбы со Сталиным, вожди левой оппозиции апеллировали к Сталину, обещая ему поддержку против правых. Их не насторожило даже то, что, изгоняя из ЦК и Политбюро руководителей правой оппозиции, Сталин избавлялся от последних вождей партии, стоявших у руководства при Ленине. Троцкий отверг предложение Бухарина потому, что, по его мнению, не Сталин, а именно Бухарин являлся представителем наиболее опасного для революции течения.

И никто из них не обратил внимания на пророческие слова Бухарина:

«Сейчас речь идет не о нормальном различии в политике, но

о сохранении партии и государства и о самосохранении противников Сталина…»

Все говорило о том, что в лице Сталина они имеют дело с необычным явлением, что в то время, как все они, несмотря на разногласия, являются коммунистами, Сталин свободен от всяких идей и от всяких принципов. Но, кроме Бухарина, никто этого не понял.

Зиновьев и Каменев сделали, как пишет Троцкий, из этой беседы вывод, что можно «схватиться за руль» и что «это можно сделать только поддерживая Сталина, поэтому нужно не останавливаться перед тем, чтобы платить ему полной ценой».

Троцкий же не нашел ничего лучшего, как выпустить в Москве листовку с изложением беседы Каменева с Бухариным, чем по существу предал Бухарина.

Конечно, Сталин и не помышлял о привлечении вождей оппозиции к руководству партией. На протяжении ряда лет он планомерно проводил политику постепенного отсечения — одного за другим — ленинских соратников от руководства партией, чтобы остаться одному самовластным распорядителем судеб партии и страны. Сейчас его замысел близился к осуществлению, и отступать ему не было ни нужды, ни смысла. А слух насчет поддержки его линии Троцким, Каменевым и Зиновьевым распространялся Сталиным в некоторых партийных кругах лишь для того, чтобы запутать и запугать Бухарина, внести смятение в ряды левой оппозиции, помешать оппозиционерам всех течений объединиться, а заодно, может быть, «проверить», кто как будет на этот слух реагировать.

Была еще одна важнейшая для Сталина задача: консолидировать свои силы, избавиться от старых ленинских кадров, старых большевиков не только в Политбюро, но и вообще на руководящих постах, заменить их всюду своими, воспитанными в его, сталинском, духе людьми.

К этому толкали его колебания в политических настроениях среди кадрового состава партии, даже среди поддерживавших его в борьбе с оппозициями. Чтобы предотвратить возможную смычку этих недовольных и колеблющихся с Л. Д. Троцким, Сталин решил выслать Троцкого за границу. Характерно, что при обсуждении этого вопроса в Политбюро четверо высказались против: еще не исключенные из Политбюро Бухарин, Рыков, Томский, а также Куйбышев. Об этом сообщил Зиновьеву Калинин.

Узнав о решении выслать Троцкого, зиновьевцы собрались обсудить этот вопрос. Бакаев настаивал на открытом выступлении с протестом. Зиновьев заметил, что протестовать не перед кем,

так как Сталина нет в Москве. Крупская, когда Зиновьев сообщил ей о готовящейся высылке Троцкого, сказала: «Если бы и решили мы протестовать, кто нас послушает?»

Беседуя с Каменевым, Бухарин сказал: «Психологические условия для устранения Сталина еще не созрели, но созревают. Правда, Сталин завоевал Ворошилова и Калинина. Орджоникидзе ненавидит Сталина, но у него нет решимости. Но ленинградские лидеры — и Киров один из них, Ягода и Трилиссер — два заместителя начальника ГПУ — и другие готовы повернуть против Сталина. Все же он испытывает ужас перед ГПУ».

Обо всех этих настроениях в партийных кулуарах Сталин знал. Чтобы обезопасить себя от возможных неожиданностей, он приложил все усилия, все свои интриганские таланты, чтобы перетянуть на свою сторону наиболее влиятельных членов ЦК. Против тех же, кто проявил хотя бы малейшее колебание и вообще против всех старых членов партии, в которых он не мог быть абсолютно уверен, он затаил тлеющую и до времени скрываемую злобу.

Как реагировал Л. Д. Троцкий на беседу Бухарина с Каменевым, мы уже говорили выше, упоминая о выпущенной в Москве листовке. Из писем Троцкого, посланных им в августе 1928 года, явствует, что он не потерял надежды на замирение со Сталиным. Троцкий писал своим единомышленникам, что Сталин самостоятельно, без помощи левой оппозиции, не сможет осуществить левый курс и вынужден будет прибегнуть к ее помощи. «Оппозиция исполнит свой долг, писал он, — и поможет партии выправить линию Сталина». Наивность для такого опытного политика, конечно, непростительная!

Однако Троцкий категорически возражал против закулисных сделок со Сталиным. Он неоднократно повторял, что разделит ответственность за руководство только при условии установления в партии рабочей демократии, свободы мнений и критики, выборности руководства сверху донизу путем тайного голосования. Не солидаризировался он полностью и с так называемым «левым» курсом Сталина в отношении крестьянства. В тех же августовских письмах он писал, что всегда был противником жесткого административного нажима, всегда был сторонником относительно высокого налога только на зажиточных, помощи беднякам и поощрения коллективизации середняков. «Чтобы судить о политике Сталина, — писал он, — надо иметь в виду не только то, что он делает, но и то, как он это делает». Поэтому, считал он, надо сочетать поддержку «левого» курса с беспощадной критикой.

В связи с провалом сталинской политики в деревне к 1929

году наблюдалось повышение авторитета Троцкого. Среди мер, принятых, чтобы парализовать рост этого авторитета, в № 4 журнала «Большевик» за 1929 год была напечатана статья Ем. Ярославского «О двурушничестве вообще и двурушничестве троцкистов». Ярославский доказывал, что до блокирования Троцкого с Зиновьевым между позициями Троцкого и Бухарина по вопросу о кулаке не было различий.

По его словам, Троцкий до образования блока стоял за свободное развитие капиталистических отношений в деревне, а после объединения, идя на уступки зиновьевцам, занял непримиримую позицию в отношении кулака и выступил против правых. Пытаясь подкрепить это свое утверждение, Ярославский привел несколько выдержек из доклада Л. Д. Троцкого на общегородском партийном собрании г. Запорожье 1 сентября 1925 года.

В действительности Троцкий и до, и после его блока с Зиновьевым занимал одну и ту же линию в крестьянском вопросе.

Да, он считал неразумным в 1925 году мешать развитию кулацкого, или, как он выражался, фермерского хозяйства в деревне. Тогдашний уровень промышленности и сельского хозяйства, считал Троцкий, не давал социалистическому государству возможности обеспечить деревню машинами и оборудованием, необходимыми для кооперирования крестьянских хозяйств, для развития производительных сил в сельском хозяйстве. Именно поэтому партия была вынуждена допустить развитие кулацкого хозяйства.

«— Социалистическое развитие, — говорил Троцкий, — и опирается на капиталистическое, и в то же время борется с ним. Кулак, богатый крестьянин, который продает хлеб через посредство государства, позволяет государству получать иностранную валюту, за которую мы можем ввозить машины для наших заводов. Это — плюс, это — содействие приближению к социализму.

…Пока мы не можем дать деревне высокой техники, у нас есть две возможности: либо применить в деревне методы военного коммунизма и задержать тем развитие производительных сил, что привело бы к сужению рынка и тем самым — к задержке производительных сил в промышленности; либо до тех пор, пока мы не можем средствами нашей промышленности коллективизировать сельское хозяйство, мы должны допустить там развитие производительных сил, хотя бы при помощи капиталистических методов».

Чем же отличалась линия Троцкого от линии Бухарина?

Бухарин в росте кулацкого хозяйства не видел никакой

опасности. Он считал, что по мере роста мощи советского государства кулак будет постепенно «врастать в социализм». Троцкий же видел опасность для социализма в росте кулацкого хозяйства и влияния кулака на середняка. В основе своей, говорил он, это явление чревато большими опасностями, на которые никто из нас не закрывает глаз.

«По какому пути мы будем развиваться быстрее, полнее; по какому каналу идет у нас с каждым годом больше ценностей, больше богатства — по каналу социалистическому, то есть в руки государства и кооперации, или по каналу капиталистическому — в руки частных собственников? Этот вопрос, — говорил Троцкий, — должен постоянно стоять в центре внимания нашей партии и социалистического государства».

Чем отличалась линия объединенной оппозиции от линии Сталина?

До XV съезда позиция Сталина была идентична позиции Бухарина, охарактеризованной выше. Троцкий же и объединенная оппозиция допускали развитие производительных сил деревни с помощью капиталистических методов лишь на известный период времени, до осуществления первой фазы промышленной революции, и, разумеется, при ограничении эксплуататорских тенденций кулаков. После осуществления промышленной революции, утверждалось в платформе оппозиции, следовало перейти к коллективизации, снабжая колхозы на выгодных условиях тракторами и сельскохозяйственными машинами. Машинизированные колхозы окажутся более конкурентоспособными, чем кулацкие хозяйства, лишенные машинной базы.

Сталин же, внезапно перейдя на «левый» курс, не обеспечил подготовку промышленности к нуждам колхозов в сельскохозяйственных машинах, не убедил на практике средних крестьян в преимуществах коллективных форм земледелия и ринулся на путь насильственной коллективизации, объединив не только землю, но и весь инвентарь и домашний скот. Такая линия (противоречащая, кстати сказать, взглядам всех основоположников марксизма) нанесла тяжелый ущерб и миллионам крестьян, и всему народному хозяйству Советского Союза.

В рядах троцкистской оппозиции, находившейся частично в подполье, частично в ссылке, продолжались шатания. Шло размежевание оппозиции на правое, левое и крайне левое крыло.

Этот разброд, царивший во второй половине 1928 года в рядах оппозиции, отражен в письмах Смилги, Радека, Преображенского и других.

«У меня, — писал из ссылки И. Т. Смилга Л. Д. Троцкому в октябре 1928 года, — растет глубокое отвращение к оппозиционным истерикам и истеричкам. Они все больше и больше ведут себя как секта, выключенная из исторического процесса.

…Радек бьет тревогу, — пишет он далее, — против начинающегося в оппозиции поворота в сторону децистов. В качестве примера он ссылается на письмо Дингельштедта, Виктора Эльцина и сравнивает их с последним замечанием В. М. Смирнова, что „партия — труп“… Радек считает, что отказ от поддержки левеющего центра в конечном счете приведет к проблеме новой революции…»

«Все это правильно, — писал Смилга. — Я делаю отсюда вывод, что если оппозиция будет сидеть на теперешней межеумочной позиции, то это неизбежно кончится расколом на группы: одна пойдет к партии, другая пойдет с децистами, третья будет влачить межеумочное состояние».

«…Я обратил внимание, — писал Радек 15 октября 1928 года Эльцину, Нечаеву и Белобородову, — нескольких товарищей на письмо Эльцина от 19 мая, в котором он заявлял: „Что касается термидора, то я считаю, что он совершился“. Я указал на это письмо, как на симптом сползания некоторых наших молодых товарищей с позиции нашей платформы на платформу „15-ти“. Но Эльцин не один. Ему вторит Нечаев, заявляя в письме от 8 августа, что „с таким правительством у нас не остается ничего общего и с ним у нас только борьба“. Но эти два письма не исчерпывают множащегося количества беспокоящих симптомов».

«Вы, любезнейшие друзья, — писал Радек, — подписали заявление Конгрессу, платформу и все остальные документы, в которых вы обещали поддержать советское правительство и даже были готовы защищать это правительство с оружием в руках. Что же, это заявление осталось в силе?»

Крайне левое крыло все более тяготело к децистам и постепенно смыкалось с ними. Это вызывало протесты Смилги, Преображенского и Радека.

В октябре 1928 года Смилга писал Л. Д. Троцкому: «Лучше всего было бы, если бы Вы сами вправили мозги некоторым товарищам, например Дингельштедту. Равным образом Вам следовало бы выступить против ультралевой фразы в нашей среде».

28 октября 1928 года в своем письме ко всем оппозиционерам Л. Д. Троцкий писал, что как ни досадно тратить время на второстепенные вопросы, тем не менее надо заняться децистами, в смысле разъяснения кружкового паразитического характера их

политики и заложенного в ней авантюризма. Ибо вожди децистов, которых мы до поры до времени предоставляли самим себе, доболтались до чертиков…

На крайне правом фланге оппозиции находился Преображенский, который добивался координации действий оппозиции с большинством партии.

«Надо думать о координации, — писал он Троцкому, — по целой программе общих пунктов, для осуществления которых нужны годы». «Перебирая эти пункты, — писал он далее, — по большинству которых я не вижу уже непримиримых разногласий, достаточно перечислить те пункты, по которым разногласия или почти исчезли, или значительно уменьшились. Индустриализация, борьба с кулаком, опора на бедноту, борьба с правой и неонароднической идеологией, быстрое строительство совхозов и колхозов, чистка партии от разложившихся, обывательских и классово-чуждых элементов. В частности, мне кажется, что каждый оппозиционер может подписаться почти под всеми решениями ноябрьского пленума, кроме ругательств по адресу оппозиции».

Перед лицом прекращения разногласий Преображенский предлагал обратиться к партии, подчеркнув всю нелепость пребывания оппозиции вне партии, в ссылке.

В направлении сближения с большинством партии предлагал двигаться и К. Б. Радек.

«Я не верю, — писал он Сосновскому, — что все дело Ленина и дело революции только за пятью тысячами коммунистов во всем Советском Союзе. Если верить утверждениям оппозиции, что все остальные большевистские фракции только прокладывают дорогу реакции, тогда приходишь к выводу, несовместимому с марксистским пониманием истории. „Левый“ курс, который привел сталинскую фракцию к моральному конфликту с частной собственностью, показывает, что дело Ленина и пролетарской революции нечто большее, чем 5000 коммунистов в России. Вулкан революции не гора, родившая мышь, он не потух, а действует. Сталинская фракция — агент исторической необходимости и, несмотря на путаницу, ошибки и даже преступления, действует как страж наследия Октября и чемпион социализма. Сталинисты оказались достойнее, чем думала оппозиция, это надо признать без самоуничижения. В новом продвижении к социализму оппозиция действует как авангард, а сталинская фракция как арьергард».

Капитулянтская позиция, занятая Преображенским, Радеком, Смилгой и другими, усиливала разброд в рядах оппозиции. Левое крыло троцкистов упрекало Троцкого в терпимости по отношению

к капитулянтам и не разделяло его надежд на возможную реформу внутри партии, на возрождение пролетарской демократии.

Троцкий спорил с обоими крайними течениями. Радека и Преображенского он призывал не спешить с капитуляцией, не преувеличивать значения «левого» курса Сталина. Лево настроенных оппозиционеров он убеждал в ошибочности их чрезмерно оптимистических взглядов на перспективы оппозиции. Левым экстремистам он доказывал, что неверно рассматривать всех своих противников, оставшихся в партии, как шкурников, продавшихся за чечевичную похлебку. В рядах партии, утверждал Троцкий, имеется еще много идейных и преданных людей, особенно из числа рабочих и пролетарской интеллигенции, за которых оппозиция должна вести упорную борьбу. Он писал, что положение Сталина создано не только террором аппарата, но и доверием и полудоверием большинства рабочих, а с ними нельзя терять контактов.

Выше уже говорилось, что в 1928 году Сталин одно время делал вид, что скоро добьется соглашения с Троцким и Зиновьевым. Однако ни о каком соглашении он в самом деле не помышлял и никаких конкретных шагов в этом направлении не предпринимал. Он выжидал.

К концу 1928 года положение Сталина упрочилось. Ему удалось перетянуть на свою сторону часть колеблющихся членов ЦК. Правая оппозиция, не поддержанная ни левыми оппозиционерами, ни партийными массами, капитулировала. Троцкистская оппозиция продолжала разлагаться в противоречиях. Наблюдая за всем этим, Сталин рассчитал, что время работает на него.

Как известно, несколькими годами позже, в разгар террора тридцатых годов, Бухарин за несколько дней до своего ареста написал письмо «будущему поколению руководителей партии». Письмо это, которое, по просьбе Н. И. Бухарина, заучила наизусть его жена А. Ю. Ларина, стало известно после смерти Сталина. В этом письме говорится: «О тайных организациях Рютина, Угланова мне ничего известно не было. Я свои взгляды излагал вместе с Рыковым и Томским открыто». Как обстояло дело в действительности, можно будет судить лишь после того, как станут доступными все архивы партии и ГПУ. Нам лишь известно, что борьба в московской организации и в Центральном Комитете закончилась полным поражением правых.

Только накануне разгрома правых (слишком поздно!), 12 сентября 1928 года Троцкий выразил согласие на блок с Бухариным и Рыковым на следующих условиях: сокращение

партийного аппарата с оставлением за ним только партийно-политических функций; отстранение его от вмешательства в управление государством, хозяйством и профсоюзами; совместная подготовка партийного съезда с дискуссией по всем платформам всех течений; свободные выборы делегатов на партийный съезд путем тайного голосования.

Эту программу перехода от режима сталинской бюрократии к режиму внутрипартийной демократии Троцкий излагал много раз на разные лады. Особенно четко сформулирована она в его статье, напечатанной в мае 1933 года в № 34 «Бюллетеня».

Троцкий писал в этой статье, что Сталин разгромил партию, раздробил ее, разогнал по тюрьмам и ссылкам, разводнил сырой массой, запугал и деморализовал.

«Совершенно верно, — писал Л. Д. Троцкий, — что партии как партии сейчас не существует. Но в то же время она остается очень реальным историческим фактом. Это доказывается непрерывными арестами левых оппозиционеров; возвращением на путь оппозиции старых большевиков, пытавшихся сотрудничать со Сталиным (аресты Зиновьева, Каменева, И. Н. Смирнова, Преображенского, и др.); наконец, признанием со стороны самих бюрократов того немаловажного факта, что оппозиция во всем основном права». «Когда мы говорим, — писал Троцкий, — о восстановлении партийной демократии, то мы имеем в виду необходимость собрать воедино разбросанные, закованные, запуганные элементы действительно большевистской партии, восстановить ее нормальную работу, вернуть ей решающее влияние на жизнь страны. Разрешить задачу пробуждения и собирания партии иначе, как методом партийной демократии, немыслимо. Не сталинская же клика совершит эту работу, и не либеральная бюрократия, которая поддерживает ненавистного ей Сталина из страха перед массой».

«Демократия нам нужна для пролетарской диктатуры и в рамках этой диктатуры, — продолжал Троцкий. — Мы не закрываем глаза на то, что приступ к возрождению партии единственно мыслимым методом партийной демократии будет неминуемо означать на переходный период предоставление свободы критики всей нынешней разношерстной и противоречивой официальной партии, как и комсомолу. Большевистские элементы в партии не смогут разыскать друг друга, связаться, сговориться и активно выступить, не отмежевываясь от термидорианских элементов и от пассивного сырья; а такое размежевание немыслимо, в свою очередь, без открытого объяснения, без платформы, без дискуссий, без фракционных группировок, то есть без того, чтобы все загнанные

внутрь болезни нынешней официальной партии не вышли наружу».

Изложенная Троцким программа возрождения большевистской партии с некоторыми поправками действительна и для сегодняшнего дня, и для сегодняшней партии.

Именно таким способом осуществил десять лет назад реформу чехословацкой компартии Дубчек и его товарищи по тогдашнему руководству КПЧ. И если б не вмешательство советской бюрократии, опыт чехословацкой реформы постепенно распространился бы на все компартии восточно-европейских социалистических стран. Близкую изложенной выше программе Троцкого позицию занимал и Бухарин после того, как он оказался в оппозиции. Бухарин, Томский и Рыков в своем заявлении в ЦК писали, что линия большинства приведет объективно к установлению партийной олигархии, к государственно-крепостнической эксплуатации рабочих и военно-феодальному грабежу крестьянства.

«Мы, — писали они в своем письме, — предупреждали ЦК и хотим предупредить партию от этого гибельного для партии и советского государства пути. Разговоры о правой опасности служат дымовой завесой для усыпления бдительности партии перед этой величайшей опасностью».

«Какой выход? — спрашивали они и отвечали: — Выход только один: назад к Ленину, чтобы идти вперед по Ленину. Другого выхода нет. Мы в состоянии убедить партию в этом. Поэтому мы требуем очередного съезда партии».

Бухарин, Рыков и Томский писали, что ЦК ведет линию на свертывание самокритики и партийной демократии, не создает условий для свободного обсуждения политики партии, насаждает бюрократизм и систему политкомиссаров.

Они поняли, какое положение создалось в партии, слишком поздно, когда осуществить поворот «назад к Ленину» нормальным партийным путем было уже невозможно. Партия была уже зажата в железные тиски сталинского режима, созданного при их же непосредственном участии. Бухарин, Рыков и Томский помогли Сталину расправиться со всеми оппозициями, создать в партии новые, отличные от ленинских традиции. Это они вместе со Сталиным требовали от оппозиционеров покаянных заявлений, отказов от своих взглядов, это они требовали исключений и арестов оппозиционно настроенных членов партии. Короче говоря, это они помогли создать сталинскую мясорубку, в которую теперь попали сами.

Последнее предарестное письмо Бухарина, о котором говорилось выше, противоречит его заявлениям, сделанным в

период его борьбы со Сталиным.

В своих беседах с Каменевым, правильность записей которого он признал в ЦКК, Бухарин утверждал, что разногласия со Сталиным вышли за рамки обычных партийных споров и призывал объединить все силы против Сталина.

В письме, заученном наизусть Лариной, он утверждал, что у него не было никаких разногласий с партией. Как можно было заявлять, что вот уже седьмой год у него нет и тени разногласий с партией, когда в эти годы Сталин совершил термидорианский переворот, арестовал и уничтожил большевистскую партию и ее руководство?

Видимо, Бухарин уже не верил, что последующие поколения коммунистов отвергнут сталинскую политику с ее клеветой против бывших вождей партии, и защищал себя, исходя из того, что «будущие поколения руководителей» будут смотреть на то, что происходило в 20-х и 30-х годах глазами Сталина.

В процессе борьбы сталинской и бухаринской группировок обе они обвиняли друг друга в скатывании на троцкистскую платформу. Бухаринская оппозиция обвиняла большинство ЦК в сползании к троцкизму по вопросу о темпах индустриализации, в налоговой политике и политике цен, в отношении к кулаку, в вопросе о коллективизации и т. п. Сталин и его единомышленники обвиняли правых в троцкистском отношении к внутрипартийному режиму.

В общем обе спорящие стороны были в какой-то мере правы, ибо именно троцкистская оппозиция первая начала критику как ставки на кулака, которую вел Сталин вместе с Бухариным, так и зажима внутрипартийной демократии, выработанного Сталиным вместе с Зиновьевым. Впрочем, то, что осуществил Сталин и, главное, как он это осуществил, не имело ничего общего с той индустриализацией, коллективизацией и той политикой цен, которые предлагала левая оппозиция. Что же касается внутрипартийного режима, то по мере разгрома одной за другой троцкистской, зиновьевской и объединенной оппозиций, он все более ужесточался. В процессе этой борьбы Сталин выработал целую систему организационных мер, которые лишали любую оппозицию возможности прорваться к партийным массам.

В капкан этих мер и попала в 1929 году бухаринская оппозиция. В числе их было, как выше сказано, назначение особых «комиссаров», наблюдающих за правыми, пока они еще сохраняли свои посты. Так к главному редактору «Правды» Н. И. Бухарину был приставлен [в рукописи пропущено — ред.], без визы которого не могла быть напечатана ни одна строка; к председателю ВЦСПС М. П. Томскому — Каганович, без согласия

которого председатель ВЦСПС не мог созвать совещание или отправить документ.

Так в уничтожении оппозиций 20-х годов закладывалась основа для окончательного уничтожения партии в тридцатых годах.

На XVI съезде партии борьба со всеми оппозициями фактически закончилась. Троцкий был выслан за границу. Правые присмирели, борьбу прекратили, от своих взглядов отказались. На ноябрьском пленуме ЦК 1929 года Бухарин, Рыков и Томский выступили с заявлением, в котором писали:

«Мы полагали, что при намечавшихся нами на апрельском пленуме методах проведения генеральной линии партии мы могли бы достигнуть желательных результатов менее болезненным путем. Однако, подводя итоги истекшего года, мы констатируем, что у нас была известная ошибочная недооценка тех могущественных рычагов воздействия на деревню, которые в конечном счете начали перекрывать отрицательные стороны чрезвычайных мер». (Ваганов, «Правый уклон в ВКП(б) и его разгром», стр.247)

Таким половинчатым признанием своих ошибок Сталин не удовлетворился. Пленум ЦК квалифицировал заявление Бухарина, Рыкова и Томского как «фракционный маневр политических банкротов, аналогичный „отступательным“ маневрам троцкистов, не раз использовавших свои якобы примиренческие заявления как метод подготовки новых атак на партию». («КПСС в резолюциях», т. II, стр.663)

Под давлением большинства Бухарин, Рыков и Томский 26 ноября 1929 года опубликовали в «Правде» новое покаянное заявление, в котором писали:

«В течение последних полутора лет между нами и большинством ЦК ВКП(б) были разногласия по ряду политических и тактических вопросов. Свои взгляды мы излагали в ряде документов и выступлений на пленумах и других заседаниях ЦК ВКП(б). Мы считаем своим долгом заявить, что в этом споре права оказалась партия и ее ЦК».

Массам членов партии и рабочих на протяжении многих лет вдалбливалась мысль, что революционер должен обладать несгибаемой волей и смелостью, должен в любых условиях выстоять в борьбе за свои идеалы. И одновременно в сознание внедрялась другая мысль: истинный большевик, совершив ошибку, должен иметь мужество публично признать ее и искренне участвовать в ее исправлении.

Вот на этих двух догмах покоилась сталинская политика репрессий против бывших товарищей по партии.

На первом этапе внутрипартийной борьбы, в 1923–1929 годы, публичные покаяния руководителей и членов оппозиционных группировок сослужили хорошую службу Сталину — и не зря он их так усиленно добивался. Покаяния эти должны были показать партии и народу, что все старые лидеры партии, кроме Сталина, оказались не способными к руководству, совершили ряд политических просчетов и ошибок и, если бы не Сталин, привели бы страну к краху. Такой вывод не могли не делать люди, хотя бы читающие газеты. Ведь не могли бы, рассуждали они, признать свои ошибки такие крупные партийные лидеры, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский и другие, если бы они этих ошибок не сделали! Ведь не испугались же они, в самом деле? Да и чего им бояться?

Такая логика действовала неотразимо и, развенчивая, лишая обаяния имена вчерашних вождей, автоматически повышала авторитет Сталина. Ведь именно он, единственный из всех, оказывается, не делал никаких ошибок, он, именно он, безошибочно вел страну вопреки всяким уклонистам.

Покаяния были хорошим психологическим мостиком к физическим расправам тридцатых годов. Приучив массы к покаянным заявлениям политически шельмуемых противников, Сталин на следующем этапе сравнительно легко перешел к инсценировке судебных процессов, где те же люди каялись теперь уже во всех мыслимых и немыслимых преступлениях в форме судебных показаний. Сознание масс, подготовленное предшествующими признаниями своих ошибок, воспринимало процессы 1936–1939 годов как логическое следствие ошибок, переросших в преступления. То, что подсудимыми на этих процессах оказались закаленные в прошлом революционеры, видные большевики, делало их признания только более убедительными. Ведь не испугались же они! Они-то не могут бояться!

В одной из передач «Немецкой волны», в рецензии на какую-то американскую книгу о Сталине, автор рецензии сказал: «Тиран спал в Сталине очень долго». Не могу с этим согласиться. Тиран в Сталине всегда бодрствовал, он лишь ждал своего часа. И прежде чем обрушиться на миллионы людей, он уничтожал неугодные ему единицы. В той же передаче «Немецкой волны» передавалась рецензия на книгу Б. Бажанова, бывшего секретаря Сталина. Бажанов рассказывает в своей книге, как по приказу Сталина был расстрелян без суда и следствия чешский коммунист-инженер, монтировавший кремлевскую телефонную станцию. Убрать его Сталину понадобилось потому, что он монтировал и специальное устройство, с помощью которого Сталин мог подслушивать

разговоры руководящих партийных деятелей. Бажанов бежал из Советского Союза в 1925 году. Значит, вот как рано не спал тиран! Известно и организованное Сталиным убийство Блюмкина, и шахтинский процесс, и процессы демпартии, меньшевиков и прочие….

…После разгрома правых и изгнания Бухарина, Рыкова и Томского из Политбюро, в его составе остался единственный из членов ленинского Политбюро — Сталин. Все остальные были в ссылке, в «отпуске», или на низовой работе. Сталин делал все, чтобы вытравить из сознания масс даже воспоминания, даже имена прежних вождей партии. Именно тогда Сталин начал создавать версию о двух вождях партии — Ленине и Сталине.

На XVI съезде партии уже не было никакой оппозиции, и никто не мог опровергнуть безудержное хвастовство «безошибочного» лидера, который, фальсифицируя статистику, повествовал о неслыханных достижениях.

Так, Сталин утверждал, что зарплата рабочих утроилась. На самом деле реальная заработная плата количественно значительно выросшего рабочего класса все время снижалась. Одновременно росло неравенство, значительно выросла бюрократия, появилось дифференцированное снабжение.

Так же фальсифицировалась Сталиным история проведения коллективизации. Говоря на XVI съезде о «левых загибах» при проведении коллективизации, он утверждал, что они представляют собой «некоторую, правда бессознательную, попытку возродить у нас традиции троцкизма на практике, возродить троцкистское отношение к среднему крестьянству».

Кто же был носителем таких традиций? Аппарат партии, проводивший коллективизацию на практике? Но этот аппарат в краях, областях и районах не смел ни на йоту отступить от сталинских директив. Они точно выполняли сталинские директивы — и потому оказались виноваты в… попытке возродить троцкизм!

У Сталина было совершенно своеобразное представление о миссии и роли вождя. Согласно этому представлению, вождь не ошибается. Если же он отдал ошибочное распоряжение, то за это должны отвечать выполнившие это распоряжение подчиненные. Разумеется, если бы они его не выполнили, они отвечали бы еще больше.

Из этих соображений ответственность за проведение предписанной им молниеносной сплошной коллективизации он взвалил на плечи областных, районных и сельских партийных и советских организаций.

«У нас существуют в партии люди, — говорил он на XVI

съезде, — которые думают, что не надо было одергивать „левых“ загибщиков. Это чепуха, товарищи. Так могут говорить лишь такие люди, которые обязательно хотят плыть по течению (попробовали бы они плыть против!). Это те самые люди, которые никогда не смогут освоить ленинской линии — идти против течения, когда этого требуют интересы партии, это хвостисты, а не ленинцы».

Нельзя представить себе большего цинизма и лицемерия, чем эти слова, произнесенные человеком, воспитавшим свои кадры на угодливости.

В «Истории КПСС» (изд. 1962 года) по этому поводу говорится:

«2 марта 1930 года в „Правде“ появилась статья И. В. Сталина „Головокружение от успехов“… Хотя подстегивание коллективизации исходило сверху, от Сталина, он в своей статье всю вину за ошибки в колхозном движении взвалил на местных работников, огульно обвинив их в головотяпстве» — и в троцкизме, добавим мы.

Впервые в истории был произведен такой молниеносный и такой чудовищный эксперимент над миллионами людей. На глазах односельчан миллионы крестьян с женами и детьми были выхвачены агентами сталинских органов безопасности из своих домов и отправлены в дальние края на смерть или подневольный труд. Видимо, Сталин был уверен, что все это пройдет ему безнаказанно. И он и на этот раз не ошибся.

Но для страны, для народа это безнаказанно не прошло. Принудительно проведенная Сталиным коллективизация привела деревню к голоду, а страну — к разорению.

Цифры потерь скота, приведенные Сталиным в его докладе на XVI съезде партии, сильно занижены. Но даже согласно этим цифрам потери крупного рогатого скота составили 14,5 млн. голов, свиней было потеряно 33 %, а мелкого рогатого скота — 25 % поголовья.

И все-таки даже не это явилось главной потерей. Главное — моральный удар, нанесенный крестьянству, лишивший его заинтересованности в результатах его труда.

Насильственное вовлечение крестьян в колхозы, почти полное изъятие у них урожая по исключительно низким ценам привели к тому, что всякий стимул труда в колхозе был потерян: труд этот не давал даже прожиточного минимума.

Колхозные посевы планировались сверху райкомами и райисполкомами.

Председатели колхозов назначались сверху.

Колхозы облагались натуральным налогом без учета их

возможностей.

Цены на колхозную продукцию устанавливались государством без учета фактических затрат труда.

Поставки колхозной продукции были так велики, что нередко превышали валовые сборы, а оплата трудодней так низка, что даже не восстанавливала сил, затраченных на труд.

Со второй половины 30-х годов были резко сокращены размеры приусадебных участков, являвшихся единственным источником существования колхозников, и значительно урезаны права колхозников разводить лично принадлежащий им скот. Запрещалась даже косьба травы для личных нужд колхозников.

Регламентация жизни и труда колхозников была более строгой, чем крестьян при крепостном праве.

Естественное в этих условиях желание колхозников переехать в город на заработки решительно пресекалось властями путем запрета выдавать колхозникам паспорта, строгостями прописки в городах и т. п. Такая система принудительного труда и быта, введенная властями, парализовала жизнь деревни. Это оказало самое отрицательное влияние на развитие колхозного движения. Не будет преувеличением сказать, что причина эта сказывается и сейчас, что и теперь все по той же причине колхозы топчутся на одном месте.

Доходы колхозов регулировались внеэкономическими методами, что породило безразличие колхозников к делам и успехам колхозного производства. А когда труд председателей колхозов стал оплачиваться путем выплаты им зарплаты независимо от успехов колхозов, это привело к отчуждению колхозников от председателей и к независимости председателей от колхозников.

Многолетнее управление колхозами внеэкономическим, административным способом привело к тому, что наша страна до сих пор не может найти путь для быстрого подъема сельского хозяйства, доведенного Сталиным до полного упадка.

Единственным верным путем подъема советского сельского хозяйства до уровня передовых капиталистических стран является введение полной колхозной демократии на основе широкой демократии в стране в целом.

Л. Д. Троцкий был тогда членом президиума ВСНХ.

Вот такие приятные для Бухарина речи вел тогда Сталин. Как не похожи они на его речи, когда на очередь встал вопрос о разгроме бухаринской группы.

Сталин согласился с этим — и уничтожил весь большевистский штаб.

Дальнейший ход событий показал, к чему привело партию

признание Сталина «главным» и его первенство (т. е. единоличная власть), на которое он якобы «не претендовал».

Это не помешало так называемым последователям Ленина вытравить из практики социалистического строительства дух ленинского учения и заменить его преклонением перед ним лично как перед иконой.

Ленин не говорит «империализм», он говорит «капитализм», имея в виду все стадии развития капитализма.

Ленин подчеркивал именно международный характер революции.

Как Парижская коммуна! Здесь и не пахнет «социализмом в одной стране».

В. И. Ленин не представлял себе, как это можно сделать, а Сталин и его продолжатели не представляли и не представляют себе, как можно этого не сделать. Так далеко ушли мы от Ленина!

А Сталин, сославшись на решение X съезда, раз и навсегда запретил фракции.

У Каменева была феноменальная память, и он мог, как говорил его секретарь, на память воспроизвести любое выступление.

Конец 1-й части